

МЕЖАВТОРСКИЙ СБОРНИК

ПРОЕКТ ИРИНЫ МАНКЕВИЧ

Карнавал Фистических Историй

**Ирэн Блейк
Надежда Щербатая
Ирина Федоровна Манкевич
Павел Владимирович Рязанцев
Адиль Маратович Койшибаев
Андрей Лоскутов
Екатерина Бадьянова
Манкевич Ирина Федоровна
Карнавал мистических историй**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70207381
SelfPub; 2023*

Аннотация

В мире много загадок и необъяснимых явлений. В домах живут привидения, в лесах водятся оборотни и фейри, в небе летают драконы и злобные инопланетяне. Ваша соседка может оказаться обычным демоном – людоедом, а невиданное чудище может иметь доброе сердце. Карты предскажут будущее, а добрая фея спасет кому-то Рождество. И есть ли жизнь после смерти? Кто знает. В этом мире возможно все.

Содержание

Ирина Манкевич	4
Надежда Щербатая	105
Екатерина Бадьянова	159
Ирэн Блейк	229
Павел Рязанцев	339
Адиль Койшибаев	367
Андрей Лоскутов	455
Благодарственное письмо	465

**Ирина Манкевич,
Надежда Щербатая,
Екатерина Бадьянова,
Адиль Койшибаев,
Павел Рязанцев, Ирэн
Блейк, Андрей Лоскутов
Карнавал
мистических историй**

Ирина Манкевич

Подарок для маленького привидения

Люда в костюме Снегурочки выбежала с пакетами из пункта выдачи, когда часы показывали половину двенадцатого. Напарник, незаменимый Дед Мороз, Толик открыл дверь машины и она плюхнулась на переднее сиденье.

– Где тебя носит, Снегурка?

– Забирала подарки для племянников.

– Время видела? У нас заказов выше крыши. Если опоздаем, останемся без премии.

Люда осторожно положила пакеты на заднее сиденье.

– Не сердись. Я и тебе подарок купила.

– Носки или дезодорант?

– Не угадал.

Толик деловито поправил искусственную бороду, пряча довольную улыбку. Машина вздрогнула и тронулась с места.

– Хорошая ты девка, Людка. Был бы не женат...

– Поосторожней на поворотах. Если твоя узнает, волосы обоим повывидирает.

Толик театрально схватился за голову, словно закрываясь от удара:

– Ты же не скажешь, правда? Пожалей мои седины.

– С ума сошёл? Держи руль, старикашка.

– Чего это я старей? Мне всего двадцать семь.

Толик так натурально обиделся, что Люде стало неудобно. Она состроила жалобную рожицу и погладила его по руке:

– Не сердись, Дедушка Мороз. А то ещё и морщинки появятся.

– Злая ты, потому и не замужем, – покачал головой Толик.

Новогодняя ночь выдалась красивая, лунная и тихая. Ни снежинки, ни сильного мороза, ни лёгкого ветерка. Тишь и

благодать. Весёлые люди гуляли по улицам города, пели песни, поздравляли друг друга и танцевали. Люда с улыбкой смотрела в окно автомобиля, держа на коленях мешок с очередным подарком.

Толик уверенно рулил, обгоняя неторопливые машины.

– Может кофейку выпьем? Время есть, – он потянулся за термосом, отвернувшись от лобового стекла.

– Опять? – Люда перехватила его руку.

– Да что такого? У меня автомат. С закрытыми глазами ездить можно.

– Я жить хочу. Если хочешь кофе, давай остановимся.

Толик что-то недовольно пробурчал в бороду, но послушно припарковался на обочине. Не глядя на Люду, деловито потянулся за очередным термосом. В этот момент заиграл рингтон – кто-то прислал Толику сообщение.

– Ну что ещё? – недовольно пробасил он.

Люда отвернулась. Наверняка от жены, жутко ревнивой и мнительной особы. Внеочередные разборки. Она не хотела в этом участвовать. Хорошие заработки требуют жертв, но не все на это готовы. За одну новогоднюю ночь Толик получит больше, чем за несколько месяцев работы в местном театре, но вокруг так много соблазнов и красивых женщин.

– Они совсем очумели?

Толик удивлённо хлопал глазами и теребил рукав ее шубки.

– Что там?

– Ещё один заказ.

– Но у нас и так плотный график. Маршрут по секундам рассчитан.

– Я им сейчас устрою.

Толик нашёл нужную фамилию и, после нескольких гудков, послышался знакомый голос начальницы:

– Что там у вас?

– Зина, что за фокусы? Откуда взялся ещё заказ?

Послышался звук бьющегося стекла, потом крики и ругань начальницы. Толик и Люда рассмеялись.

– Чего ржёшь, придурок?

Смех как рукой сняло. Люда автоматически зажала рот ладошкой, боясь даже вздохнуть, а Толик начал заикаться:

– Так это... За-заказ нам но-новый пришёл. Его не-не было в графике.

– Слушай сюда, умник. Люди платят деньги, большие деньги и ты обязан их отработать. Понятно?

– Но мы не успеем. У нас все по секундам...

– А я тут по-твоему мячи пинаю? – голос Зины понизился и перешёл на визг.

– А как же график? Дети ждут и...

– Ты не шути там, – Зина сделала ударение на каждом слове. – Уволю на хрен!

Зина закричала так громко, что Люда вздрогнула, а Толик чуть не выронил телефон.

– За что, Зинаида Львовна?

– Это я не тебе, Толик. Пока не тебе. Понял?

Повисло тяжёлое молчание. Толик беспомощно смотрел на Людю, словно просил поддержать и что-то сказать начальнице, но она лишь округлила глаза и молча мотала головой.

– Предательница, – прошипел Толик.

– Ты что-то сказал? Я не расслышала.

Голос начальницы излучал электричество. Можно было подключать лампочку прямо к воздуху.

– Это я не вам, Зинаида Львовна, – Толик заливался соловьём. – Мы все сделаем, не сомневайтесь.

– Другое дело.

В трубке послышались гудки отбоя.

Толик вытер со лба пот, его руки мелко тряслись:

– Вот и попили кофеёк.

Людя осторожно косилась на напарника и виновато прятала глаза. Нехорошо получилось.

– Не переживай. Справимся как-нибудь.

Толик лишь махнул рукой и выругался:

– Достали.

Новый заказ оказался странным. Заказчик требовал, чтобы дед Мороз и Снегурочка приехали в дачный поселок, где-то за городом. Причем ровно в три часа двадцать минут и ни минутой позже. Пришлось выкручиваться и сократить поздравления по другим адресам.

– Не сидится им в городе. Подавай эксклюзив, – ворчал

Толик, пытаясь построить маршрут до поселка. Навигатор вращал карту в разные стороны, каждый раз показывая разные маршруты. – Только этого не хватало.

– Что там?

– Хрень какая-то. Сама посмотри.

Люда смотрела на блуждающую зеленую стрелку, нервно сглотнула:

– Может не поедем, а? Что-то боюсь я.

Машина выехала за город, Толик следил за навигатором:

– Смотри внимательно. Если проедем нужный поворот, беды не миновать.

Мог бы и не говорить. Люда всматривалась в темноту, по коже бегали противные мурашки:

– Почему так темно?

– Кто знает? Зачем на новый год забираться в такую глушь? Люди вроде не бедные.

– Мы точно не заблудимся?

– Не бойсь. За рулём профи. А вот и поворот.

Машина плавно свернула с шоссе на просёлочную дорогу.

– Странно. Все почищено. Словно нас ждали.

Посёлок выглядел небольшим, но уютным. Красивые домики ровными рядами стояли вдоль дороги. Высокие заборы надёжно скрывали подробности местного быта, но в домах горел свет, звучала музыка, гремели салюты. В салон прокрался аппетитный запах шашлыка. В животе Люды недовольно буркнуло. Она вспомнила, что давно ничего не ела.

– Живут же люди, – мечтательно протянул Толик, рассматривая высокие добротные заборы.

Люда всегда мечтала иметь уютный дом за городом и большую семью, но подходящий человек все не находился. А ей скоро двадцать пять. Подруги и сестры давно замужем, а ей вот не повезло. Она тяжело вздохнула:

– Да, хорошо тут.

Толик посмотрел на неё, потом на навигатор и побледнел прямо через грим.

– Эй, что за ерунда?

Люда неохотно вышла из печальных размышлений и увидела, как мечется зелёная стрелка на экране навигатора, выбирая нужный дом.

– Что будем делать? – Толик стучал пальцем по экрану, но картинка не менялась.

Не сговариваясь, они высунулись из окон, пытаясь увидеть номера домов. Ничего не было. Ни на заборах, ни на калитках.

– Давай доедем до конца улицы. Может нас ждут у ворот?

Толик пожал плечами, сбавил скорость и перешёл на ближний свет.

Минуты превратились в тягучее месиво. Они вглядывались в дома, поглядывая на навигатор. Ничего и никого.

– Ты правильно ввёл адрес?

Толик презрительно фыркнул, но достал телефон, проверил сообщение.

– Деревня Крыново, улица Вишневая, дом двадцать один. Они уставились в навигатор, переглянулись.

– Все правильно, – Люда посмотрела на время. – Мы рано приехали. Ещё только три часа семнадцать минут.

– И что? – Толик удивленно смотрел на Люду, но она не знала, как объяснить мысль, неожиданно пришедшую ей в голову.

Неожиданно стрелка уверенно замерла, показывая, что нужно вернуться на десять метров назад. Они несговариваясь уставились на часы.

– Три девятнадцать, – выдохнул Толик.

– Не успеешь развернуться. Оставим машину тут и пойдём пешком, – Люда открыла дверцу и выскочила на мороз.

– Люда, а что мы подарим детям?

Вот это вопрос. Об этом они не подумали. Заказ скинули, а подарки-то не дали.

– Сколько детей?

– Двое. Мише шесть лет, Аняте – пять .

Люда быстро открыла заднюю дверь, порылась в своих пакетах. Выбрала дорогую машинку и большую куклу в красном бархатном платье с длинными чёрными волосами, протянула Толику:

– Бери.

– Дорогие же.

– У детей должен быть праздник. А племянникам я новые подарки завтра куплю.

Толик неохотно засунул коробки в мешок:

– Вот дура. А если не заплатят?

– Некогда болтать. Бежим.

Калитка у двухэтажного белого дома оказалась открытой. Люда и Толик заскочили во двор ровно в три двадцать. Их никто не ждал. Пустая конура без собаки, сиротливо примостилась у ворот. Охранников нет. Камер не видно и сигнализация не проведена. Странно все это. Дом довольно богатый, нельзя оставлять без присмотра.

Толик позвонил в дверь, она быстро открылась и на пороге появилась улыбающаяся молодая женщина в длинном платье изумрудного цвета. Ее длинные светлые волосы уложены в красивую дорогую причёску, а на шее поблескивало золотое кольцо. Стройная и очаровательная, словно сошла с обложки журнала.

Женщина удивлённо хлопала глазами, улыбка сползала с ее губ:

– Вы кто?

Толик и Люда переглянулись.

– Мы очень торопимся, – Толик пытался сдерживать раздражение. – Вы заказали, мы приехали. Где дети?

Толик попытался войти внутрь, но женщина преградила путь, схватившись за дверные косяки.

– Я никого не заказывала.

Это уже было слишком. Люда растерянно улыбалась и по-

тирала руки, не зная что делать.

Толик перестал улыбаться и спрятал руку за спину. Он всегда так делал, чтобы заказчики не видели сжатый кулак.

– Послушайте, Ольга Викторовна...

За спиной женщины появился высокий широкоплечий мужчина в белой рубашке и чёрных брюках. Он обнял женщину и чмокнул в щёчку:

– Дорогая, ты вызвала Деда Мороза? Какая же ты умничка. Дети давно об этом мечтали, а я опять забыл, – мужчина улыбнулся и отодвинул Ольгу в сторону. – Чего же вы ждёте? Проходите скорее. Дети там.

– Дима, нельзя их впускать. Мы даже не знаем, кто они и как вошли во двор.

Ольга что-то ещё говорила, но никто не обращал внимание. Толик и Люда быстро заскочили в дом и поспешили за Димой.

Все прошло идеально. Дети смеялись, обнимали Деда Мороза, пели песни и рассказывали стишки. Толик похвалил их и подарил подарки.

Дети открыли коробки и с удивлением рассматривали игрушки.

Все это время Люда молча улыбалась. Она привыкла к безмолвной роли Снегурочки: кому интересна внучка? Она не дарит подарки и не исполняет желания, так зачем же тратить на нее волшебное время?

Люда осматривала странную комнату: мебель и техника новые, но совершенно устаревшие. Она мечтала о таких лет десять назад, а может и больше. Сейчас уже точно и не вспомнишь. В углу стояла большая живая ёлка, под ней лежали четыре коробки в праздничных бумажных обёртках. Стекланные шары и допотопные гирлянды придавали шарм, но выглядели уныло. А ещё... ей казалось, что в доме пахнет дымом. Она осторожно огляделась, но камина в комнате не было, как и печки. Откуда же запах?

Кто-то осторожно взял Люду за руку. Люда увидела маленькую Анюту, она прижимала к груди ее куклу в красном бархатном платье, с длинными каштановыми волосами. Какая же холодная у девочки рука. Просто ледышка. Странно, в доме очень тепло и все в лёгкой одежде. Даже в поддельной шубке Снегурочки жарко. Волосы под шапочкой явно намокли от пота. Может девочка больна?

Анюта сильнее сжала руку Люды и холод усилился:

– Мне нравится твоя кукла.

Люда присела и почувствовала непривычный озноб. Она взяла руку девочки обеими руками и начала тереть, пытаюсь согреть.

– Я рада. Она такая же красивая, как и ты.

Глаза девочки, голубые и чистые, излучали печаль. Казалось, она сейчас заплачет.

– К нам давно никто не приезжал. Было так скучно.

– Вы все время живёте здесь?

Девочка кивнула.

– Ты можешь остаться с нами?

– Не думаю, что это понравится твоим родителям.

– Мама редко бывает. Мы очень скучаем. А ты хорошая.

И теплая, – девочка прижалась к Люде и всхлипнула. – Не уходи, прошу.

Люда растерялась. Все происходящее казалось абсурдом: на фоне роскоши и заботы, малышка плачет прямо в новый год.

– Не плачь. Я приеду позже, когда кончатся праздники.

Хорошо?

Девочка прижалась крепче и Люда почувствовала явный холод, словно к ее щеке приложили лед.

– Я буду ждать.

Дмитрий хлопнул в ладоши и радостно возвестил:

– Пора фотографироваться. Все к ёлке.

Люда встала, повела девочку к ёлке. Там уже стоял Толик, на руках он держал довольного Мишу. Мальчик прижимал к груди блестящий внедорожник, купленный Людой для племянника и улыбался.

– Улыбнись, куколка. Ты такая красавица, – Дима погладил Анюту по щеке.

Анюта улыбнулась, но не отпустила руку Люды.

Ольга расслабилась и тоже улыбалась. Она много шутила, влюбленно смотрела на мужа и детей. Семья выглядела такой счастливой, что у Люды навернулись слезы. Она шмыг-

нула носом и похлопала глазами, пытаясь вернуть счастливую улыбку.

Дима достал из кармана «мыльницу» и закрепил на штатив.

Люда удивилась, но ничего не сказала. У богатых свои причуды. Ее больше беспокоил запах дыма, он усилился и стало трудно дышать. К горлу подступал кашель. Она окинула взглядом людей в комнате, но они словно ничего не замечали. Может, показалось?

Сделали несколько снимков, Дима снял «мыльницу» и протянул жене:

– Убери подальше, а то Мишаня опять сломает. Жалко потерять такие редкие кадры.

Ольга поцеловала мужа, повесила старинный фотик на руку и позвала всех к столу.

Толик печально вздохнул и развёл руки:

– Вас много, а Дед Мороз один. Ему ещё много подарков раздать надо.

– Возьмите хоть с собой. Оленька, упакуй.

Ольга пошла к столу, но Толик ее остановил:

– Не обессудь, хозяйюшка. Нам с внучкой и правда пора. С Новым годом вас.

Ольга всплеснула руками:

– Тяжёлая у вас работа, дедушка. Берегите себя и внученьку.

– Так и есть, красавица. Если все понравилось, встретимся

В НОВОМ ГОДУ.

Анечка потянула Люду к ёлке:

– Видишь ту коробку? – девочка ткнула пальчиком в небольшую красную коробку. – Это папа купил для мамы. А вон тот, розовый, для меня...

Люда смотрела на подарки и не верила глазам: под ёлкой лежало пять коробок разного размера. Но раньше их было четыре, она точно помнила. Каждому члену семьи по одному. Четыре коробки, как и раньше, лежали на виду и рядом, а пятая, размером с торт, в неприметной зелёной упаковке, одиноко лежала чуть в стороне, у самого ствола ёлки.

– Снегурочка, поторопись. Нам ещё в город возвращаться, – голос Толика вывел Люду из оцепенения.

– Да, дедушка, – привычно сказала она и погладила девочку по голове.

Голова и даже волосы девочки казались холодными. Люда мысленно успокаивала себя: устала. Или привиделось. Завтра весь день отсыпаться.

Она снова улыбнулась.

– Мне пора, красавица. Расти большой и умной. Договорились?

Толик и Люда почти подошли к калитке, когда их окликнула Ольга.

– Подождите, – она бежала к ним в норковом полушубке. Они остановились. Толик устало вздохнул и посмотрел на

часы:

– Весь график коту под хвост.

– Да ладно тебе. Нагоним.

Ольга протянула Толику руку:

– Возьмите.

– Что это?

– Деньги. Вы потратились на подарки, они очень понравились детям.

Толик и Люда переглянулись.

– Ну... тогда это не мне. Это Снегурочка покупала.

Ольга взяла Люду за руку и вложила сложенные купюры. Руки Ольги были тёплыми. Странно это. Люда растерялась. Может ей показалось, что руки девочки холодные?

– Ну что вы, не стоило беспокоиться.

– Спасибо вам. Дети надолго запомнят этот праздник. Мы обязательно закажем вас в следующем году.

– Три сорок, – как бы невзначай сказал Толик, показывая часы.

– Мы будем очень рады. Найдите нас в интернете. Фирма «Дед Мороз от Зои».

Люда попыталась высвободить руку, но руки Ольги вдруг стали холодными, как лёд, а улыбка сползла с лица. Она сняла фотоаппарат и вложила в руку Люды.

– Сохрани это. Поняла? Найди Кирилла Друдзова, он опер в пятом отделении. Скажи Ольга Кротова передала. Это очень важно. Запомнила?

Голос Ольги звучал строго, но в нем слышалась мольба о помощи. Люда таращилась на странную женщину и не могла ничего сказать.

– Ты передашь? – Ольга почти плакала. – Это очень срочно.

Толик потянул застывшую Люду за рукав.

– Она передаст. Не сомневайтесь.

– Я передам. Не волнуйтесь.

– И ещё, – Ольга схватила Люду за рукав. – Уезжайте прямо сейчас. Чтобы ни случилось, не подходите больше к дому. Поняли?

Лицо Ольги снова изменилось. Она растерянно хлопала глазами, словно только что проснулась.

– Вы ещё здесь? – удивлённо сказала она, ее рука снова стала теплой.

– Бежим отсюда, – прошептал Толик.

– Согласна.

И они побежали. Запрыгнули в машину и захлопнули двери. Вдруг сумасшедшая бросится вслед?

Толик завёл машину, подождал пару секунд и тронулся с места.

– Не подведи милая, сегодня не холодно.

Люда не глядя положила фотоаппарат и деньги в ближайший пакет, и ей стало легче.

– Давай быстрее. Не нравится мне здесь.

– Ненормальная семейка.

Машина послушно развернулась и покатила прочь от странного места.

На дурацкий заказ потратили слишком много времени. Толик гнал машину, но это не помогло. Они выбились из графика, в офисе начальница устроила форменный нагоняй, грозясь увольнением и санкциями.

– Вы что натворили, а? Сократили поздравления и все время опаздывали. Что скажете?

Толик валился с ног. Огромные дозы кофе помогли закончить работу, но вымотали его до предела. Он сдавал костюм, зевая во весь рот.

– Жалобы есть? – лениво спросил он, выслушав череду претензий и ругань начальницы.

– Ты ещё спрашиваешь? Дармоед.

– Точно. Жрать хочу. У нас будет завтрак, Зина Львовна? Начальница устало махнула рукой.

– Все давно поели и уехали по домам. Только я тут сижу, вас дожидаясь.

– Не понял, нас не будут кормить?

– Бутерброды и чай подойдут?

– А деньги?

– Завтра придут на карту.

– Отлично. Люда, ты идёшь? – Толик побрёл в соседний кабинет, подхватив за талию начальницу. Он не приставал. Он старался не упасть.

– Я приду позже.

Люде было проще: ей удалось немного вздремнуть во время поездок. Она сдала костюм и перебирала подарки в пакетах: не забыла ли чего в машине. В одном из пакетов она наткнулась на фотоаппарат, который дала Ольга. Он выглядел странно. Потёртый и старый, словно им долго и очень активно пользовались. На нем были даже царапины. Но это невозможно. Она точно помнила, что несколько часов назад он был новеньким и блестящим. Что за фокусы?

Вошла начальница.

– Попей чая, а то похожа на привидение.

Люда задумчиво положила фотик в пакет и пошла к столу.

Горячий чай и еда сделали своё дело. Толик беседовал с начальницей, а Люда расслабилась и не могла отделаться от наползающих воспоминаний. Раз за разом она мысленно прокручивала все события, произошедшие в загадочном доме и вопросов становилось все больше. Озадачил и разговор с Толиком по дороге в город. Он сказал, что запаха дыма не было. Остальные тоже были спокойны. Но он был. Просто выворачивал лёгкие и мешал ей дышать. Это был глюк? Или воображение расшалилось?

Если так, то что тогда с Анютой? Была ли её кожа холодной? Толик сказал, что девочка только раз к нему подходила, забрать подарок. Он коснулся её головы, но он же Дед Мороз и был в варежках. Кладовщик перепутал и выдал уличный вариант, с утеплителем и мехом. Таким и Антарктида

ни почём, руки будут тёплые и сухие. Он спарился в них и чувствовал себя идиотом. Прямо как Люда сейчас.

Но больше всего ее волновал пятый подарок под елкой. Откуда он взялся? У нее фотографическая память и зрение отличное. Они его не приносили, хозяева тоже – она бы точно заметила. Тогда кто его принес и когда?

Толик тормошил Люду за плечо:

– Уснула что ли?

– А? Что?

– Вставай, Зина вызвала такси.

Люда быстро допила остывший чай и встала из-за стола.

В такси Толик и начальница болтали без устали, не от радости, они просто боялись уснуть. Люда рассматривала старый фотоаппарат и вспоминала слова Ольги: «Сохрани это. Поняла? Найди Кирилла Друдзова, он опер в пятом отделении. Скажи Ольга Кротова передала. Это очень важно. Запомнила?»

И что делать? Искать этого загадочного опера или нет? Существует ли он на самом деле? В каком городе? И где это пятое отделение?

Такси подрезал какой-то лихач. Водитель еле успел затормозить и машину занесло на скользкой дороге. Она отклонилась от курса, слегка крутанулась и уперлась в бордюр. Все произошло так быстро, что Люда не успела испугаться. Водитель вышел из машины, повертелся у капота, сбегал к ба-

гажнику и, вернувшись сообщил, что поездка окончена. Там что-то повредилось и он уже вызвал гаи. Пассажиры – свидетели и должны остаться с ним. Толик выл от возмущения, начальница грозилась написать жалобу, но водитель стонал и хватался за голову. Он умолял подождать и дать показания, иначе ему хана. Ущерб повесят на него и вся его огромная семья умрет от голода.

Люда вышла из такси, чтобы не слушать их препирания. Водитель было заволновался, но увидев пакеты на заднем сидении, успокоился и продолжил развлекать остальных.

Где-то рядом вспыхнул фейерверк и Люда повернулась, чтобы посмотреть. Ее взгляд бегло скользнул по вывеске «пятое отделение» и обратился в небо. Десятки разноцветных огней вспыхивали и разлетались в разные стороны. Невероятная красота заморозила Люду. Она стояла открыв рот, стараясь запечатлеть зрелище.

Рядом остановилась незнакомая пара. Парень и девушка вынули телефоны и фотографировали фейерверк. Хорошая идея.

Люда хотела достать свой телефон, но в руке оказался старенький фотоаппарат. Она вздрогнула от удивления. Зачем она взяла его с собой? Не собиралась же она в самом деле идти в пятое отделение? Стоп.

Люда медленно повернулась в сторону вывески и замерла. Этого не может быть. Это сон. Она просто уснула в машине. В это время из отделения вышли двое полицейских, сели в

машину и включили мигалку. Раздался знакомый звук сирены. Такое во сне бывает?

Она зажмурилась и ущипнула себя.

– Ай. Зачем так больно?

Значит это не сон?

Словно чья-то рука толкнула ее в спину и она уверено пошла к отделению.

Дежурный, молодой парень, увидев Люду, закрыл глаза, несколько раз глубоко вздохнул и сосчитал до пяти. Потом открыл глаза и официальным тоном спросил:

– У вас что-то случилось?

Люда устала удивляться. Она спокойно следила за действиями дежурного, крепко сжимая фотоаппарат. Он придавал ей решительности.

– Нет. Все нормально.

Дежурный расслабился и улыбнулся.

– Тогда зачем пришли?

– Мне нужен опер, Кирилл Друдзов. Он у вас работает?

Брови дежурного медленно поползли вверх, пытаясь спрятаться в густой челке.

– Вы уверены?

– Да.

– У нас нет такого опера, – дежурный едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.

Люда вдруг почувствовала себя полной дурой. Так глупо подставилась. Уму непостижимо. Почему она поверила

странной женщине и приперлась сюда?

– Извините. Я, кажется, ошиблась.

Люда осторожно повернулась к выходу, но ее остановил вопрос дежурного:

– А кем вы приходитесь Кириллу Иосифовичу?

Люда на автомате снова повернулась к окошку и уставилась на хихикающего дежурного.

– Вы его знаете?

– Кто ж его не знает? Человек – легенда.

– Как мне его найти?

Дежурный вернул строгий вид:

– Эх, девушка. Выходной у него. Новый год, знаете ли.

– Но вы сказали, что он здесь не работает.

– Так не по годам ему. Он теперь следователь. Важный человек.

– Позвоните ему, – почти закричала Люда. – Немедленно.

– Я не располагаю такой информацией. Позвоните в прокуратуру и уточните график его работы.

– Как вы можете? Это очень важно. Я должна передать ему одну вещь.

Дежурный явно не ожидал такой прыти от скромной девушки и вытаращил глаза.

– Что вы себе позволяете? Я при исполнении. Как задержу на трое суток, будете знать.

Мозгами Люда понимала, что перегибает палку, но остановиться уже не могла. Она не в силах больше ждать. Нужно

срочно отдать фотоаппарат Кириллу и забыть об этой истории, как о страшном сне.

– Вы не посмеете. Я буду жаловаться.

– Идите домой. Без вас работы хватает. Отойдите от окошка.

Люда так волновалась, что не заметила, как в отделение вошел пожилой мужчина в чине полковника. Он бесшумно стоял сзади и наблюдал за происходящим.

– Где начальник? Позовите немедленно.

– Я вас слушаю.

Люда быстро повернулась, а дежурный поправил воротничок.

– Вы начальник? – Люда всхлипнула.

– Что у вас случилось?

Его голос был спокойным и доверительным. Он внимательно смотрел ей в глаза и словно гипнотизировал.

– Я хотела, – нерешительно заблеяла Люда.

Полковник слегка подался вперед и склонил голову, словно подталкивая к разговору.

И Люда выпалила все на одном дыхании, боясь сбиться:

– Мне нужно срочно позвонить Кириллу Друдзову. Я должна передать ему это, – она протянула пошарпанный фотоаппарат.

– Что это?

Люда смутилась. Глупый вопрос и ответ получился таким же:

– Фотоаппарат.

Дежурный еле сдерживался, чтобы не расхохотаться.

Полковник выпрямился, потер мочку уха.

– Боюсь я не смогу вам помочь. Я не занимаюсь личными делами. Запишитесь лучше к Кириллу на прием. С новым годом, – он обошел застывшую Люду и пошел к турникету.

– Но Ольга сказала, что это очень важно и Кирилл все поймет.

Полковник остановился, словно его ударило током и быстро повернулся. На его лице читалось напряжение.

– Какая Ольга?

– Кротова...

– Вы хотите сказать, что этот фотоаппарат вам дала Ольга Кротова?

– Да.

Полковник достал телефон и несколько секунд раздумывал, водя пальцем по экрану.

Люда испугалась. Она ничего не знает про Ольгу. А вдруг она преступница или еще чего хуже? Вон как полковник сжал губы и напрягся. Может стоит тихонько уйти и выкинуть ненужную вещь?

Она уже хотела попрощаться и быстро убежать, но полковник нажал на экран и послышались тихие гудки вызова.

Трубку сняли быстро. Полковник улыбнулся:

– И тебя с новым годом, зануда.

В трубке послышалась брань и пожелание заняться важ-

ными делами.

– Тут девушка пришла. Ищет тебя.

Люда пыталась разобрать ответ Кирилла, но полковник стоял слишком далеко.

– Да знаю я, но она говорит, что у нее для тебя вещь, которую передала Ольга Кротова. Помнишь такую?

В трубке повисла тишина.

– Ты там уснул?

Полковник протянул телефон Люде:

– Он хочет поговорить с вами.

Люда подошла, осторожно взяла телефон:

– Здравствуйте.

Мужской голос ответил неожиданно, словно резанул по ушам:

– Откуда вы знаете Ольгу?

– Я видела ее сегодня ночью.

– Она что-то предала мне?

– Это фотоаппарат. Она сказала, что это очень срочно. Но если это не важно...

– Опишите ее.

Люда задумалась, вспоминая облик странной заказчицы.

– Высокая, стройная, у нее красивые светлые волосы, длинное изумрудное платье и кольцо на шее. Она похожа на богатую леди.

В трубке молчали.

– Вы еще здесь? Алло? Еще у нее муж Дима, сын Миша и

дочь Анюта. И дом в деревне, с решетками на первом этаже. Кажется, ей очень нужна ваша помощь.

Голос Кирилла понизился, стал тише:

– Вы можете сейчас приехать?

– Да.

– Записывайте адрес.

Кирилл оказался крепким высоким мужчиной лет сорока. Это удивило Люду, но она слишком устала, чтобы думать о таких пустяках. Какая разница, что может связывать его и молодую женщину, которой нет и тридцати? В жизни и не такое бывает.

Кирилл и Люда уже больше часа сидели на кухне. Она снова и снова рассказывала то, что произошло ночью в загородном доме, но он задавал новые вопросы и вертел в руках старый фотоаппарат.

Усталость взяла свое и Люда начала клевать носом. В этот момент Кирилл быстро схватил ее за руку и потянул к себе. Если бы не стол, она бы точно упала на пол.

– Кто тебя послал и зачем?

Мысли Люды путались, глаза закрывались.

– Я вам все рассказала. Забирайте фотик и отпустите меня домой. Я хочу спать.

– Речь идет об убийстве. Ты понимаешь, что это значит?

– Ольга кого-то убила? – страшная догадка мелькнула и пробудила Люду, в голове всплыл запах дыма. Свободной ру-

кой она схватила руку Кирилла. – Там был пожар, да? Я так и знала. Нужно было сразу звонить в полицию.

Слезы градом полились из ее глаз.

На лице Кирилла читалось удивление и недоверие одновременно:

– Ты ничего не знаешь?

– Откуда? Я всю ночь проработала.

Люда плакала, не вытирая слезы. Она представила, как тяжело и одиноко будет тихой девочке в детском доме. А после такой роскоши, тем более.

– А как же дети? Что с Анечкой? Она так одинока. Я хочу навестить ее. Вы знаете где она?

Кирилл смотрел прямо в глаза Люды и молчал. На его лице застыла маска неуверенности.

– Ты что, зверь? Сказать не можешь?

Люда вдруг почувствовала, что ненавидит этого человека. Ольга считала его надежным другом, доверилась ему и что? Сейчас он молча сидел на празднично украшенной кухне и спокойно пил кофе. Весь такой выбритый и отглаженный. Даже переоделся к ее приходу. Белоснежная рубашка, дорогой парфюм и строгие джинсы. Одним словом – плейбой.

Она перестала плакать, убрала руку и злобно процедила, словно выплюнула яд ему в лицо:

– Руки убрал. Быстро.

Кирилл разжал руку.

На предплечье Люды остались красные отпечатки от его

пальцев. Она презрительно усмехнулась и медленно встала со стула.

– Можешь не помогать. Я сама найду Анюту. А ты спи спокойно. Извини, что потревожила в твой личный выходной.

Люда еле сдерживалась. Она смотрела на чашку с кофе, который ей заварил Кирилл, и страстно желала выплеснуть его прямо ему в лицо.

Кирилл перехватил ее взгляд и быстро схватил обе кружки, прижал к груди. На лице мелькнул испуг. Жидкость расплескалась, на белоснежной ткани расплывались грязно коричневые пятна.

Люда хищно улыбнулась:

– У мужчин не бывает друзей. Не так ли, опер?

Кирилл опомнился. Поставил кружки обратно на стол.

– Сядь.

– Я арестована? Интересно, за что?

Кирилл обхватил шею руками, зажмурился, несколько раз повторил вслух:

– Я спокоен. Я совершенно спокоен.

– Мне надоел этот цирк. Открой дверь, – Люда потянулась за пакетами.

– Я все расскажу.

Люда застыла в нерешительности: она может просто уйти, но тогда она ничего не узнает. Но с другой стороны, расскажет ли он правду?

– А как же тайна следствия?

Кирилл открыл глаза:

– Еще кофе хочешь?

– Я уже сама как кофейник. Могу писать кофе.

– Тогда чай?

– Тянешь время?

– Разговор будет долгим.

Люда нагло плюхнулась на стул.

– Я не спешу.

Кирилл несколько раз открывал рот и снова его захлопывал. Видимо он решал, как правильно начать. Наконец он заговорил.

– Десять лет назад был у меня хороший друг, «бизнесмен». Мы так в шутку его называли. Он был очень добрым парнем. Много работал и создал свой бизнес практически с нуля. С бандитами не водился, налоги честно платил. Квартиру помог мне купить. Я тогда был зеленым опером, только перевелся в отдел, а тут жена забеременела. Его банк выдал мне кредит и погасил проценты. Я боялся, думал начнет требовать услуг взамен, но он так ни разу и не обратился. Кристальный был человек. Сейчас такие редкость. Да и тогда тоже. Мы иногда встречались, дружили семьями, но, сама понимаешь, дети, работа. Завертелись мы, стали изредка перезваниваться, а потом и вовсе потерялись. Перекинемся раз в месяц парой сообщений и на том спасибо.

– Получил кредит и забыл друга?

Кирилл опустил глаза. Стук его сердца шевелил ткань рубашки.

– Тот Новый год мы договорились встречать вместе. «Бизнесмен» позвонил, сказал, что дико соскучился и хочет встретиться. Дети тоже ждут нас в гости. Оля скучает по Маринке, так зовут мою жену. Они хорошо ладили и встречались чаще, чем мы.

Мы уже собрались и вызвали такси, но жене позвонили из больницы и сказали, что ее мама попала в реанимацию. Тесть пришел домой и нашел ее без сознания. Я позвонил Димке и извинился. Он все понял. Пожелал удачи и просил сообщить, как будут дела. Я обещал отзвониться, но... жена плакала, пока детей отвезли к моим родителям, короче завертелся я и не позвонил. Только вечером в новостях я узнал о том, что произошло.

Кирилл опустил голову и несколько минут молчал.

– И что произошло в тот вечер?

– По телевизору сказали, что в загородном доме известного бизнесмена произошел взрыв. Хозяин и дети погибли, а жена чудом осталась жива. Я не поверил своим ушам и стал звонить Димке. Трубку поднял опер по делу, он сказал, что новости правдивы и моего друга больше нет. Я выяснил, в какой больнице Ольга и поехал к ней. Зрелище было ужасным. Она рыдала и выла, как раненый зверь. От хрупкой девушки не осталось и следа. Она билась в постели и ее пришлось привязать. Увидев меня, она немного успокоилась и

мы смогли поговорить. По ее словам выходило, что в ту ночь к ним неожиданно позвонили в дверь. Они обрадовались, решили, что это мы приехали. Ольга открыла дверь и увидела на пороге незнакомых людей – девушку и парня – в костюмах Деда Мороза и Снегурочки. Она удивилась, охраны во дворе не было и собаки тоже. Она хотела закрыть дверь, но тут вышел Димка. Ни в чем не разобрался и затащил незваных гостей в дом. Ольга пыталась отговорить мужа, но ничего особенного не происходило. Дед Мороз веселил детей, подарил подарки, потом они сделали несколько фото и она позвала всех к столу, но Дед Мороз и Снегурочка заторопились на выход. Сказали, что еще много вызовов и им нужно уезжать. Когда они вышли, Ольга подумала, что кто-то перепутал адреса и у хороших людей будут неприятности из-за подарков. Она схватила деньги, набросила полушубок и побежала за ними. Когда она вышла, гости были почти у калитки. Она окликнула их и они остановились, схватили протянутые деньги и бросились бежать, сказали, чтобы она быстрее шла в дом, иначе простудится и заболеет. Ольга растерялась, позвала собаку и охранников, но никто не отозвался. Она слышала, как с места рванула машина и через минуту звук мотора затих. Ольга удивилась и решила закрыть калитку, но в этот момент раздался взрыв и комнату, где были муж и дети охватил огонь. Никто даже не успел вскрикнуть. Оля бегала вокруг дома и кричала, когда почувствовала, что ей в ногу уперся холодный нос. Это прибежал их пес. Она оглянулась,

к ней бежали двое охранников. Они что-то лепетали и пытались поднять ее на руки. Она подумала, что они хотят ее унести подальше от дома и сопротивлялась, как могла. Один из них ударил ее по голове. Она отключилась, но успела увидеть, как во двор сбегаются соседи.

Люда с ужасом представляла картину произошедшего. Испуганная женщина бежит перед горящим домом, пытается войти в огонь. Маленьких детей, весело играющих у праздничной елки. Мужа, который остался там, в огне. Возможно, он умер не сразу. Здоровый и сильный, он мог видеть, как плачут его маленькие детки. Потом медленно засыпают, чтобы не проснуться никогда. У нее вспотели руки, сердце бешено колотилось, к горлу подступила тошнота.

– Удалось выяснить, что произошло?

Кирилл ударил кулаком по столу.

– Опера рыли землю, как сумасшедшие. Собирали улики по крупицам. Проверяли каждое слово Ольги, искали свидетелей, но... тогда не было столько камер. А те, что были в доме, сгорели. На первом же допросе охранники заявили, что Ольга лжет. Они были на месте и собака тоже. Не было никакого Деда Мороза и Снегурочки, просто хозяйка бредит после случившегося. Она выбежала из дома с криками за пару минут до взрыва. Видимо, хозяева снова поругались. И еще они явно намекнули, что в семье последнее время много ссорились и даже собирались развестись.

– Это могло быть правдой?

– Спятила? Я бы первым узнал.

– Вы редко общались.

– Вот и прокурор сказал так же. Мои слова не имели веса.

– А соседи?

– Все были в домах, многие уже спали. Время-то было позднее.

– Во сколько это случилось?

– В три сорок пять.

Цифра что-то задела в памяти, но Люда не стала уточнять. Это только начало истории. Потом дойдет время и до семьи Кротовых.

– Дело закрыли?

– Да. Учитывая показания охранников, состояние Ольги и фотографии, родственники просили признать происшествие как несчастный случай. Судья вынес вердикт, что это была обычная утечка газа. Труба лопнула от холода, а в доме горел камин. Вот и взлетело все на воздух.

– Что стало с Ольгой?

– Когда объявили вердикт, она отключилась.

– Как это?

– Не знаю. Что-то замкнуло у нее в голове и она превратилась в овощ. Сидит в инвалидном кресле и смотрит в одну точку. Ее определили в частную клинику. Там ее кормят и моют. Я иногда навещаю ее, но улучшений пока нет.

– А какие фотографии ты имел в виду?

– Ах это. Смешная история, – лицо Кирилла потеплело,

он улыбнулся. – Сын их, Мишка, шалун был редкий, все, что находил, старался открыть и посмотреть, что внутри. Вот родители и прятали всю технику подальше. В ту ночь они фотографировались, Димка отдал Ольге фотоаппарат и она одела его на руку, чтобы отнести в сейф. Когда она выбежала на улицу, то не успела его снять. Так говорила Ольга. Опера почти сутки его искали, но нашли. Вот только там не было фотографий с Дедом Морозом и Снегурочкой. Только члены семьи.

У Люды похолодело внутри, сердце замерло. Странная догадка билась в мозг.

– Сколько было детей?

– Двое. Миша и Аня.

Это невозможно. Две разных семьи и столько совпадений.

– Их фамилия...

– Кротовы.

Люда и Кирилл молча смотрели друг другу в глаза.

– На что ты намекаешь?

– Ты не могла видеть Ольгу и ее семью сегодня ночью.

Люда хотела возмутиться и уже открыла рот, но Кирилл перебил ее:

– Это ложь. Или твои больные фантазии. Или...

Кирилл встал, достал из шкафчика новенькую папку. Он положил ее перед Людой и вернулся на стул.

– Смотри.

Вот же педант. Дело старое, а папка только с конвейера.

Еще пахнет краской.

Люда трясущимися руками открыла папку и тут же увидела знакомые кадры: комната с дорогой мебелью, большая живая елка, женщина в изумрудном платье, двое детей, высокий мужчина в белой рубашке и строгих джинсах. Она смотрела вскользь, боясь смотреть на лица людей, изображенных на фото.

Она вспомнила дежурного в отделении, закрыла глаза и медленно сосчитала до десяти. Немного успокоилась и открыла глаза. Она медленно поднимала взгляд от пола к головам людей. Первой проявилась девочка. Те же туфельки, тот же бант, лицо, кукла в синем платье с белыми кудряшками. Сомнений нет – Люда узнала бы эти черты лица и глаза из миллиона похожих, но вот кукла... Она совсем другая. Та, что подарили они, была в красном платье с каштановыми волосами.

– Это Анечка, – она рассматривала все лица под разным углом, щурилась, отодвигала и приближала фото к самому носу. Сомнений быть не могло. Этой ночью она была именно в этом доме и с этими людьми, но они были живы.

– Чему ты удивляешься? Фотографии семьи были во всех газетах, ты могла видеть их, но просто забыла.

– И адрес запомнила? Деревня...

– Такой деревни больше нет. Хорошее место, застройщики выкупили его со всеми прилегающими полями и разровняли еще осенью. А сгоревший дом снесли и того раньше.

Вот только участок никто не покупал. Говорили, что по ночам там бродит странная девочка с куклой в руках. Она плачет и зовет Снегурочку.

– Детские страшилки.

– Может и так, но покупатель так и не нашелся. До прошлого года.

Голова у Люды раскалывалась, она вдруг почувствовала, что сходит с ума.

– Этого не может быть.

– Так что, никакой тайны следствия нет. Дело давно лежит в архиве и покрылось пылью.

Люда вспомнила про Толика.

– У меня есть свидетель. Мы с Толиком вместе были в том доме.

– Он ночь не спал, дома наверняка отметил праздник. Он может подтвердить или опровергнуть все, что угодно.

– А заказ на фирме?

– Ты проверяла? Договор есть?

– Не до этого было. Но у Толика есть сообщение с заказом.

– Может кто-то пошутил или сбой на сервере. Новый год на дворе, не такое бывает.

Люда закусил губу. Что-то было еще. Ах, да. Как она могла забыть?

– А фотоаппарат? Он откуда взялся.

– Может прихватила где в гостях или подобрала на улице.

– Я украла старую «мельницу»?

– Что не сделаешь от усталости? День-то сумасшедший выдался.

– Ольга дала мне деньги.

Люда вывалила на стол содержимое пакета, в котором нашла фотоаппарат. Кроме ярких коробок там ничего не было. Она проверила все пакеты, но и там денег не оказалось. Она виновато посмотрела на Кирилла.

– Может Толик забрал или водитель такси? Точно, я же оставляла их, когда ходила в отделение полиции.

Кирилл покачал головой.

– Даже если бы деньги были в пакете, этому было бы рациональное объяснение.

– Я их случайно взяла у кого-то из заказчиков? Вы это хотите сказать?

Кирилл отвел взгляд, пожал плечами.

– Ты сама все понимаешь. Зачем спрашивать?

– Я не воровка.

– Тебе могли заплатить за хорошую работу.

– Держи карман шире. Все просят скидку и бонусы на следующий год.

– Ты разворачивала купюры?

– Времени не было. Женщина была такая странная.

Кирилл гладил Люду по руке, разговаривая как с ребенком:

– Не переживай. Это был страшный сон.

Люда не могла сдаться. Она не могла поверить, что все ей

приснилось. И дом, и люди в нем.

– Подарки, – почти выкрикнула Люда, – не хватает внедорожника и куклы.

– Ты могла их потерять или забыть в машине.

Было что-то еще. И это...

– На фотоаппарате снимки. Давайте проверим.

Она нажала кнопку. Экран моргнул, потом еще и еще раз.

– Он не включится. Это просто старый хлам. Выброси его.

«Мыльница» словно испугалась уготованной участи, моргнула еще пару раз и включилась. Люда победно хмыкнула и нажала на архив.

На маленьком экране появилась фотография, одного взгляда на которую, у Люды волосы встали дыбом.

– Это семья Кротовых, – выдавила она. – Смотрите.

Кирилл недоверчиво покосился на фотоаппарат, но взял и уставился на экран. Фото было очень маленькое, но хорошего качества.

– Не может этого быть. Где ты это взяла?

– Вы тоже заметили Деда Мороза и Снегурочку?

– А еще я заметил дату съемки.

Он повернул экран и Люда увидела дурацкие, но крупные циферки, на которые она не обратила внимания.

– Десять лет назад? Этого не может быть.

Телефон снова мигнул и погас. Кончилась зарядка.

Кирилл строго смотрел на Люду. Его губы дрожали:

– Вспомни, где ты взяла фотоаппарат?

– Его мне дала Ольга.

– Хватит. Игры кончились. Теперь ты подозреваемая.

Люда обалдела от такого поворота дел:

– Я-то тут при чем? Я тогда ребенком была.

– Фотоаппарат отправили на экспертизу, но он потерялся.

Его долго искали, но виновных так и не нашли.

– Разумеется. Спецы наверняка бы нашли удаленные фотки.

Кирилл достал телефон, набрал какой-то номер.

– С новым годом, Марк. Поможешь вытащить фотки из старой «мыльницы»? Да, скоро буду.

Кирилл взял папку, сорвался с места и быстро пошел в коридор.

Люда подхватила пакеты и пошла следом. Прошло не больше двух минут, а Кирилл уже стоял в куртке и шапке, открывая входную дверь.

Люда растерялась.

– А как же я?

Он обернулся, уставился хищным взглядом на Люду. Сейчас он был похож на гончую, которая наконец-то взяла след крупного зверя.

– Иди домой и отоспись. Никому ничего не говори и попробуй вспомнить, где взяла фотоаппарат. Поняла?

– Я поеду с вами.

– Исключено.

– Но это же не тайна следствия и я никому не скажу.

– Одевайся и дуй домой. Я позже тебе позвоню.

– Тогда я вам не скажу, что вы стоите в комнатных тапочках.

Кирилл растеряно опустил голову, посмотрел на свои ноги. Розовые носки с симпатичными слониками хорошо гармонировали с кожаными шлепанцами. Он почесал затылок и хихикнул.

– Прикольно получилось.

Марк, накачанный верзила под два метра ростом, подбирал провода и колдовал у мощного компьютера.

Люда и Кирилл сидели на мягком диване, внимательно наблюдали за его действиями, ждали, когда их позовут. Они зевали и терли глаза, недовольно косились друг на друга.

– Зачем за мной увязалась?

– Хочу посмотреть фотографии. Вдруг на них я и Толик?

– Я бы сказал.

– Ага. Так я и поверила. Если только придете с наручниками.

– Ты не могла быть в доме в ту ночь. Я же говорил.

– Пока сама не увижу...

Они бы еще долго спорили, но Марк позвал смотреть фотки. Их оказалось около двадцати штук. Но только на семи были запечатлены Дед Мороз и Снегурочка. На большом экране достаточно четко отразились их лица.

Марк откинулся на спинку кресла.

– Хороший аппарат, качество снимков вполне приличное.

– Сможешь сделать реальные лица?

– Без проблем. Они явно не скрывались. Часть лица Деда Мороза скрыта искусственной бородой, наклеенные брови и низко натянута шапка. А вот Снегурочка, она на то и дурочка. Девушка вообще не скрывалась. Накрасила ресницы, губы и замазалась пудрой. Мои программы быстро их вычислят.

– Не знали, что происходит?

– Или были уверены, что фото никто не увидит.

Пока мужчины вглядывались в лица на экране, не обращая внимание на Люду, она безмолвно смотрела на экран. С первого взгляда на фотографию она увидела знакомое лицо Анюты. Она крепко прижимала к груди новенькую куклу в... красном бархатном платье с каштановыми волосами.

У Люды закружилась голова. Она побледнела и начала медленно оседать на пол.

Мужчины обернулись лишь тогда, когда она зацепила какой-то шнур и чуть не отключила питание компьютера.

– Опять перепад напряжения? – Марк взялся за мышку.

Кирилл увидел лежащую на полу Люду.

– Все таки уснула. Говорил же чтобы ехала домой.

– Она какая-то бледная, – Марк поднёс руку к ее носу. – Кажется она без сознания.

– Нашатырь есть?

– Валялся где-то. Сейчас поищу.

Марк вышел.

Кирилл осторожно похлопал Люду по щекам.

– Очнись. Ты живая?

Марк принес нашатырь, поднес к ее носу.

Люда вздрогнула и открыла глаза.

– Вот же напугала, дуреха. Жить надоело?

Люда попыталась подняться.

– Полежи еще.

Пол был жесткий, но Люду это не беспокоило. Она обли-
зала пересохшие губы:

– Кукла.

Мужчины недоуменно переглянулись.

– Ты о чем?

Люду била мелкая дрожь, зубы стучали. Она с трудом
смогла выговорить:

– Кукла в руках у Анечки. Это моя кукла. Я ее подарила.

Кирилл пожал плечами.

– Мало ли похожих кукол в мире?

– Ее делали на заказ по моим эскизам. Договоры, наброс-
ки и чеки у меня есть.

Кирилл сидел за рулем, не переставая бурчал.

– Мы не сможем подъехать к деревне. Там просто поле.
Понимаешь?

– Но мы же подъехали.

– Вот дуреха. Просто прокатаем бензин и время потратим.

– Ты же видел, куклы у девочки разные. На старых фотках: блондинка в синем платье. А на тех, что принесла я, в бордовом платье с каштановыми волосами.

– Допустим, но дед Мороз и Снегурочка другие. Тебя нет на фотках.

– Всему есть логическое объяснение, – передразнила Люда, ехидно улыбаясь.

Люда следила за навигатором, но он был спокоен. Зеленая стрелка уверенно ползла по карте. Невероятно.

Они долго препирались, чуть не проехав нужный поворот. Кирилл притормозил, осматривая дорогу. Поворот действительно был расчищен.

– Что за ерунда? Кому пришла идея расчистить дорогу в поле?

– Я же говорила.

– Ладно, попробуем проехать. Но если застрянем...

– Помню. Эвакуатор с меня.

Кирилл осторожно съехал на проселочную дорогу. Они проехали мимо знакомого леса и перед ними распростерлось заснеженное поле.

– Довольна?

– Проедем до конца. Может там что-то есть?

Кирилл лишь вздохнул и снизил скорость.

Люда во все глаза смотрела в окно, пытаясь вспомнить, где стоял тот дом, но вокруг было лишь полотно из искрящегося снега. Вдруг она увидела следы.

– Остановись!

Кирилл резко затормозил, машина заглохла.

Люда выскочила из машины и увидела две пары следов.

Они сворачивали с расчищенной дороги, уходили в сторону метров на двадцать, обрывались и возвращались обратно.

Кирилл подошел тихо, на его лице читалась печаль.

– Смотри, – почти кричала Люда. – Это наши следы. Я была тут ночью.

Она осторожно встала в один след и он оказался ей по размеру.

– Видишь? Я видела Ольгу и Анечку. Это правда.

Она вспомнила личико девочки, ее холодные ручки и печальные глаза. Слезы обжигали щеки, но Люда не замечала этого:

– Анечка, я приехала, как и обещала. Прости меня.

Кирилл смотрел на пустынный участок, в его глазах появились слезы.

Они молчали. Холодный ветер трепал два человеческих тела, беззащитных перед силой природы.

Люда подошла к Кириллу.

– Я могу навестить Ольгу?

Он покачал головой:

– Только что звонили из больницы. Ночью у Ольги была остановка сердца. Ее удалось откачать, но она в реанимации. Состояние критическое.

Люда вспомнила изменившийся голос Ольги и ее похоло-

девшие руки.

– Во сколько это произошло?

– Три сорок.

Позже Люда узнала, что Кириллу удалось возобновить расследование по делу семьи Кротовых. Неожиданное появление фотографий сыграло в этом большую роль. Экспертиза установила их подлинность и маховик закона заработал в полную силу. Ее вызывали для дачи показаний. Она рассказала о теплой атмосфере в семье. О том, что ворота действительно были открыты, собаки и охранников не было на месте, а под елкой появился загадочный пятый подарок. И, хотя эти данные нельзя приложить к делу, как доказательства в суде, для следствия это оказалось очень важно.

А главное, Ольга пришла в себя и, первым делом, она захотела увидеть... Люду.

Лед, коньки и потерянная мечта

Таня опаздывала на тренировку. Весеннее солнце пробивалось сквозь тучи и ласкало кожу даже через стекло. Она закрыла глаза, подвинулась ближе к окну, пытаясь отвлечься и подавить раздражение. Спортивная сумка с костюмом и коньками мешала сесть удобнее и сползала с колен, пытаясь порвать новые колготки. Автобус полз со скоростью улитки, беспечные пассажиры толпились у дверей, уткнувшись в те-

лефоны. Всем плевать на ее проблемы и мечты. Этот мир слишком сложен и жесток для маленьких неуклюжих девочек.

Нога постоянно ныла и причиняла дискомфорт. Недавняя травма постоянно напоминала о себе.

– Как не вовремя, – пробормотала она, пытаясь мысленно ослабить боль. – Все хорошо. Прошло много время. Я здорова.

Люди вокруг не обращали внимание. Во времена наушников и интернета, трудно удивляться, увидев человека, разговаривающего в одиночестве.

Боль с новой силой сдавила лодыжку. Она вспомнила разговор с доктором:

– Тебе рано приступать к тренировкам.

– Всего лишь растяжение связок. Такая ерунда.

– Ты можешь сделать хуже. Потерпи пару месяцев, а там посмотрим.

Да что он понимает? Она с детства бредила танцами. Она просто рождена для льда. Родители стольким пожертвовали, стараясь исполнить ее мечту. Может ли она теперь уступить всего лишь боли и отказаться от всего? Когда цель так близка, только протяни руку.

В фигурном катании жесткая конкуренция и возрастные рамки. Ей уже пятнадцать. Если не выложится по полной, снова провалит отбор. Годы упорного труда пропадут даром. Можно будет забыть о карьере фигуристки, олимпиадах и

славе.

Таня зажмурилась сильнее, в глазах мелькали разноцветные круги.

– Боженька, если ты меня слышишь, исполни мою заветную мечту. Пожалуйста. Я буду хорошей девочкой.

Боль не утихла, но на душе стало легче. Вдруг поможет?

Таня вздохнула, открыла глаза. За окном мелькали знакомые дома и магазины. Эту дорогу она хорошо знала и могла пройти по ней с закрытыми глазами. Серая пятиэтажка, два дома повыше, поворот направо... Одно и то же. Тоска и печаль. Столько потерянного времени. Это не дома мелькали за окном, это куски жизни пролетали мимо, каждый раз напоминая о потерянных возможностях.

Как хорошо тренироваться зимой. Во всех дворах заливают катки, не нужно тащиться через весь город на душный, забитый до отказа, искусственный лед. Можно бесплатно тренироваться сутки напролет, не следя за временем и усталостью. Не нужен дорогой тренер. Нет переполненных групп и строгого расписания. Только лед. Только она.

В тот день она тоже тренировалась, отметала усталость и желание уйти домой. Мышцы болели, тело отказывалось повиноваться и делать сложные элементы. Разум твердил:

– Таня, иди домой. Просто поспи и поешь.

Но кто думает о таких глупостях? Не она, это точно. Разгон, поворот, прыжок.

Она не заметила, как рядом оказался крупный мужчина в

смешной шапочке с пумпоном. Он быстро приближался, напоминая огромный айсберг. Столкновение было коротким. Легкая Таня отлетела в сторону, словно мячик в пинг-понге, налетела на незнакомую девушку, не удержала равновесие и больно шлепнулась на попу, подвернув ногу. Кости выдержали, а вот дурацкая связка – нет. Хорошо, что это всего лишь растяжение.

Пришлось отменить тренировки и ходить с забинтованной ногой. Прошло четыре месяца, но она до сих пор иногда прихрамывала после тренировок. К вечеру боль усиливалась и она с трудом сдерживала слезы. Все так не вовремя.

Другое дело бальные танцы. Когда она не могла продолжать тренировки на льду, врач посоветовал на время заняться чем-нибудь полегче.

Таня улыбнулась, вспоминая уютный теплый зал, множество зеркал, станок и яркий свет. Совсем другой мир, другие люди, все другое. Чувство уверенности и свободы, словно танец продолжение ее души и сердца. Пластика, грация и музыка. Она так любит музыку. Разную. Быструю и медленную, легкую и печальную, добрую и решительную. Она способна вдохновить, ударить, разбить, воскресить. Наделить любовью и ненавистью, разозлить или успокоить. А костюмы? Это просто сказка на яву. Легкие, обворожительные и такие воздушные.

Говорят, у нее здорово получалось. Никита, партнер по танцам, строил воздушные замки и уверял, что они отличная

пара. Если немного потренироваться, они обязательно займут призовое место на конкурсе. А Светлана Валерьевна – чудесный хореограф. Такая добрая и светлая. Она двигается словно нимфа.

Таня помотала головой, отгоняя воспоминания. Это просто развлечение. Может быть потом, когда-нибудь она попробует снова. Но не сейчас. Мечты должны сбываться. Она обязательно пройдет отбор и будет блистать на льду. Ее ждет олимпиада, пьедестал, медали и овации. Это даже звучит красиво. А холод? Всего лишь издержки профессии.

У входа на каток кто-то позвал Таню по имени. Она остановилась, оглянулась.

Навстречу шел Никита, тот самый партнер по танцам.

– Ты опять пропустила занятие.

– Я больше не приду.

– Но почему? У тебя прекрасно получается. Танец, вот твоя жизнь. Не все это.

Никита ткнул пальцем в сторону катка. Он был непривычно серьезен и хмур.

Его слова задели что-то у нее внутри. Таня улыбнулась, но вовремя спохватилась.

– Нужно было разработать ногу после травмы. Это просто разминка.

– Тебе же нравилось. Я видел.

– Что за глупости? Мое призвание каток. Только здесь я

чувствую себя счастливой.

– Ложь. Это просто спорт. Изматывающие тренировки, травмы и боль. Набор обязательных трюков, не более. Это не для тебя.

Таня поджала губы, крепче сжала ручку сумки. Она хотела испепелить Никиту взглядом.

– Хочешь сказать, я плохо катаюсь?

– Ты гибкая и пластичная. Танец твоя стихия. Он дает возможность раскрыться, показать душу, а не просто прыгать на льду.

– Просто прыгать?

– Послушай, через три месяца конкурс. Если ты вернешься к репетициям, наша пара обязательно победит.

– Это твоя мечта?

– Да. Я тоже хочу победить, но реально смотрю на факты. Мы хорошо работаем вместе. Я еще жду тебя.

Она отвела взгляд. Он говорил то, что она упорно отрицала последние два месяца. Ей нравилось танцевать. Это правда. Но может ли она предать мечту и не сожалеть потом, всю оставшуюся жизнь?

– Я опаздываю. Если снова провалюсь...

– И что случится? Утроишь старания и переломашь все кости?

– Не твое дело.

– Послушай. Олимпиада всего раз в четыре года и срок фигуристки короток. Ты слишком стара для этого спорта. А

танец...

Не успев сообразить, что делает, Таня отвесила Никите звучную пощечину.

– Не твое дело, дурак. Убирайся.

Никита потер пылающую щеку.

– Я прав, не так ли?

Таня вошла в раздевалку, когда девочки выходили на лед. В ушах еще звучал голос Никиты. Она швырнула сумку на скамейку и плюхнулась рядом.

Тренер увидел ее, сдвинул брови. Он потоптался на месте и решительно подошел к Тане. Голос тренера звучал строго и немного резко.

– Зачем ты пришла?

– Скоро отбор. Мне нужно тренироваться.

– Мне звонил доктор. Твоя нога еще не зажила. Это опасно.

– Побеждает тот, кто рискует. Разве это не ваши слова?

Тренер довольно улыбнулся, его голос потеплел.

– Ты много пропустила. Нужно сильно постараться, чтобы прийти в форму.

– Я не боюсь трудностей.

– А ты настырная. Жду на льду.

Таня вышла на лед, с удивлением почувствовала, что внутри ничего не екнуло. Сердце билось ровно, нога ныла,

прозрачный лед навевал холод и скуку. Впервые она ничего не почувствовала. Ни радости от катания, ни бывалый задор.

Снова всплыли слова Никиты: «Это не танец, это спорт. В нем не покажешь душу.»

Она зазевалась и пропустила элемент. Раньше бы она расстроилась и ругала себя, но сейчас... Спокойно подъехала к бортику и тут же услышала голос тренера за спиной.

– Болит?

– Просто задумалась.

– У тебя большой потенциал. Я могу поговорить с директором и ты сможешь пару недель потренироваться, чтобы вернуть форму.

– Было бы здорово.

– Не вздумай прохладиться. Я за тобой слежу.

Таня отъехала от бортика, но вдруг остановилась. Повернулась и пристально посмотрела в глаза тренера.

– Почему вы не стали чемпионом?

– Это не было моей целью. Я люблю растить чемпионов.

– Значит, ваша мечта осуществилась?

– Конечно.

Тренер ответил так уверенно и просто, что она растерялась: разве может быть мечта такой простой и достигаемой? Он точно не шутит?

В этот момент Таня увидела, как за спиной тренера появился высокий парень лет семнадцати в забавном розовом костюме с заячьими ушками на капюшоне. Большие голу-

бые глаза с пушистыми белыми ресницами придавали ему особое очарование. Такой симпатяжка. Интересно, откуда он взялся? Его точно не было на катке.

Незнакомец с интересом рассматривал ухо тренера и осторожно подул в него.

Тренер вздрогнул, прикрыл ухо и обернулся. Он смотрел незнакомцу прямо в лицо, но, кажется, не видел его. Он растерянно пожал плечами.

– Показалось.

Таня ткнула пальцем в незнакомца:

– Ты что делаешь?

– Я? – тренер округлил глаза.

– Нет, тот парень в розовом, у вас за спиной.

Таня с удивлением смотрела, как тренер вертит головой, буквально упираясь носом в подбородок незнакомца.

– Здесь никого нет.

Незнакомец улыбался и кивал головой.

– Он прав. Меня здесь нет.

– Ты уверена, что готова приступить к тренировкам?

Тренер с сомнением смотрел на Таню.

Она смутилась.

– Простите.

Она пыталась сосредоточиться, но милашка в розовом преследовал ее по пятам. Он врзался в нее с разгона, строил смешные рожицы и ставил подножки. Стоило Тане приготовиться к очередному элементу, он возникал буквально

из воздуха и все портил. Она пыталась догнать незнакомца и проучить, но он ловко маневрировал среди людей, никого не задевая.

Чего не скажешь про Таню. Долгое отсутствие тренировок, боль в ноге и плохое настроение сделали ее неповоротливой черепахой. Она постоянно в кого-то врезалась, мешала другим тренироваться и даже чуть не сбила с ног маленького мальчика. Чтобы избежать столкновения, Тане пришлось сильно постараться. Как же быстро тело смогло забыть многолетние тренировки.

– Получила? – незнакомец показал ей язык.

Это было уж слишком. Таня дернулась вперед, пытаясь схватить нахала за руку, потеряла равновесие и начала заваливаться на бок.

Годы тренировок сделали свое дело: она быстро изогнулась, поймала равновесие и почти выровнялась. Краем глаза она видела недовольное лицо тренера, внимательно следившего за ней. Как же не повезло.

Злобный незнакомец надел капюшон, хитро прищурился и сильно пнул ее по больной ноге.

– Падай уже. Достала.

– Нет!

Она попыталась увернуться от удара и, словно неопытная первоклашка, неуклюже упала на лед. Досада и боль окутали мозг.

– Давай руку.

– Отстань.

Таня машинально оттолкнула протянутую руку.

– Достал уже.

Она подняла глаза и увидела удивленное лицо тренера, склонившегося над ней.

– Простите.

Тренер внимательно смотрел на Таню.

– Звонила твой фореограф.

Таня растерянно хлопала глазами, мысленно проклиная розового негодяя.

– Светлана Валерьевна?

– Она самая. Просила тебя отпустить. Говорит, у тебя дар Божий. Нельзя закапывать такой бриллиант. Возможно, она права. Что думаешь?

– Но я фигуристка. Это смысл моей жизни.

– Я не могу выставить тебя на отбор. Ты не в форме.

– Еще есть время. Я все нагоню.

– Ты не готова. Твоя нога...

– Она почти не болит.

Таня закусила губу, понимая, что сболтнула лишнего. Лицо тренера выражало озабоченность и даже обиду.

– Любой спорт подразумевает травмы. Это нормально. Синяки и шишки быстро заживают. Даже перелом обеих рук для фигуристки не проблема. Но ноги... это основа всего.

– Я справлюсь.

– Мне жаль, но это пустая трата времени. Ты займешь чье-

то место и лишишь его шанса. Иди домой и хорошенько отдохни.

– Вы же обещали две недели.

– Я передумал.

– Тренер...

– Займись лучше танцами. И потом... ты уже слишком взрослая.

Тренер отвернулся и быстро покатился к выходу, даже не попрощавшись.

Незнакомец в розовом радостно улыбался и хлопал в ладоши:

– Поздравляю, юная леди. Вы на пол шага от своей мечты.

Он картинно поклонился и расстаял в воздухе.

Таня с трудом поднялась. Слова тренера словно набат стучали в мозг: «ты уже слишком взрослая». Разве это не то же самое, что сказал Никита?

По щекам катились слезы. Неужели это все? Так глупо все получилось. Если бы не придурок в розовом... Откуда он только взялся?

Таня тихо вошла домой, бросила сумку на полку. Ей хотелось плакать и ругаться одновременно. Который год подряд ей капитально не везло: происходило что-то непредвиденное и она пропускала очередной отбор. Словно кто-то могущественный и властный хотел разрушить ее мечту и сделать несчастной навечно. Она всхлипнула и проскользнула в свою

комнату. Как сказать родителям? Они так старались. Вложили много сил, времени и средств, чтобы осуществить мечту бесполезной дочери. И переживают даже больше, чем она.

Таня взяла увесистый альбом с фотографиями, села на кровать. Вот ей пять. Сонная и испуганная, неуверенно стоит на коньках, крепко вцепившись в папину руку. Было так скользко, холодно и страшно, что у нее свело ногу. Она пыталась выполнять команды первого тренера, но тело налилось свинцом и она стала неповоротливой клушей. Тренер советовал бросить занятия фигурным катанием и выбрать что-то попроще. Мама тогда потратила много сил, чтобы непутевую дочь оставили на испытательный срок. Таня улыбнулась. Как давно это было.

Дверь в комнату открылась. На пороге стояла улыбающаяся мама.

– Как прошла тренировка?

Таня быстро смахнула остатки слез и попыталась улыбнуться.

– Нормально.

– Ты плакала? Что случилось? Тебя кто-то обидел? Нога опять болит?

Мама задавала бесконечную череду вопросов, осматривая и ощупывая ее.

В это время воздух в комнате сгустился и на кровати появился незнакомец в розовом костюме. Он так же улыбался, махая искусственным заячим ухом. Не говоря ни слова, он

быстро наклонился и Таня почувствовала легкий холодный ветерок, коснувшийся ее уха. Что-то холодное быстро скользило где-то внутри ее черепа, стремясь к мозгу.

– Мам, а почему вы отдали меня в фигурное катание?

Вопрос вылетел из ее рта быстрее, чем она смогла понять смысл сказанного. Она никогда не задавалась столь глупым вопросом, ведь это ее выбор и ее мечта.

Мама задумалась.

Негодяй в розовом молча наклонился к уху ее мамы и осторожно подул в него. Женщина вздрогнула, оглянулась. Как и предполагала Таня, мама не увидела незнакомца. Слегка поморщилась, покосилась на окно.

– Сквозняк у тебя. Нужно посмотреть окно.

– Ты не ответила.

Таня старалась не смотреть на незнакомца, который беззаботно расхаживал по ее комнате, рассматривая фотографии на стене и награды.

Мама стала задумчивой, погладила Таню по волосам.

– Когда я была маленькой, случайно увидела выступление фигуристов по телевизору. Это было волшебное зрелище. Они пархали словно бабочки. Все было так легко и красиво. Я просто влюбилась в лед и бредила тренировками. Я видела себя на катке, в свете софитов и восхищенных зрителей. Но в городе был лишь один каток, очень далеко от нашего дома. Родители много работали и не могли возить меня на тренировки. Я долго переживала, но пришлось смириться.

– А бабушки и дедушки? Они же были?

– Они тоже работали. Они считали, что это слишком опасный вид спорта, вот и отказывались возить. Просто отдали меня в кружок рисования и заставили зубрить английский.

– Тебе это нравилось?

Мама рассмеялась.

– Языки сильно помогли мне в будущем. А вот рисовать я отродясь не умела. Столько времени даром угробила.

– Ты жалеешь, что твоя мечта не осуществилась?

На лице мамы появились мелкие морщинки, казалось она сильно постарела за одну секунду.

– Очень. Каждый раз, видя тебя на катке, я радуюсь, что смогла помочь тебе осуществить мечту.

Таня старалась вспомнить момент, когда в ее сердце пробралась любовь к фигурному катанию, но память молчала. Странно.

Незнакомец подошел к кровати, осторожно заглянул в глаза Тани:

– А ты помнишь свою мечту?

Вот же пристал, зануда. И ответить ему нельзя. Мама точно его не видит.

– Раз сама не помнишь, спроси маму. Она взрослая, наверняка помнит.

Это здравая мысль. Таня почти готова простить все неприятности, которые причинил глупый парень.

– Мам, а как ты узнала, что я хочу стать фигуристкой?

Мама перевернула несколько страниц альбома назад и ткнула пальцем в фотографию. На ней трехлетняя Таня стояла в пышном бальном платье с большими бантами на голове.

– К новому году тебе дали роль Снегурочки. Нужно было выучить достаточно сложный танец. Ты днями вертелась перед зеркалом, повторяя нужные движения. Это было так мило. словно маленькая принцесса на балу. У тебя отлично получалось и я решила, что не могу лишиться тебя мечты. Вот и отвела на каток.

Таня удивленно смотрела на довольную маму и в ее голове путались мысли. Что сейчас было? Какая взаимосвязь?

– Я танцевала у зеркала?

– Да. Во всю орал телевизор, шел какой-то концерт. Ты двигалась в такт музыки и даже пыталась подпевать.

Файлы мозга окончательно зависли. Таня не моргая смотрела на маму: какая связь между катком и танцами под музыку?

– А мне нравилось ходить на каток?

– Сначала ты жутко плакала. Говорила, что тебе очень холодно, а лед ужасно болючий. Думаю, это потому, что приходилось рано вставать и далеко ездить на тренировки. Иногда папа носил тебя на каток прямо спящую. Но потом ты привыкла и была очень довольна. Ведь так?

Таня не знала, что ответить. Весь ее мир рухнул за последние несколько минут. Все то, за что она так боролась и

считала своей мечтой, оказалось лишь мыльным пузырем.

Страшная догадка осенила ее:

– Значит, это была твоя мечта?

Мама непонимающе смотрела на Таню:

– О чем ты?

Таня обняла маму, прижалась к ее щеке:

– Ты бы хотела, чтобы я осуществила свою мечту?

– Конечно. В этом и есть смысл жизни.

– Спасибо, – Таня поцеловала маму.

– Теперь мы можем поесть?

Таня отстранилась:

– Ты иди, мне нужно позвонить.

– Люблю, когда ты улыбаешься. Ты такая красавица.

Мама вышла из комнаты, плотно прикрыв дверь.

Милашка в розом склонился над Таней:

– Сделаешь все сама или подуть тебе в ушко?

– Сама справлюсь.

Парнишка засмеялся.

– Тогда мне пора.

Он начал медленно таять в воздухе.

– Кто ты? – опомнилась Таня.

– Просто исполни свою мечту.

Трясущимися руками Таня взяла телефон и долго смотрела на строчку с надписью «Зануда», наконец решилась и быстро нажала вызов. Когда трубку подняли, она выпалила на одном дыхании:

– Ты уже выбрал партнершу?

Счастливый отец большого семейства

Борис Иванович с гордостью оглядывал свое большое семейство. Два сына и дочь приехали с семьями на его день рождения, прихватив уже своих детей и даже внуков. Теплый августовский день наполнился веселыми криками. Женщины бегали с тарелками, накрывая праздничный стол под большой яблоней. Дети бегали по саду, вытаптывая траву и полезные посадки.

– Хорошо как, – Борис Иванович взял жену за руку. – Не зря жизнь прожил.

– Ты у меня молодец. Хороший муж и любящий отец.

– Глупый только. Тяжело тебе небось?

– Сейчас это неважно, – жена улыбнулась и вздохнула.

Борис Иванович перестал улыбаться. Его лицо покрылось сеткой морщин, в глазах появилась печаль:

– А раньше? – тихо спросил он.

– Какая теперь разница? Мы по-прежнему вместе и любим друг друга.

Борис Иванович тряхнул головой и улыбка вернулась на его лицо:

– Что уж теперь. Жизнь прожили. Детей вырастили. некогда думать о пустяках.

Борис Иванович бросил тревожный взгляд на калитку,

поджал губы.

– Хорошо, когда дети дома. Ты хорошо постаралась.

– Они обожают тебя.

Словно в подтверждение этих слов, к ним подошла дочь. Игнорируя мать, она обняла за шею отца и поцеловала в лысую макушку:

– Я так соскучилась.

Борис Иванович игриво закашлялся:

– Задушишь отца, шалунья.

Дочь прижалась сильнее и прошептала в ухо отца:

– Я люблю тебя. Хочу, чтобы ты жил вечно.

– Скажешь тоже. Да я всех замучаю. Сама потом плакать будешь.

Дочь отстранилась, заглянула в глаза отца и серьезно сказала:

– Это будут слезы радости. Понимаешь?

Столько тревоги и тепла было в этом взгляде, сердце Бориса Ивановича готово было выпрыгнуть из груди и упасть к ногам любимой дочери.

– Понимаю, – выдавил он и скупая слеза блеснула в уголках глаз.

Старший сын подошел к ним:

– Опять шушукаетесь? Выглядите, как влюбленные. Прямо завидки берут.

– Дурак. Вечно ревнуешь, – дочь презрительно фыркнула. – Пойду к детям. Что-то они притихли.

Отец и сын долго смотрели ей вслед, не решаясь заговорить.

Борис Иванович не выдержал первым:

– Слышал, у тебя все хорошо?

Сын застенчиво улыбнулся:

– Стараюсь держать твою планку.

– Ты редко бываешь у нас.

– Дела. Семья требует много внимания. Как ты справляешься?

Борис Иванович опустил глаза, пиная камешек:

– Я был плохим отцом для тебя, да?

Старший отвел взгляд, но Борис Иванович успел заметить тоску и обиду в нем.

– Забудь, – старший протянул руку, заботливо поправил воротник рубашки отца.

Борис Иванович поймал руку сына, сжал ее и притянул к сердцу:

– Прости меня. Прошу.

Старший вздрогнул, растерянно уставился на отца:

– Я стал старше и... мудрее.

Они снова замолчали. Сердце Бориса Ивановича бешено билось под рукой сына, он столько хотел сказать, но не мог найти нужные слова. Все казалось неважным и банальным.

Младший сын подошел тихо, молча наблюдал за происходящим. Живой и подвижный, в яркой майке с дурацким принтом, он смотрелся вызывающе на фоне строгой тиши-

ны. Он подошел ближе:

– Вот вы где спрятались.

Старший сын неловко отнял руку и вытер сухой лоб:

– Давно стоишь, умник?

Младший пропустил сарказм, отодвинул брата и похлопал отца по плечу:

– Хорошо выглядишь. Рад за тебя.

– Поговорим позже, – старший неловко повернулся на каблуках и пошел к гостям.

Борис Иванович долго смотрел в спину старшего сына, корил себя за слабость и трусость. Он снова не смог сказать, как сильно любит его. Как скучает и ждет хотя бы звонка.

Младший проследил за взглядом отца:

– Он всегда был странным.

Борис Иванович хотел сказать, что это не так, но тогда придется слишком много всего объяснять. Рассказать то, что он сам хотел бы считать просто страшным сном и забыть навсегда.

– Ты прав. Не стоит портить праздник.

– Нас кормить будут, хозяин? – младший погладил живот. – Я специально неделю не ел. Готовился.

– Мать расстаралась. Роту солдат накормить можно.

Мужчины рассмеялись.

– Она может. Эх, мне бы такую жену – тихую да скромную.

– Потихе. Если твоя услышит...

Младший лишь махнул рукой:

– Все равно скандал устроит – причина не важна.

– Тяжело тебе.

Младший на минуту погас, но быстро скинул наваждение и мягко улыбнулся:

– Детей жалко. Люблю я их. Понимаешь?

Застолье прошло весело. Поздравления и добрые пожелания сыпались со всех сторон. Взрослые и малыши славили незабвенного, любимого отца, деда и прадеда в одном лице. Борис Иванович внимательно слушал, вытирая подступающие слезы и стараясь запомнить этот момент. Запомнить, как тепло и уютно в семейном кругу. Среди любимых и любящих людей. Это семья, его плоть и кровь, его гордость.

И все же, чего-то не хватало. Борис Иванович то и дело косился на ворота, словно ждал кого-то еще. Он тихо вздыхал и прятал глаза от жены. Она молчала и делала вид, что не замечает. Младший прав – хорошая, тихая.

Гости разъехались только к полуночи. Довольные взрослые прощались с хозяевами и запикивали сонных малышей в такси.

Когда в темноте погас след фар последней машины, жена устало сняла фартук, повернулась к дому:

– Пойдешь спать?

Борис Иванович обвел взглядом опустевший двор, покачал головой:

– Посижу во дворе. Не жди меня, ложись спать.

– Ты принял лекарства? Твое сердце...

– Не волнуйся. Все хорошо.

Жена уже развернулась к дому, но задержалась:

– Все еще ждешь?

Большой дом, утопающий в летней зелени светился всего двумя окнами: в зале и спальне. Одно вскоре погасло. Видимо, жена легла спать.

Борис Иванович прислонился к старой яблоне, прислушался. Где-то в лесу послышалась кукушка. Может рискнуть?

– Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось?

Птица молчала, словно ее и не было. Борис Иванович отошел от дерева, завертел головой:

– Ты куда делась, разбойница?

В другой стороне леса послышалось тихое:

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

И все опять стихло.

– Эй, это все?

Борис Иванович не на шутку испугался. Всего шесть лет? Почему так мало? Глупая птица. Зачем она куковала? Сроду в их лесу не водились кукушки. Отчего теперь появились?

Тревожное липкое чувство коснулось кожи. Борис Иванович вздрогнул:

– Чур, меня. Чур.

Он суеверно сплюнул через левое плечо, три раза посту- чал по дереву и снова прислушался. Кукушка упрямо мол- чала.

– Кукуй на свою голову.

Возраст дает о себе знать: раньше он никогда не обращал внимание на такие глупости.

– Чем занимаешься, дядь Борь?

У забора стоял сосед Васька Дронов, качок с глуповатым лицом и добрыми глазами. Пять лет назад он приехал в де- ревью с женой Зинаидой и двумя дочками. Всегда улыбался и старался всем угодить. Что только не делала его бедная же- на: ругала и выдавала тумаки, но дураку все нипочем. Сумки носит, огороды бесплатно копает, заборы и дома соседские чинит. Чистое горе в семье. И на что живут, горемычные?

– Чем, чем. Все тебе знать надо.

– Да я так спросил. Из вежливости.

– Спросил?

– Да.

– Ну и, – Борис Иванович замолчал. На душе было не спо- койно и одиноко, словно кто-то вырвал здоровый кусок плоти и внутри зияла огромная дырка. Рана постоянно зудела и кровоточила. – Может зайдешь? Поболтаем.

Васька удивленно огляделся по сторонам, недоверчиво уточнил:

– Это ты... вы мне?

Борис Иванович устало вздохнул:

– Нет, это я с духами разговариваю.

– А вы не боитесь? Ночь такая лунная. Того и гляди свет-ло, как днем станет.

– Дурак ты, Васька. До сорока лет дожил, а ума так и не набрался.

Сосед не обиделся, только рукой махнул:

– Не важно это. Коль судьбу профукал, не стоит думать о пустяках.

Что-то в тоне Васьки было странное, тягучее и томящее. Вечно улыбочивый подлиза предстал в новом образе. Борис Иванович растерянно хлопал глазами.

– Заходить будешь?

Васька потоптался и осторожно вошел во двор.

Борис Иванович глянул на Луну – правда большая. Повисла прямо над его домом, словно пыталась осветить все его тайны.

– Чего стоять? В ногах правды нет. Пошли к столу.

– Станный вы сегодня, – Васька пожал плечами и пошел за хозяином дома.

Борис Иванович и Васька сели за пустой стол напротив друг друга, молча уставились на Луну. Не сговариваясь, одновременно тяжело вздохнули.

– Ты-то чего вздыхаешь? – хмыкнул Борис Иванович. – живешь хорошо, жена молодая, красивая. Злобная, конечно, баба, да что говорить – сам выбирал.

– Сам, – протянул Васька задумчиво.

– Бабы нынче не те пошли. Все с характером. Слово супротив не скажи. У меня два сына и оба подкаблучники. Прямо как ты, – Борис Иванович покачал головой.

– За грехи платить надо.

Борис Иванович вздрогнул, пристально вглядывался в лицо Васьки, пытаясь понять, на что тот намекает. Неужели бестолковому соседу что-то известно?

– Да что там, – Борис Иванович осторожно сменил тему. – Дочь не знаю в кого пошла. С мужем развелась. Говорит, не сошлись характерами. Чушь какая.

– Ничего. Другого найдет. Получше.

– Нашла уже. Еще и рожать собралась. В ее-то годы.

– Анечка беременна?

Борис Иванович напрягся. Что-то странное и осуждающее прозвучало в голосе Васьки.

– Говорит, так получилось. Мы уж с матерью и так, и сяк...

– Дети – это хорошо, – вдруг сказал Васька и улыбнулся. – Повезло тебе, дядь Боря.

Борис Иванович поперхнулся:

– Ты чего несешь, бесстыдник? Бабе за сорок, дети уже взрослые. Да и здоровье у Ани слабое. Зачем такие проблемы?

Васька молча разглядывал свои руки.

Борис Иванович видел, как дрожат пальцы соседа.

– Васька, что-то случилось? Можешь все рассказать. Я,

могила.

Васька пристально вглядывался в глаза Бориса Ивановича, сжав губы. Наконец он стукнул кулаком по столу, подался вперед и выпалил на одном дыхании:

– Подлец я, дядь Боря. Прощенья мне нет. И места на этом свете – тоже нет, – ухмылка появилась на его лице. – Умер я. Понимаешь? Давно умер.

Борис Иванович отстранился, сердце бешено колотилось. Он осторожно покосился на дверь дома: успеет ли добежать?

– Ты кто? Привидение или злой дух? – крестясь, бормотал Борис Иванович.

– Можно и так сказать. Грех я большой совершил и судьбу свою навечно сломал.

– Не говори глупости. У тебя семья, дети малые. Все еще впереди.

– Не мои это дети.

– Как так?

– Длинная это история. Пойду я.

Борис Иванович схватил Ваську за руку:

– Вижу, плохо тебе. Расскажи все, авось полегчает.

– Уверен, что хочешь знать? – Васька попытался улыбнуться, но губы скривились в болезненной усмешке.

Борис Иванович хотел. Внутри все кипело. Кровь бешено пульсировала в висках. Немного подташнивало. Он чувствовал, что не просто так этот странный качок сегодня появился в его саду.

– Говори.

Васька закрыл глаза, помолчал с минуту.

Борис Иванович не торопил.

«Давно это было. В небольшом городке жил тихий парнишка Вася. Скромный, тощий и неказистый. Обеспеченные родители ни в чем не отказывали единственному сыну и баловали, как могли. Но Вася не доставлял проблем: любил читать и все время сидел дома. Мечтал поступить в институт и путешествовать по миру.

В пятом классе в школе появился Димка, хитрый и изворотливый парнишка. Все время он придумывал шалости и бедокурил, но все ему сходило с рук.

Вася и не заметил, как попал под влияние дерзкого мальчишки и они стали лучшими друзьями. Была в Димке скрытая сила и крепкий стержень, то, чего ему всегда не хватало.

К восьмому классу Димка вытянулся, раздвинулся в плечах и стал невероятно красивым парнем. Девчонки томно вздыхали и ходили за ним с открытыми ртами, а Вася так и остался робким задохликом на которого никто не смотрел.

Было жутко обидно. Вася занялся спортом, соблюдал диеты, пил белковые коктейли. Ничего не помогало. Родители видели страдания сына и успокаивали, как могли. Но что толку? Гормоны играли, Димка ходил на свидания, а он был лишь бледной тенью успешного друга.

Димка шутил, говорил, что просто еще не время. Скоро Вася вырастет и еще покажет, на что способен – мир вздрог-

нет от его красоты. Все глупые девченки пожалеют, что не обращали на него внимание. Вот тогда они вместе погуляют и оторвутся по полной.

Но Вася не верил. Видимо природа пошутила и у двух высоких красивых родителей родился коротышка с паклей вместо волос. Он давно смирился с судьбой третьего лишнего и изредка сопровождал друга на свиданиях. Но даже некрасивые подружки воротивали от него нос. Видимо судьба не собиралась баловать парня.»

Борис Иванович не сводил глаз с красивого, широкоплечего мужчины и не мог поверить:

– Мальчик Вася – это ты?

Вася улыбнулся:

– Не похож?

Борис Иванович покачал головой. Он всматривался в лицо соседа, ярко освещенное светом Луны и не мог найти изъяна. Правильные черты, острый подбородок, ровный нос, густые светлые волосы и четко очерченные пухлые губы. Настоящий аристократ. Редкий экземпляр.

– Пластика? – догадался Борис Иванович.

Вася лишь покачал головой и продолжил рассказ:

«Время шло. Школа закончилась и неразлучные друзья поступили в один институт, чтобы и дальше быть рядом.

Димка, как и раньше, бегал на свидания, а Вася корпел над учебниками, выполняя домашку за двоих. Он стал более замкнут и не ждал от жизни ничего хорошего, решив посвя-

тить себя науке.»

– Почему ты говоришь о себе в третьем лице? – нервно перебил Борис Иванович.

Вася усмехнулся. Его глаза печально блестели, отражая лунный свет:

– Того Васи больше нет. Он умер, даже не поняв, что это были самые счастливые дни в его жизни.

– Это было счастье?

– Когда Вася смирился и принял судьбу изгоя, случилось непредвиденное. В конце третьего курса он лег спать лохматым коротышкой, а проснулся писанным красавцем. Вещи и обувь стали малы, а в зеркале отражался незнакомый мужчина: высокий и широкоплечий. Вот тут-то и появился на свет я. Новый и чужой.

– Что было дальше?

«Изменился не только я, изменилось все вокруг. Те, кто презрительно фыркал и прятал глазки, вдруг воспылали любовной страстью. Девушки разных мастей выстроились в ряд за новым подарком. Они томно вздыхали, подбрасывали записки, телефон не унимался ни на минуту. Все клялись в вечной любви и верности.

Но больше всех изменился Димка, тот, к кому я тут же побежал с доброй вестью. Увидев меня, он растроился и впал в уныние. Я стал выше и красивее его, да и родители мои побогаче будут. Его вчерашние зазнобы бросились в мои объ-

ьятя, забыв вчерашнего любимца. Он стал замкнут и почти не разговаривал со мной. Избегал встреч и не брал трубку. Когда я позвал его на вечеринку, он только вяло что-то пробубнил и поспешил удалиться. Третьим лишним он быть не хотел.

Сначала я даже расстроился, но жизнь была ключом, у меня снесло голову. Да и обида проснулась. Она жгла изнутри, колола сердце и требовала отмщения. Я забросил учебу и бросился в поток веселья. Менял девчонок, как перчатки, бросал не раздумывая и не парился о завтрашнем дне. Все было хорошо, просто отлично.

Димка все больше избегал меня и однажды я заметил, как он вертится вокруг простенькой девушки со второго курса. Это было забавно. Вчерашний ловелас, разбивший кучу сердец, краснел и заглядывал в глазки неприметной серой мышке. Вот умора.

Я не мог понять, что происходит и решил поговорить с другом. Подкараулил его после занятий и начал без предисловий:

– И что это было?

Димка был необычно строг и напряжен.

– О чем ты?

– Она совсем не в твоём вкусе.

Димка схватил меня за воротник рубашки. Его лицо, и без того недоброе, перекосила маска ненависти. Таким я раньше его не видел.

– Не трогай ее. Слышишь?

Его тон и взгляд... Они вывели меня из равновесия. Он словно хотел испепелить меня. В нем было столько презрения и ненависти, что я чуть не превратился в камень.

Я задохнулся от возмущения. Кровь ударила в голову и мозг отключился. Я не мог простить такое «лучшему» другу.

С трудом мне удалось сохранить спокойствие и нагло улыбнуться:

– И что же в ней особенного? Может я не досмотрел?

– Она не такая. Понимаешь?

– Две руки, две ноги, посередине – дырка. Все как у всех. Обычная.

– О чем с тобой говорить? Дурак.

Вот так. Я еще и дурак. Мы столько дружили, прошли огонь и воду. Всегда вместе, не разлей вода. И тут такое. Конечно, куда уж мне.

Я попытался улыбнуться и успокоить Димку:

– Да что с тобой? Ссоримся из-за девченки.

Димка покачал головой. Он смотрел на меня свысока и как-то по взрослому:

– Мы уже не дети. Пора взрослеть и отвечать за поступки.

Смотрю на друга верного и не узнаю его. Словно подменили. Опоила она его или приворожила? Девчонки на любые гадости способны. Спасать друга надо.

– Давай вечером сходим на дискотеку, развлечемся. Девочек снимем. Вся твоя хандра в миг улетучится.

– Хватит, набегался. Такие отношения ни к чему хорошему не приводят.

– Тебе же нравилось.

– А теперь разонравилось. Люблю я ее, понимаешь?

Димка смотрел на меня и ненависть на его лице сменилась болью. От неожиданности я расхохотался, не зная, что сказать.

– Все, я купился. Ловко ты меня провел.

Димка потянул меня за воротник, я не поддался. Ткать натянулась, но выдержала. Он сузил глаза и прошипел:

– Отец прав, из тебя не выйдет толка. Ты просто пустышка.

Это было слишком. Как раб, я делал за двоих уроки в школе, писал Димке лабораторные и курсовые, решал контрольные, вел тетради и вот благодарность. Первый раз я задался вопросом: «А был ли у меня друг?»

Я потерял контроль. Обида, ненависть и жажда мести затуманили мозг:

– Спорим, месяца не пройдет, как она сама ко мне в постель прыгнет?

Мы сверлили друг друга взглядами и вряд ли кто-то смог бы поверить, глядя на нас в тот момент, что мы неразлучно дружили почти десять лет. Вернее, наивный я, считал этого парня своим другом.

– Если тронешь ее...

– Тогда что?

Димка убрал руку. Его лицо выражало ненависть, а кулаки сжались:

– Я тебя предупредил, – процедил он и пошел прочь.

Я не стал догонять его или кричать вслед. Словно прирос к полу, не в силах пошевелиться. Мое сердце разрывалось от боли и обиды. За что он так со мной? Почему? Разве я когда-то обидел его или сделал что-то плохое? В чем я виноват?»

Борис Иванович смотрел на замолкнувшего Васю и не знал, что сказать. Его сердце щемило и требовало лекарств, но он не шевелился.

Лицо соседа выражало удивление, боль и тоску одновременно. Он смотрел на полную Луну и беззвучно шевелил губами. Сейчас он похож на одного растерянного паренька из далекого прошлого. Почти такого же, каким был сам Борис Иванович. Когда-то. Очень давно. В прошлой жизни.

– Ты выиграл спор?

Борис Иванович знал ответ, но, где-то в глубине души, надеялся на чудо.

Вася повернулся на голос. Его пустые глаза ничего не выражали. Понадобилось несколько минут, прежде чем он вышел из своих мыслей и продолжил рассказ.

«Я быстро забыл о девчонке и о глупом споре. И без того хлопот хватало. С гулянками я забросил учебу, накопилось много хвостов. Преподаватели качали головами и осуждающе смотрели на меня. Родители устроили истерику и мне

пришлось собрать всю волю в кулак и вернуться к учебе.

Это было непросто. Новые дружки и подружки называли мне и звали гулять. Не знаю, как тогда справился. Мне зачли прошлые успехи, я с трудом закончил семестр и сдал экзамены. Даже не знал, что полученные с таким трудом знания, могут быстро выветриться за каких-то пару месяцев. Я поклялся родителям, что возьмусь за ум и закончу учебу. Вот только... Хозяин я своего слова – сам дал, сам назад и забрал. Сдал последний экзамен и по дороге домой встретил знакомую. Поговорили. Пошутили. И пошел я снова в загул.

Даже не заметил, как осень наступила. За три месяца характер мой совсем испортился. Я стал грубить родителям и все делать наперекор, как мальчик в переходном возрасте. Они пытались меня образумить, но это лишь еще больше злило меня.

Когда вернулся в институт, начал прогуливать уроки. Запустил домашки и лекции не прослушал. Одно накрепко зацело у меня в голове – предательство Димки. Днями и ночами я думал о мести, строил коварные планы и ждал подходящего момента.

И случай подвернулся. Шел я однажды по городу, заглянул в кафе перекусить, а там... она сидит. Димкина зазноба. Серая мышка, ни дать, ни взять. Хоть бы ресницы нарисовала, губы подвела. Длинные волосы в смешную фиговушку скрутила, а сбоку смешной бант. Чисто бабка старая. Уткнулась в книгу и ничего вокруг не видит. Вот, думаю, и случай пред-

ставился. Добыча сама в руки идет.

Подошел я, натянул самую соблазнительную улыбку и говорю:

– Привет.

Она подняла голову, увидела меня и покраснела до кончиков ушей. Я сразу понял, что она равнодушна ко мне. Присел на соседний стул и растегнул пару пуговиц на рубашке.

– Душно тут, – сказал я, слегка оголяя грудь.

Она покраснела еще больше, закусила губу и заморожено следила за моей рукой. Ворота крепости открыты, Мышка в клетке. В душе я праздновал победу, представляя лицо Димки.

Мы встречались месяц. Я забросил подружек, гулянки и даже взялся за уроки. Она оказалась заучкой, совсем такой же, каким раньше был я. Не пропускала занятия, часами читала книги и верила в Деда Мороза. Такая глупая.

Димка превратился в тень и всюду следовал за нами. Меня начало тошнить от его тоскливой рожи. Я бы давно бросил скучную Мышку, но его настойчивое презрение придавало мне сил и решительности.

В тот вечер мы возвращались из кино. Громко болтали, обсуждая фильм и актеров. Я крепко держал ее за руку и чувствовал биение ее сердца. Вдруг мне стало противно. Что я делаю? Девчонка и правда нормальная, что плохого она мне сделала? Говорит, что любит меня. Я усмехнулся, вспомнив, как раньше все избегали меня. И ее в кругу моих друзей то-

же не было.

У ее подъезда с большим букетом роз стоял Димка. Увидев меня, он резко ударил меня кулаком по лицу.

– Негодяй. Немедленно убирайся, – кричал он, пытаясь еще ударить.

Я застыл на месте, презрительно улыбаясь, вытер губу. На руке остались следы крови.

Мышка вырвала руку и бросилась меня защищать. Она пыталась оттащить разгоряченного Димку, но он не владел собой. Его лицо покраснело, глаза налились кровью. Он тяжело дышал и сверлил меня взглядом.

– Отстань! – Димка оттолкнул Мышку, не заметил, как она упала на асфальт. Отбросил букет и бросился на меня. – У вас что-то было? – твердил он один и тот же вопрос.

Я лишь молча улыбался в ответ.

Драка была короткой. Он лупил меня кулаком в живот, а я стоял, как истукан. Мысль о том, сколько ненависти и злости ко мне в человеке, которого я считал лучшим другом, полностью опустошила меня.

– Не смей!

Мы повернулись. Это кричала Мышка. Она сидела на асфальте, пыталась подняться. Видимо, она сильно поранила ногу и не могла сама встать.

Димка бросил меня, подскочил к ней и протянул руку:

– Я помогу.

Меня рассмешил его плаксивый голос. Казалось, он сей-

час расплатится.

Мышка оттолкнула его руку:

– Псих.

Димка тыкал в меня пальцем и шипел, как змея:

– Ты не понимаешь. Он мерзавец.

– Разве вы не друзья?

– Нет! – мы выкрикнули одновременно.

Я подошел, легко подхватил Мышку на руки. Не обращая внимание на орущего проклятия Димку, понес ее к подъезду.

Она доверчиво смотрела на меня, осторожно коснулась разбитой губы:

– Больно?

Я улыбнулся:

– Уже нет.

– Я думала ты другой.

– Лучше?

Она засмеялась и доверчиво чмокнула меня в губы.

Я понял, что время действовать пришло.

Подъездная дверь захлопнулась за моей спиной, но я успел заметить перекошенное злобой лицо Димки. Он метался у подъезда, пиная ни в чем не повинную скамейку.

Прости «друг», это только начало.»

Борис Иванович мял в руках носовой платок, не решаясь смотреть Васе в глаза:

– Вы... переспали?

Вася молча кивнул.

– И?

– Неопытная дуручка, – почему-то с теплотой сказал Вася и по-детски шмыгнул носом. — Девственница. Кто ж знал?

– Ты ее бросил?

Вася вдруг сжал кулаки, костяшки пальцев побелели:

– Я не любил ее, понимаешь?

Борис Иванович прятал глаза, не зная, что сказать.

Вася схватил его за руку и крепко сжал ее:

– Она сама виновата. Все знали, какой я стал. Неужели она думала, что я смогу измениться ради нее? Брошу разгульную жизнь, о которой мечтал столько лет?

Борис Иванович поднял глаза.

Вася с надеждой смотрел на него, словно ожидал поддержки.

– Наверно, она любила тебя.

– Любила, говоришь? – Вася словно пробовал новое слово на вкус. – А где же она была раньше? Когда я был безликим, никому ненужным мальчишкой?

– Ты сам-то смотрел вокруг? Видел ее?

Вася отбросил руку Бориса Ивановича и схватился за голову.

– Я был так молод.

– Или упивался горем, замкнувшись в себе?

– Она не в моем вкусе.

– Вот же заладил негодник. Ты что, есть ее собирався?

Темная туча медленно наползала на полную Луну.

– Я просто хотел отомстить Димке.

– А о ней ты подумал?

– Она не входила в мои планы. И потом, это было всего лишь раз. Клянусь.

Борис Иванович подался вперед, пытаясь разглядеть лицо Васи:

– Ты бросил ее?

– Тошно мне было. Все просто горело внутри. И странное чувство, словно в дерьме вывалялся. Даже не знал, что так бывает. Ушел я в загул и в институт не ходил.

– А она? Что она?

– Пыталась звонить, но я не брал трубку. Она и перестала.

– Так просто отстала?

Вася кивнул.

– На некоторое время.

– Как это?

Вася застыл. Выражение его лица менялось со скоростью света. То он болезненно морщился, то смотрел на Луну, то на застывшего Бориса Ивановича. На его лице читалось смятение.

– Говори уже, не тяни. Хуже не будет.

Вася облизнул пересохшие губы.

«Прошло больше месяца и я почти забыл о серой мышке. У меня появилась доступная красотка с большой грудью и ногами от ушей.

В тот вечер я возвращался с вечеринки, напевал какую-то дурацкую песенку и веселился. Настроение было отличное.

Знакомый голос окликнул меня у подъезда, я обернулся и увидел ее. Выглядела Мышка паршиво: волосы собраны в неряшливый хвостик, длинное бесформенное платье, черные круги под глазами. Как старая бабка. Противно смотреть.

– Чего тебе?

Она пыталась поймать мой взгляд, но я не мог на нее смотреть. Вдруг представил такую жену рядом. Мерзость.

– Я... беременна.

Она сказала это так просто, будто есть позвала. Я обалдел от новости и не мог понять ее смысл.

– Ты о чем?

– У нас будет ребенок.

Я расхохотался. Не от радости. От ужаса. До экзаменов оставался месяц и я получу заветную свободу, уеду в большой город и буду жить так, как захочу. Без указки родителей и придираков преподавателей, а тут такой облом.

Я схватил ее за руку и потащил на детскую площадку, подальше от дома. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь услышал этот бред.

– Тише ты. Чего разоралась?

– Пусти. Мне больно.

Ненависть и злоба переполняли меня. Даже из далека, придурок Димка портит мне жизнь. Ненавижу.

– А спать с первым встречным было приятно?

– Ты говорил, что любишь меня.

По ее щекам текли слезы. Меня начало тошнить.

– Вот дура. Ты что, не предохранялась?

– Я не знала.

Что за дурь? Взрослая тетка строит из себя малолетку.

– Тебе уже двадцать, не так ли?

– Да.

Мысли выстроились в логическую цепочку:

– Замуж хочешь? Ясно. Затащила меня в постель, а теперь шантажируешь ребенком?

– Это случайность. Поверь.

– У нас было всего раз, как ты могла залететь?

– Не знаю...

– Зато я знаю. Сами в постель ко всем лезете, а кто последний, тот и папа.

– У меня никого не было. Кроме тебя.

– И я должен верить? Может это и не мой ребенок вовсе?

Она побледнела еще больше, покачнулась.

Я не тронулся с места. Мысль прикоснуться к этому чудовищу пугала меня.

– Не придурайся. Меня этим не возьмешь.

Она ойкнула и осела на землю.

– Какая актриса. Я тронут.

Она смотрела на меня снизу вверх и плакала.

– Как ты можешь быть таким бессердечным? Это же твой

ребенок.

Я не знаю, что на меня нашло. Я с презрением смотрел на эту странную женщину и говорил, не затыкаясь. Бросая каждое слово, словно ком грязи:

– Это твой ребенок. Мне он не нужен и ты не нужна. Если еще раз припрешься, я не буду так вежлив. Поняла?

– Вася...

Я присел, схватил ее за плечи и сильно потряхнул.

– Мне не нужны дети. Убирайся, дура.

Ее глаза вдруг застыли, она обмякла и начала заваливаться на бок.

Я не знал, что делать. Задержал падение и осторожно положил на землю. Похлопал ее по щеке.

– Эй, ты чего? Вставай.

Она молчала.

Я наклонился, прислушался. Дыхание едва слышно. Видимо, она потеряла сознание.»

Борис Иванович трясущимися руками достал из кармана корвалол, накапал прямо на язык, слегка поморщился. Он часто дышал, держась за сердце.

– Ты... убежал?

– Я же не зверь. Вызвал скорую.

– Она умерла?

– Что вы такое говорите? Жива она.

– А ребенок?

Борис Иванович затаил дыхание.

– Обошлось.

Борис Иванович громко выдохнул, стукнул кулаком по столу.

– Дурак этакий. Чуть до инфаркта не довел.

Василий улыбнулся уголками губ.

– Это самая добрая часть моей истории. Уверены, что хотите узнать конец?

– Продолжай.

«В больнице разразился скандал. Родители Мышки узнали о ее беременности и требовали назвать имя подлеца, но она молчала, как партизан. Лишь тихо плакала и вздыхала.

Соседи начали сплетничать и строить догадки. Я решил притаиться на время и засел за уроки. Тем более, что экзамены на носу, диплом защищать надо. Только бы Мышка не проболталась. Пока никто не знает, я смогу тихонько улизнуть из города. А там, пусть ищут ветер в поле.

Димка не ходил в институт или я его просто не видел. Мне было все равно, я не хотел с ним встречаться. Моя ненависть к нему переросла в манию. Одна мысль о нем, заставляла кулаки и зубы сжиматься до боли. Говорили, что он ходит к Мышке в больницу, но меня это не интересовало. Пусть хоть пропадут вместе. Меньше проблем будет.

Она долго лежала в больнице, но я так и не решился ее навестить. Нас ведь видели вместе. Вдруг кто догадается?

Перед самыми экзаменами ко мне заявился Димка.

Сам бы я его не впустил, но дверь открыла мама. Она ни-

чего не знала о нашей ссоре и радостно впустила его, сетуя, что он давно не приходил. Приболел что ли?

Димка вошел в комнату, когда я читал, лежа на кровати. Он с ненавистью смотрел на меня, скривив ужасную мину. Он быстро подошел к столу и без приглашения, уселся на стул.

Я отложил учебник, сел. Внутри все кипело, руки чесались. Кажется, у меня на него аллергия.

Несколько минут мы молча пялились друг на друга. Я не выдержал первым.

– Чего уставился?

– Первый раз вижу подонка. Хочу запомнить, чтобы не ошибиться в следующий раз.

Я криво усмехнулся, сжимая кулаки.

– Нотации пришел читать? Не поздновато?

– Такому как ты, уже ничто не поможет.

Его презрительный надменный тон больно бил меня прямо в сердце. Как я мог считать этого подлеца своим другом? Верить ему и помогать? Где были мои глаза и уши?

– Ты же у на святоша, как я забыл?

– Получше тебя.

– Зачем приперся? Я занят.

– Что ты намерен делать?

Я с трудом изобразил беззаботное удивление.

– Диплом защищать надо. В отличии от тебя, я учусь.

– Жениться собираешься?

– Тебе то что?

– Я задал вопрос.

– Не твое дело.

– Это значит нет?

– Я не обязан перед тобой отчитываться. Убирайся.

– Сдавай экзамены и вали из города. Чтобы я тебя больше не видел.

– А то что?

Димка пропустил вопрос, небрежно взял учебник и бросил его на пол.

– Я хочу жениться на ней. Не бойся, я сказал, что ребенок мой. Когда он родится, я запишу его на себя. Он никогда не узнает, какой подонок его отец.

Вот так и заканчивается дружба. Где-то в глубине души, я все еще надеялся, что Димка просто шутит. Что вот сейчас он рассмеется и предложит погулять. Мы все забудем и простим друг друга. Какой же я дурак. За что он так со мной?

– Забавно. Институт окончен и друг Вася больше не нужен. А ты красавец.

На секунду Димка замешкался, опустил глаза. Его руки дрогнули, но лишь на пару секунд. Он надменно усмехнулся:

– С паршивой овцы хоть шерсти клок. Нужно было больше иметь тебя.

Я сильнее сжал кулаки, суставы жалобно хрустнули. Физическая боль не затмила душевную.

– Конечно, ты же любишь объедки с чужого стола. Вот и

сейчас, не так ли?

– Не смей так о ней говорить.

– Не хочешь слушать правду? Она сама залезла в кровать. А как стонала. У вас такое было? Нет?

Я видел, как корчится от боли тело Димки. Он словно сжался и уменьшился в размерах. В его глазах плескался огонь и ненависть.

Я ликовал: враг повержен и истекает кровью. Но почему мне не стало легче?

Вдруг Димка надменно улыбнулся и повторил:

– Значит, я могу забрать твоего ребенка?

– Забирай и не приходи больше. Ненавижу вас.

Димка достал из кармана мелочь, бросил на стол несколько монет.

– Цена тебе копейка, но я не жадный.

Он засыпал монеты в карман и достал кошелек. Вынул крупную купюру и осторожно положил на стол.

– Это тебе. Плата за ребенка. Не смей к нему приближаться.

– Покупка совершена. Поздравляю, дебил.

Я улыбаясь подошел к столу, уже хотел взять купюру, но в это время у двери кто-то вскрикнул, раздался грохот и звук разбитой посуды. Я обернулся и увидел маму. Она зажимала рот полотенцем, в ее глазах мелькал ужас.

В запале ссоры, я не заметил, как она вошла в комнату с подносом в руках. Сейчас он лежал на полу, две разби-

тые чашки валялись рядом. От лужи шел пар. Часть горячей жидкости попала на голые ноги мамы и кожа покрылась красными пятнами. Видимо она слышала наш разговор и выронила поднос.

– Сынок, что он говорит? Что это значит?

Димка победно улыбался. Он наверняка видел вошедшую маму, поэтому и устроил весь этот цирк. Он встал и пошел к двери.

– Не провожайте, я знаю где выход. И не забудь, ты продал ребенка и забрал деньги. Теперь он мой. Я откупился.

При этих словах мама вздрогнула и упала в обморок.

Я думал, что достаточно ненавижу Димку, но в тот момент я был готов разорвать его на части, но успел лишь крикнуть вслед:

– Дурак.

Задыхаясь от гнева, я подбежал к маме. Ее лицо было бледнее снега. Она почти не дышала. Пришлось вызвать скорую.»

Борис Иванович обхватил руками плечи и медленно качался из стороны в сторону.

– Нехорошо вышло.

Вася закрыл глаза, его руки мелко тряслись, на глазах блеснули слезы.

– Осуждаешь?

– Ты был совсем юн и глуп. Не каждый взрослый делает правильный выбор.

Борис Иванович смотрел на соседа и думал: «Почему судьба дает людям такие испытания? В чем провинился маленький Василий? И чем провинился он? Он был лишь немного старше.»

Усилием воли он отогнал подступающие мысли, посмотрел на Василия.

Сосед сидел с закрытыми глазами, опустив голову. Вдруг он открыл глаза, в них теплилась надежда и благодарность.

– Не ожидал, что ты поймешь меня. Прилежный семьянин, любящий муж и отец.

– Родители сильно ругали?

– Мама плакала. Просила одуматься и хотя бы записать на себя ребенка, но я уперся как лось. Отец сказал, чтобы сразу после экзаменов я уезжал из города и не лез в семью девушки. Раз так решила судьба, ничего не изменишь.

– И ты уехал?

– Дома стало совсем плохо. Мама все время плакала и говорила, что не знает, как вырастила такого бесчувственного сына. Отец и вовсе уехал к родителям, и вернулся только после моего отъезда.

– Кто-нибудь поддержал тебя?

– Никто не знал. Не тот случай, чтобы сообщать новости.

– Получил ты свободу в большом городе?

Василий усмехнулся, стер со стола невидимый мусор.

«Отец сдержал слово: в городе я получил хорошую работу. Его старый друг взял меня без разговоров. Я приступил к

работе, вокруг меня постоянно крутились красивые девушки, но я почему-то стал их бояться. Все время боялся залета и вспоминал Мышку. Она являлась мне в снах и наяву. Мне все время мерещилось, что она плачет и ребенок тоже. Моя душа рвалась на куски.

Мама сообщила, что Димка женился на Мышке, а потом родился ребенок. Сын. Здоровый крепкий малыш, копия я. Она купила подарки и пошла в гости, но ее не впустили, подарки не взяли, ребенка не показали. Мама плакала, показывала дорогие детские вещи и просила что-нибудь сделать.

Через год Димка заметил мою маму, когда она следила за счастливым семейством и пыталась сфотографировать малыша. Он не сказал ни слова, сделал вид, что не видит ее. Но через месяц они исчезли из города и никто не знал, куда.

Шли годы. Сначала я держался, но все время на глаза попадались счастливые пары. На работе мужики хвастались своими детьми и строили планы на будущее. Казалось, только я был один. Каждый раз при виде ребенка мое сердце сжималось от боли и я думал, как там мой малыш? Здоров ли он, хорошо ли спит, добр ли с ним проклятый Димка? Я с ужасом представлял, что мой сын зовет папой чужого человека, залазит к нему на колени и доверчиво шепчет все свои сокровенные тайны.

Кто-то сказал, что сейчас легко найти нужного человека, нужно только подать заявку и оплатить, или порыться на сайтах в интернете. Словно одержимый я бросился на поиски.

Все свободное время искал страницы Димки или Мышки.

Однажды мне повезло. Я нашел Димку, но его страница была закрыта. Под новым ником стал пытаться попасть к нему в друзья и увидеть фотографии сына. Но он словно чувствовал меня и каждый раз отказывал.

Я стал дерганым и сильно похудел. Родители и знакомые начали беспокоиться, уговорили меня сходить в больницу. Доктор сказал, что я пришел вовремя. Меня еще можно спасти, но детей у меня никогда не будет.

Меня долго лечили. Я надеялся на чудо, но Бог не слышал моих молитв. Видимо я сильно напортачил в прошлой жизни. Или в этой. Кто знает? Пришлось отложить поиски.

Когда болезнь отступила, я был похож на мумию, а ведь мне было всего тридцать. Таким меня и подобрала Зоя. Выходила, откормила и дала надежду на будущее. У нее умер муж и она очень переживала, что не смогла помочь ему.

Я привязался к ее дочкам и решил, что это хороший вариант. Я смогу расплатиться за прошлые грехи и подарить любовь, которую не смог дать единственному сыну. Но сначала, я решил найти Димку, вдруг он разрешит видеться с сыном? Наверняка у него уже есть свои дети, зачем ему лишний рот?

Как только я приступил к новым поискам, болезнь снова вернулась. Я начал таять на глазах. Зоя испугалась, решила, что сглаз или порча, и потащила меня по бабкам.

Мы объехали много мест, но никто не смог мне помочь. Лекари отводили глаза и разводили руки, советовали гото-

виться к худшему. Но Зоя не отступила, сказала, что в этот раз, так просто не сдастся и не отдаст злодейке – судьбе второго мужа.

Болезнь отодвинула поиски: я с трудом передвигался и стал плохо видеть. Тоска съедала меня изнутри. Чтобы хоть как-то облегчить страдания, я стал часто ходить с девочками в парк. Садился на скамейку и часами наблюдал за счастливыми отцами с детьми. Понимают ли они, как им повезло? Вот оно, маленькое счастье, которое, возможно, никогда не достигнет меня. Я готов был отдать все на свете, лишь бы увидеть сына. Интересно, какой он стал? Похож ли он на меня? Знает ли обо мне? Любит ли он меня? Мне было так больно и так одиноко. За что мне все это?

Где-то в глубине души я надеялся на чудо. Мой мальчик растет, он взрослеет и однажды узнает правду. Не может не узнать.»

Василий замолчал и Борис Иванович отвел взгляд, пряча выступившие слезы.

– Он узнал?

– Надеюсь, что нет. Карвалольчиком не угостите?

Василий держался за грудь и тяжело дышал.

– Да, конечно.

Борис Иванович быстро достал пузырек, снял крышку и протянул Василию.

Василий снял дозатор, отпил корвалола и вернул пузырек Борису Ивановичу.

– Что-то сердце расшалилось. Не к добру это.

– Ты больше не ищешь сына?

– Нельзя мне. Понимаешь?

– Как такое возможно? Они не имеют права. Ты же отец. Он покачал головой.

« Однажды в парке ко мне подседа незнакомая женщина, она нагло рассматривала меня и даже потрогала. Она выглядела намного младше меня, вся такая красивая и ухоженная.

Я рассмеялся:

– Не к тому берегу швартуешься, милая.

Женщина равнодушно хмыкнула:

– Духи никогда не ошибаются.

Я затаил дыхание, весь мир вокруг застыл. Руки вспотели, хотя на улице было достаточно прохладно.

– Вы кто?

– Не ищи сына. Понял?

– Тебя Димка послал?

– Ты отказался от детей и продал своего нерожденного сына, – спокойно сказала женщина. – Ты проклял себя и весь свой род.

У меня похолодело внутри. Откуда она все знает? Точно, ее послал бывший друг, он нашел меня и пытается запугать. Другого объяснения нет.

Я присмотрелся к женщине внимательнее:

– Мы знакомы?

– Если ты продолжишь поиски сына, то умрешь.

– Я хочу его видеть. Хотя на минуточку. Вы не имеете право. Я его отец, слышите? —я схватил женщину за руку, пытаясь поймать ее взгляд. – Я заплачу. Сколько вы хотите? Я все отдам!

– Твой сын жив только потому, что ты отрекся от него и взял деньги на откуп. Можно сказать, ты спас ему жизнь, — она странно улыбнулась.

– Что это значит?

– Есть время, когда врата вселенной открыты и каждое желание человека исполняется. Неважно, хорошее оно или плохое. Таков закон мироздания. В тот день, на детской площадке, ты сказал много глупостей и получил то, что хотел. Мышка бы потеряла ребенка, но ты продал его и по законам вселенной, больше не являешься его отцом. Но если однажды он признает в тебе отца, то он умрет. Ты ведь не хочешь детей, правда?

Она так страшно улыбнулась, будто в ней сидело другое существо. Я явно увидел острые белые зубы и горящие пламенем глаза.

– Я был не в себе. Я передумал. Пожалуйста, исправьте все.

– У твоего сына долгая счастливая жизнь, но в ней нет места для тебя. Забудь о нем и не ищи. Сделай хоть что-то полезное для своего единственного ребенка. И еще. Не вздумай удочерить этих милых девочек и не называй их дочками. От греха подальше.

Женщина высвободила руку и ушла.

Я долго смотрел ей вслед и не мог пошевелиться. Могут ли слова женщины быть правдой? Я вспомнил всю свою жизнь. Как только я начинал тосковать по сыну или начинал искать его, мне становилось хуже. Это точно. Я и сам не раз думал об этом, но все списывал на нервы и совпадения. Но слишком много было таких совпадений, это уже закономерность.

Из ступора меня вывели девочки. Они смеялись и тянули меня играть.»

Борис Иванович вытер текущие слезы, всхлипнул носом, словно ребенок.

– Ты больше его не искал?

Василий улыбнулся. Впервые на его лице светилась истинная любовь

– Моя жизнь закончена, а он должен жить долго и счастливо. Чужой, незнакомый мне мальчик. Мой удел платить долги и молиться за его здоровье.

– Василий... Прости, как твое отчество?

– Степанович я, – сосед встал. – Спать вам пора, Борис Иванович, а я тут страшилки на ночь рассказываю. Ни к чему это. Простите.

Борис Иванович проводил соседа до калитки.

– Ничего, мы старики привычные.

– Если что помочь надо, вы не стесняйтесь, зовите. Дети ваши редко приезжают, а я тут, всегда под рукой.

– Ты ведь не работешь, на что вы живете? Если не секрет, конечно.

– Сейчас необязательно ходить на работу. Я ценный специалист, акула бизнеса. Да и в город мне нельзя, вдруг с мальчиком встречусь? Не удержусь я. Точно знаю.

– Деньги значит есть. Это хорошо. А то у нас закаток полный погреб, а есть некому.

– Вы детей берегите. Это великое счастье.

Василий Тимофеевич пошел к своему дому. Печальный лик Луны спрятался за тучу, вокруг стало темно.

– Василий Тимофеевич! Ты заходи вечером на чай. Моя жена знатные пирожки стряпает.

Сосед обернулся:

– Непременно зайду, Борис Иванович. Спокойной ночи.

Всю ночь Борис Иванович кидался во сне, кричал и плакал. Ему снился маленький мальчик, он тянул к нему руки, плакал и кричал:

– Папа, не уходи. Я люблю тебя, папа!

– Петенька, сынок, – кричал Борис Иванович. – Я обязательно вернусь. Я найду тебя, слышишь?

Испуганная жена растолкала его, протянула стакан воды. На ее лице читалось беспокойство.

– Что с тобой, Боря?

Борис Иванович залпом выпил холодную воду, вытер рукавом пот на лице. Мысли путались, голос сына все еще зву-

чал в голове. Он вскочил с кровати, открыл шкаф, переоделся в парадный костюм. Достал чемодан, бросил его на кровать и начал спешно складывать в него вещи. Положил в карман документы, деньги и вещи.

– Мне нужно ехать. Срочно.

Он двинулся к двери, но там стояла жена, упершись руками в косяки.

– К ней собрался?

– Отойди.

– Ты так и не забыл ее, да?

– У меня есть сын.

– А наши дети? Они что-нибудь значат для тебя?

– Старший и так знает, остальные уже взрослые. Они все поймут.

– Ты говорил, что это было ошибкой. Я простила тебя и старалась забыть. А ты все это время думал о ней?

– Она ни при чем. Я должен помириться с сыном.

– Он давно забыл тебя и не хочет видеть.

– Я помню его. Я люблю его и...

– Не пущу!

Борис Иванович взял жену за руку, осторожно отодвинул от двери. Он грустно улыбнулся:

– Я правда люблю тебя, но он мой сын. Василий Степанович не может ничего исправить, а я могу. Понимаешь?

Надежда Щербатая

Легенда старого леса

Вадима в деревне с детства считали не от мира сего. Он не бегал на пруд ловить лягушек, не лазил по деревьям, выпускал насекомых на волю. Когда отец приносил с охоты дичь и заставлял мальчишку ощипывать её, Вадим подчинялся, но плакал горькими слезами. Мясо есть мальчик тоже отказывался.

Отец ругался на чем свет стоит:

– Что это за мужик вырастет? Как он семью кормить будет?

И однажды потащил сына на охоту. Но Вадим убежал. Искали его всей деревней. Нашли. Выдрал тогда отец мальчишку крепко. Тот три дня сидеть не мог, но продолжал упрямиться. Отец махнул рукой и отстал от сына – толку от парня всё равно не будет, пусть живёт теперь сам по себе.

Как-то Вадим встретил на лесной тропинке незнакомца. Тот поздоровался с мальчиком как с равным и сказал:

– Когда придёт время и ты почувствуешь силу, уходи из деревни.

Вадим подивился, но спрашивать, о чем тот толкует, не стал, кивнул и побежал на свою любимую поляну, за земляничкой. Сейчас наберёт её полный туес, маманя высушит да напарит, а зимой пирогов напечёт, то-то аромат по всей избе пойдёт, словно лето вернулось!..

Прошло время. Вадим превратился в красивого ладного парня. Пора бы женить его, но где невесту-то сыскать? В родной деревне за блаженного ни одна девка, даже самая неказистая, не пойдёт. Отец хмурился, косо поглядывал на сына-неудачника, дескать, вот ведь нахлебничка Бог послал. И не думал он о том, что парень взял на себя всю тяжёлую работу по хозяйству: заготовку дров на зиму, покос травы летом, осенью сбор урожая. А столько ягод, грибов, орехов никто из односельчан отродясь из лесу не приносил. Но всё одно, не люб был Вадим отцу.

Однажды парень проснулся от того, что его кто-то позвал. Отец, братья и сёстры ещё спали, и только мать возилась на кухне. Вадим сразу понял: вот оно, то, о чём говорил незнакомец. Но куда уходить? Может, к местной знахарке, авось не прогонит? Она уже старая, помощник нужен. Тем более ведунья его учила распознавать травы и какая для чего годится. Собрал парень свои скромные пожитки и прошёл к матери попрощаться. Та сразу всё поняла, заплакала, но удерживать сыночка не стала, понимала: не будет её крови-

нушке житья здесь.

– Не плачь, мама, я недалече, у Велеславы жить буду, увидимся.

– Нет, сына, чует моё сердце, не примет она тебя. Но ты найдёшь своё место, ты мудрый и со всем справишься. Вот тебе моё материнское благословение.

Мать поцеловала сына в лоб, собрала снеди в дорогу, сама отвела его за порог и выпустила в большой мир.

К Велеславе Вадим всё же зашёл: а вдруг не прогонит? Больше-то ему идти было некуда, да и боязно.

Велеслава словно ждала его, встретила на пороге, но в дом не пустила:

– Негоже тебе теперь здесь появляться. Это моё место силы. А ты ступай себе, мне тебя учить больше нечему. Когда найдёшь своё пристанище, тогда новые знания откроются, там и учителя встретишь.

Долго ли, нет ли бродил Вадим по свету, неведомо. Но вот однажды на лесной поляне почувствовал, что он дома. Место хорошее чистое, светлое, родник рядом.

Энергия захлестнула молодого ведуна. Появилось ощущение мощи.

"Тут и буду жить, – решил он. – Хорошо, что сейчас весна, значит, успею избу срубить. Но перво-наперво баню надо поставить". Ещё с детства Вадим знал первый закон колдуна: содержи душу и тело в чистоте. Да и перезимовать в бане

можно, если с домом к зиме не поспеет.

Парень тщательно выбирал деревья для постройки. С каждым разговаривал, гладил, просил прощения. Обязательно брал отросточек либо веточку, и когда те давали корешки, высаживал в землю на место срубленных. Вадим не торопился, обустривался основательно. Он разузнал, где можно добыть камень и глину для печки. Выяснил, что недалеко, всего в трёх верстах, есть большое поселение, значит, без работы не останется. Люди быстро прознают про ведуна и будут приходить со своими нуждами и хворями. А пока надо и дров заготовить, и сена засушить, а когда пора подспеет, собрать ягоды, грибы да съедобные коренья, орехи и дикий мёд тоже пригодятся. Травы целебные следует заготовить, каждую в свой срок. Настоек да оваров наделать. Нужда в них всегда есть. Мяса прикупить у охотников, завялить впрок. Самому-то не надо, не ест он его, и жизнь любой твари губить колдуну нельзя, если он не чёрный маг. Но по опыту зимовок Вадим знал, что в самый лютый мороз за помощью будут приходить звери, и не все из них травоядные.

Ну вот и банька готова – брёвнышко к брёвнышку. Все щёлочки мхом заделаны, двери укреплены и утеплены. Печка сложена. Камни для сохранения жара приготовлены. Полки отлажены и вымыты, веники в ряд уложены – берёзовые, дубовые, можжевеловые. Ароматные травы запарены. Теперь можно немного и отдохнуть, силы восстановить. Чувствует Вадим, что скоро придёт первый посетитель, да

непростой, очень опасный, а значит, понадобится колдуну вся его сила, все умение и терпение.

Гость появился на краю поляны на третий день, вернее гостья. Чёрная волчица, едва живая, выползла из леса да так и осталась у кромки – силы оставили её.

Вадим бережно подхватил зверя и отнёс в баньку. Дышит тяжело, шерсть топорщится. Обследовал – вон дробины застряли в грудине. Много крови потеряла.

"Завязать морду надо, – подумал знахарь, – а то укусит, пока дробь достаю".

Тут, приоткрыв глаза, волчица молвила человеческим голосом:

– Не укушу, доставай, – и вновь впала в беспамятство.

У Вадима кровь застыла в жилах: оборотень! Этого ещё не хватало. Он много слышал леденящих душу баек об оборотнях. Что же делать? Отказаться лечить он не может – живая тварь перед ним. А что как она потом, когда поправится, бед натворит? Да, непростой выбор... Так думал знахарь, пока состригал шерсть около раны, делал надрезы и доставал дробины. Ну вот и последняя. Теперь надо перевязать потуже. Пока спит, заварить крапивы да шиповника. Как раз настоится к пробуждению "гостья". Если разговаривает по-человечески, значит, и настой выпьет, ведь человек же она наполовину. А вот оборачиваться из зверя ей пока нельзя – ждать нужно, когда раны затянутся.

Волчица шла на поправку медленно, но всё же выжила, а вот в человека почему-то не перевоплощалась.

– В чём дело? Раны затянулись, теперь можно вернуть свой облик. Чтобы продолжить лечение, ты должна стать человеком.

– Не могу, я не оборотень, который становится зверем не по воле своей, а подчиняясь фазам луны. Я ведьма и в волка оборачиваюсь когда захочу. Но для этого мне необходимо попасть в место заповедное, а я слаба, мне самой не дойти. Только место открывается лишь тому, кто достоин знать о нем.

– Хорошо, я отнесу тебя туда, как можно ближе, тебе оно откроется, а я подожду недалече.

На том и порешили.

Хоть и силён был Вадим, но нести на руках кого-либо очень тяжело, через несколько метров руки начинают уставать. А уж несколько километров без отдыха и подавно не осилить. И на волокушу положить нельзя: путь по лесу неровный – кочки, да корни деревьев торчат из-под земли, как бы больной не навредить. Так и продвигались медленно, с остановками. Заночевали возле разлапистой ёлки, а как рассвело, дальше пошли.

Только к полудню добрались до нужного места. Смотрит Вадим, а за деревьями-то широкий луг, и посередь того луга растёт огромный дуб, десять человек его вряд ли обхватят.

– Вот это дерево! – ахнул парень. – Отродясь такого не видел.

– Раз ты его увидел, – тяжело проговорила волчица, – значит, достоин обладать этим знанием. Обойди вокруг дерева по солнышку, и я снова стану человеком.

– Значит, если обойти дуб в обратную сторону, можно стать волком?

– Не обязательно волком – любым зверем, каким пожелаешь.

Вадим обошёл дерево по солнцу, и как сделал последний шаг, смотрит, а в его объятиях лежит прекрасная девушка. Она улыбнулась Вадиму ласково и проговорила:

– Я полностью исцелена, можешь отпустить меня.

Легко вспрыгнула и закружилась, раскинув руки.

– Спасибо тебе, ты спас меня от неминуемой гибели. За это я стану твоей наставницей в магическом ремесле. Я ведь волшебница высшего ранга.

– Почему ты за помощью пришла ко мне, а не сюда?

– Слишком далеко убежала и выскочила прямо на охотников. Мне удалось уйти от них. Но до заповедного места, поняла, уже не доберусь. И тут почуяла тебя: ты был близко, поняла, кто ты, знала – поможешь, поэтому, собрав последние силы, пришла к тебе. А теперь ступай домой. Приду завтра с рассветом, жди. Иди не оглядывайся, а то больше не увидишь ни меня, ни места заповедного.

Вадим послушался и быстро пошёл прочь.

Дарина, так звали волшебницу, пришла, как и обещала, на рассвете и сразу же повела парня в лес.

– Велеслава тебе показывала лекарственные травы. – сказала она. – А я покажу магические. Научу, как делать из них настои, для чего использовать. Как самому сделать амулеты и обереги, какой материал брать для них и где искать. С животными и деревьями научу разговаривать. Если будешь прилежным учеником, научу всему, что знаю сама. Колдовская сила, вижу, есть в тебе, и немалая. Значит, сможешь стать настоящим магом.

Так и шло время. Утром Вадим учился, днём принимал больных людей. Оброс хозяйством, дом поставил, отстроил отдельные каморы для больного зверья, поветь для сена, амбар для зерна, погреб для припасов. Всё честь по чести.

Полюбили Вадим и Дарина друг друга. Вот уже у них и доченька родилась. А как подросла, то стала помогать родителям в их знахарском деле. И всё бы ничего, да любила Дарина оборачиваться волчицей, вольно бегать по лесу и дочь к этому приучила. Сколько ни упрашивал Вадим прекратить эти прогулки, сколько ни просил поостеречься, волшебница только плечами пожимала и смеялась:

– Ты, муж мой, слишком уж осторожный, ничего с нами не случится!

– Забыла, как тебя охотники ранили?

– Да ведь не убили же. Есть у нас заповедное место, и ты лекарь отменный – в случае чего вылечишь. Да ладно, что это ты так в лице изменился? Мы осторожно, не бегаем там, где охотники промышляют.

Как-то Дарина с дочерью вновь убежали в лес. А у Вадима вдруг сердце заныло, душа заплакала. Бродит из угла в угол, места себе не находит. Сходить в лес надо бы, поискать, но где? Он перестал их чувствовать, возможно, далеконько убежали. Извёлся Вадим весь, а тут как назло двух охотников принесло, сильно пораненных. Видать, лютый зверь их порвал. Вадим промыл раны, зашил, перевязал, целебный отвар разлил по кружкам.

– Пейте, это сил вам прибавит, чтобы до дома добраться смогли. Что случилось-то, кто это вас так?

– Чёрный волк, вернее волчица, отродясь таких не видавали. Мы охотились здесь недалече. Уже собрались уходить, и тут прямо на нас выскочила молоденькая волчица. Мы её пристрелили. Шкуры-то у волков тёплые, знатная шуба получится. Только и пары шагов не успели сделать, чтобы подобрать добычу, как налетела на нас словно чёрная молния вторая волчица, рвала, кусала, норовила до горла добраться. Ванёк упал, обливаясь кровью, а волчица-то на меня, только я изловчился и разрядил своё ружьё прямо в упор.

– Где тела? – похолодев, спросил Вадим.

– Да там и бросили, не до туш было, сами вон еле дошли.

– Идите домой, сейчас вам нужен отдых и сон. А мне надо уйти.

Вадим подождал, пока охотники не скрылись из виду, и пошёл в другую сторону, прямо по кровавому следу. Своих девочек, хоть и в волчьем обличье, он узнал сразу. Они лежали рядом. Серебристая шкура молодой волчицы потускнела. Сразу было видно, что она мертва. А вот сердце чёрной ещё билось, но ведун понял: ей уже ничем не помочь.

– Как же так, родная?.. – Вадим обнял мёртвое тело дочери. – Неужто не почуяли охотников?

– Заигрались мы, – с трудом проговорила Дарина. – Отнеси наши тела в заветное место и оставь под великим дубом. Тогда мы сможем уйти по радужному мосту. А когда придёт твой черёд, будем ждать тебя по ту сторону перехода.

Вадим соорудил волокушу из еловых веток, сверху выслал её душистой травой и цветами, положил безжизненные тела жены и дочери и отправился в скорбный путь. Оставил в заповедном месте под деревом, как и наказывала Дарина. Тела волков вдруг исчезли с носилок, а за дубом приоткрылась завеса, и Вадим увидел радугу, перекинувшуюся как мост от дерева за горизонт, и по этому мосту весело бежали Дарина с дочкой. Завеса закрылась...

Вадим сидел с опущенной головой, глядя в одну точку, не заметив, что день закончился и ночь прошла, потом рез-

ко встал и обошёл дуб против солнца. Из-за дерева вышел огромный седой волк, глаза его светились яростным огнём. Он задрал голову, тоскливо, пронзительно завыл и побежал вглубь леса.

Многие потом рассказывали, что видели близ деревень седого волка с горящими глазами, он не таился, втягивал ноздрями человеческий дух и бежал прочь.

Но как-то в одном из сёл пропали два друга, оба охотники. Пошли на промысел и не вернулись. Поутру мужики – односельчане собрались их искать. Недалече и зашли-то в лес, глядь, лежат оба рядом, у обоих глотки перегрызены, больше ни одной части тела не тронута, а вокруг клочки седой волчьей шерсти. Перекрестились мужики, смекнули, что непростой был зверь и здесь свершилась месть. Молча забрали тела, похоронили и разошлись. А на следующий день пошли к Вадиму: пусть, мол, нашлёт заклятие, своими силами-то с оборотнем селянам не справиться. Пришли, а хутора Вадимова и нет – чистая поляна, словно и не было здесь никогда жилья. Только седой волк с красными глазами поднялся из травы, посмотрел на людей, беззлобно рыкнул и умчался в лес.

Больше никто не видел ни седого волка, ни Вадима-колдуна.

Хозяйка леса

В стародавние времена люди знали, что в каждой травинке, цветке, деревце, в любом водоеме, в поле и в лесу живут божественные духи. Люди их называли феэри. Почитали их, а некоторых боялись, поэтому приносили подношения и испрашивали благословения на то или иное дело.

Роуэн, спрятавшись за деревом, наблюдала за красивым парнем, который собирал грибы. Она заприметила его давно. Он всегда приносил такие вкусные угощения для лесного духа, словно знал, что в этом лесу не хозяин, а хозяйка. Особенно она любила джем из земляники, собранной в её же владениях. Парень кланялся, ставил на пенёк плошку со словами: "Вот, мама сварила для тебя. Не оставь своею милостью, разреши набрать..." – ягод или грибов, смотря что росло в лесу по сезону.

Внезапно Роуэн пришла такая мысль: "А что если показаться ему?", и сердце затрепетало от такой смелости. Никогда ещё феэри не общались с людьми напрямую и не показывались им. А потом лесной хозяйке подумалось: "Интересно, что он обо мне подумает, понравлюсь ли я ему?"

Роуэн побежала к лесному озеру, склонилась над водной гладью и стала внимательно себя разглядывать: "Да, от людей я, конечно, отличаюсь, но не так чтобы очень. Глаза зелёные, раскосые, узковаты, но зато обрамлены пушистыми

белыми ресницами. И волосы густые, длинные, белые с лёгким зеленоватым отливом, зато ягоды рябины, вплетённые в косу, смотрятся очень ярко. Ушки небольшие, аккуратные, ну и что что острые – я их прикрою волосами... Нет, не понравлюсь!.. Ой, я же могу облик поменять и стать как обычная девушка. Ну-ка, на щёки румянец, губы поярче. Глаза? Распахнуть пошире. Цвет? Оставлю как есть – мне нравится зелёный. Волосы? Пусть будут чёрными. О, хорошо смотрятся зелёные глаза и тёмные волосы. Тогда и брови с ресницами тоже почерню. Так, ушки закруглю, вдену серьги, а в косу рябину – тоже ярко смотрится. А ничего девушка получилась, такая я, думаю, понравлюсь тому парню. Платье? Пусть будет просто зелёное, как листва, без излишеств. Да, так и предстану перед ним в следующий раз, когда придёт."

Недолго дожидалась лесная хозяйка своего избранника. Скоро осень, грибы быстро отойдут, а чтобы на всю зиму хватило, надо не лениться, почаще в лес ходить. Вот он, пришёл.

Роуэн стояла прислонясь к дереву. Парень заметил её сразу.

– Здравствуй, красавица, откуда ты? Что-то раньше я тебя не видел.

– Из соседней деревни.

– Не может быть, я всех там знаю, а тебя ни разу не видел!

– Я недавно приехала к тётке погостить.

– К Бакер, что ли?

– Ишь какой любопытный, а не скажу.

– Ну и ладно, а имя-то своё скажешь?

– Роуэн.

– О, "рябина" значит, красивое имя. А моё – Баз. И что же ты делаешь в лесу, Роуэн?

– Грибы собираю.

– Что-то корзины не вижу.

Роуэн незаметно шевельнула пальцами, и позади неё появилась корзина, полная грибов.

– Вон, за деревом стоит. Сокол, говоришь, тебя зовут, а корзину не заметил, – усмехнулась девушка.

Баз было смутился, а потом снова заулыбался:

– Вижу, твоя корзина полна. Может, теперь сможешь наполнить мою?

– Может, и помогу, а что я получу взамен?

Роуэн подумала, что он сейчас ей вручит баночку с вареньем, предназначенную для неё же. Но Баз улыбнулся ещё шире:

– А я за это тебя поцелую.

И не дожидаясь разрешения девушки, он заключил её в объятия и смачно чмокнул в щёку.

Роуэн замерла от незнакомых ощущений, пытаясь разобраться, нравится ей это или нет.

– Что, не понравилось? – Парня озадачила реакция девушки. Он думал, что она влечёт его пощёчину, обругает, оттолкнёт и убежит. Но Роуэн молчала и с интересом смот-

рела на парня.

– Тогда, может, так?

Он снова обнял девушку, уверенно, словно имел на это право, склонился и страстно поцеловал её в губы, продлевая удовольствие, которое неожиданно сам испытал. Губы Роуэн были нежными и сладкими как земляника. Базу не хотелось отпускать девушку от себя. " Ну и что, что нескромная, а кому нужны гордячки, да за этот миг можно многое отдать! Вишь как млеет. Да и девка видная, не стыдно будет перед дружками похвастаться такой красоткой."

Парочка встречалась каждый день, лес служил им прибежищем. Незаметно пробежали последние дни лета, наступила осень. Роуэн влюбилась в парня безоглядно, забросила свои обязанности.

Но вот однажды ей пришла весть от Гвинна – её отца и главы всего рода фейри. Он требовал от Роуэн явиться на совет. Девушка удивилась – собрание в это время года, когда все тщательно готовятся к празднику Холлантайд? Видимо, что-то случилось, раз Гвинн пригласил её как глава рода. Пока он слал ей вести как отец, она пренебрегала ими – любовь к Базу полностью поглотила её, но игнорировать совет она не может. Придётся пойти.

Совет в этот раз проходил в бру – внутри холма, а не как обычно – на лесной поляне под песни и пляски. Роуэн удивилась и испугалась. Видать, дело очень серьёзное.

Фейри вошла в огромный зал, освещённый малютка-

ми-светлячками. Но там, кроме её отца, никого не было.

– Приветствую тебя, отец, я что, рано пришла или опоздала, почему нет никого?

– Я пригласил только тебя, дочь моя. Раз ты не хочешь разговаривать со мной как с отцом, поговорю как глава совета. А лишние уши нам не нужны – ни к чему нарушать покой сородичей, у них и без твоих проблем забот хватает, праздник скоро.

– Моих проблем? У меня нет проблем.

– Есть, и очень серьёзная. Смертный – твоя проблема. Ты нарушила все устои, которые формировались веками. Люди – наши враги, от них одни беды.

– Баз не такой, я люблю его, папа.

– Любишь? Блажь всё это, надоест он тебе скоро. А если и не надоест, то какое у тебя с ним будущее? Ты бессмертная и останешься вечно юной. А он скоро постареет и станет дряхлой развалиной. Ухаживать за ним будешь? Не смехи меня...

– Папа, я...

– Не перебивай, когда с тобой глава рода разговаривает! Хочешь на нас на всех беду навлечь? Неужели ты думаешь, что он тебя любит? Натешится и бросит, женится на своей. У вас даже семьи полноценной не будет. Дитя ему родить не сможешь, а смертным нужно размножаться, ведь их век так короток.

– Он меня любит, и не нужно нам детей, нам вдвоём хо-

рошо.

– Это пока хорошо, страсть пройдёт, и будет плохо. Жить где собираетесь, в лесу? Или он тебя к себе в деревню зовёт, с родителями хочет познакомиться?

– Мне не нужны его родители. Да и он ничего не говорил о родителях.

– Какая ты ещё глупышка у меня! У людей так принято: если парень девушку любит и хочет создать с ней семью, то знакомит с родителями, затем просит руки у родителей девушки. И потом только, после согласия старших, женятся. Вижу, что ничего такого он тебе не предлагал, значит, жить с тобой не собирается...

– Он любит меня!

– Что ты всё заладила – "любит да любит"! – в сердцах крикнул Гвинн. – Он знает, что ты фейри? Он видел тебя настоящую, а не в обличье человека?

Роуэн покачала головой.

– А, то-то же! Как только откроешь ему правду, убежит без оглядки. Так, всё, ничего не хочу больше слышать. Лес запустила, посмотри, каким неопрятным он становится. Эх, рановато я позволил тебе самостоятельную жизнь. Не прекратишь встречи с этим парнем – заберу тебя домой.

– Ну пап, я и правда его люблю, и он меня любит.

– Ты откройся ему, и если он останется с тобой, поверю, что любит, подумаю, как обустроить вашу совместную жизнь, а если нет, сама расхлёбывай кашу, которую заварила.

Роуэн бежала обратно в свой лес окрылённая и счастливая. Только бы дождаться утра, тогда придёт Баз, и она откроется ему, расскажет всё без утайки. "Захочет, покажу ему, какая я на самом деле, нет, не страшно – я могу и в человеческом облике жить." Наконец-то рассвет. А вот и Баз!

Роуэн бросилась к нему со словами:

– Мне надо кое-что тебе рассказать!

Но парень перебил её:

– Ты когда возвращаешься домой? Уже осень, скоро зима, мы не сможем встречаться в лесу, будет холодно.

– Я дома, зачем мне возвращаться?

– Ты же к тётке приехала. Домой, к родителям тебе не пора?

– Нет, я могу гостить сколько захочу. Я не понимаю, что случилось? Ты хочешь, чтобы я уехала? Но почему?

– Хорошо, раз намёков не понимаешь, скажу. У меня есть невеста, и через месяц наша свадьба, поэтому уезжай и забудь меня. Наши встречи были ошибкой, я люблю свою невесту.

Роуэн оцепенела от слов База, не могла понять, почему это происходит. "Он же говорил, что любит и что у него нет никого. Возможно, он как-то узнал, что я феяри? Глупо было притворяться человеком. Надо было сразу сказать."

– Прости, что ввела в заблуждение, но я не со зла, ты же говорил, что любишь. А про невесту всё выдумал, да? Я твоя невеста, женись на мне!

– С ума сошла! Кто же женится на испорченной. В тебе ни гордости, ни скромности нет. Сама повесилась на меня, даже для виду не сопротивлялась. Да и не любил я тебя, так, поразвlechься, последние денёчки холостяцкой жизни в удовольствии решил провести. Прощай, не ищи больше встречи, припрётся в мою деревню – ославлю на всю округу, житья тебе здесь не будет. Так что уезжай, если не хочешь неприятностей.– Баз отвернулся и пошёл прочь.

Роуэн не понимала ничего из того, что говорил Баз. Какая честь, какая совесть, что такое гордость и зачем они ей, ей нужна любовь этого парня, а он говорит, что не любит!.. Она бросилась к нему, обняла, пытаюсь удержать, но он оттолкнул:

– Прочь, постылая!

И ушёл, не оглядываясь.

Роуэн упала в опавшую листву, на сердце легли тяжесть и тоска. Сколько она так пролежала, сама не ведала. Не одна ночь, не один день прошли, прежде чем нашла в себе силы подняться. Фейри изменилась – волосы посерели и повисли плетями, щёки впали, от тела остались кожа да кости. И лес изменился, из чистого и светлого превратился в сумрачную чашу.

Роуэн поднялась и пошла в самую глубь леса. Нашла ещё зелёную одолень-траву, вырвала её с корнем, отмыла в роднике, добавила вербену и луковицы насисэса. Залила водой, щелчком пальцев запалила огонь под плоской:

– Одолень-трава, одолей тоску, сердца боль и любовь к нему.

Ты, вода быстра, дай забвение, чтоб не помнились те мгновения.

Ветры буйные, унесите прочь вы мою любовь – в непогоду, в ночь.

Ты, огонь, сожги страсть безумную, неуёмную, неразумную.

Снова пусть стану прежнею – беззаботною, безмятежною. Вода вскипела, забурлила. Порыв ветра всколыхнул огонь, тот окружил котелок с зельем. Трава полностью растворилась в отваре, и напиток стал фиолетового цвета. Роуэн выхватила сосуд из огня, залпом выпила его содержимое и потеряла сознание.

Баз не был в лесу почти год. Парня мучили воспоминания о Роуэн, о том, как он плохо с ней поступил. Он сам не мог понять, что его заставило связаться с этой приезжей девицей. Хотя нет, тут-то как раз всё понятно: больно уж хороша была Роуэн, поэтому Базу захотелось обладать ею. Но это была всего лишь страсть, а любил-то он Эмму, свою односельчанку, давно любил, ещё с детства. Он всегда знал, что только Эмма будет его женой. А когда появилась угроза раскрытия его шашней с Роуэн, оборвал эти отношения не задумываясь...

И вот он снова здесь, в этом лесу, чтобы набрать земляники для своей любимой жены, которая вот-вот станет мате-

рю; хотя и поклялся не ходить больше сюда, но ради Эммы он готов был терпеть муки совести снова и снова. "Надо же, как лес изменился за это время, словно что-то тёмное в нем поселилось. Что такое, почему я не могу сдвинуться с места и пройти дальше?"

– Хозяин, – закричал Баз, – хозяин-батюшка, почто в лес не пускаешь? Чем я перед тобой провинился? Я угощение принёс тебе. Отзовись.

Глядь, а из-за деревьев идёт к нему какая-то тощая, с седыми всклокоченными космами женщина. Зелёное платье на ней болтается как на палке, нос крючком, глаза – тёмные провалы. Она разлепила узкие губы и прошипела:

– Что тебе надо, смертный, зачем нарушаешь тишину леса и мой сон?

– Роуэн? – в ужасе прошептал парень, разглядев в измождённом лице знакомые черты. – Что с тобой приключилось?!

Роуэн прищурилась:

– Кто ты, откуда знаешь моё имя, смертный?

– Я Баз, помнишь, мы встречались в прошлом году? Я бы никогда тебя не побеспокоил, но у меня жена беременна, родит скоро, ей захотелось земляники, а я знаю, что в этом лесу самая вкусная ягода.

– Ах, Баз, – медленно, словно что-то припоминая, протянула хозяйка леса. Потом её глаза вспыхнули жёлтым огнём ненависти, зрачки сузились, как у кошки.

– Вон из моего леса, нет тебе дороги сюда и никогда не

будет! – закричала она, словно банши. Ветер завыл в кронах деревьев, порыв его бросил парня на землю и понёс прочь.

Роуэн медленно приходила в себя, сердце яростно колотилось, всё её существо жаждало мести. Она подняла с земли несколько веточек, скрестив их, обмотала травой – получился человечек, обмазала его глиной, обозначила глазки, вылепила крохотный носик, прочертила ротик. Дунула на него, человечек зашевелился.

– Скоро, скоро, крошка моя, ты обретёшь душу и тело, – зло прошептала феяри. – Век помнить будешь меня, Баз, не будет покоя ни тебе, ни твоей деревне, все сгинете.

Роуэн дождалась ночи и пришла в деревню, подошла к дому, где Баз жил с молодой женой, обошла его вокруг, принюхалась и позвала:

– Эмма, Эмма, выходи!

Эмме снился сон, будто кто-то кличет её. Она встала с постели, муж даже не шелохнулся, и пошла на зов. Вышла из дому, смотрит: стоит страшная худая женщина, глаза у неё злые, а улыбается.

– Эмма, отдай мне душу твоего ребёнка, она ему теперь не понадобится, он всё равно не родится, я не позволю. Отдай по-доброму, тогда больно не будет.

– Кто ты? Что ты говоришь, я не отдам тебе моего малыша! Чем я перед тобой провинилась?

– Ты ни в чём не виновата, но разве не знаешь, что за чужие ошибки всегда расплачиваются невинные? Ах, нет, ты

виновата в том, что отняла у меня База, он был моим, мы любили друг друга, но он бросил меня ради жизни с тобой. Поэтому ты заплатишь. Отдай душу ребёнка.

– Нет, не смей ко мне подходить! – закричала Эмма, но голоса её никто не услышал. Она хотела было убежать, но даже не смогла двинуться, словно кто приморозил её к месту. Страшная женщина подошла близко-близко, когтистыми руками обхватила её живот и погрузила длинные пальцы внутрь. Боль пронзила Эмму. Женщина вырвала руку из живота – в ней трепетал маленький голубой огонёчек. "Гостья" достала из складок своего платья куклу, сделанную из палок, травы и глины, и сдула огонёчек с руки. Тот втянулся внутрь куклы, и та вмиг превратилась в новорождённого ребёнка.

Эмма закричала от ужаса, но её по-прежнему никто не слышал.

– Я всей деревне расскажу, что ты сделала с моим ребёнком! – слёзы текли по щекам Эммы.

– А кто тебе это позволит? – усмехнулась Роуэн. – Беги прочь!

Она хлопнула в ладоши, и Эмма, превратившись в зайца, скрылась в лесу.

– Эй, Грелья! – фея топнула ногой. Из земли поднялась тёмная фигура. Роуэн дунула ей в лицо, и фигура приняла облик Эммы. Хозяйка леса отдала ей ребёнка.

– Будешь кормилицей и матерью для этого ребёнка. Когда он вырастет, уничтожьте эту деревню. Чтобы даже памяти о

ней не осталось. А в остальных деревнях чтобы помнили, что если кто посмеет оскорбить фейри, то расплата ждёт всех. А потом возвращайтесь к своим.

Грелья с ребёнком вошла в дом, а Роуэн вернулась в свой лес.

Баз почувствовал неладное сразу же – странно как-то: жена рожала ночью, а он даже не проснулся, да и Эмма ведёт себя необычно, к ребёнку не подпускает, смотрит на мужа враждебно. А когда он у дома увидел какие-то палочки, обмотанные травой и обмазанные глиной, навроде человечка, понял – в доме не его жена, а с настоящей Эммой и ребёнком случилась беда, и виновата в этом Роуэн. Баз схватил дробовик и побежал в лес. Тот его снова не пропустил, и парень заорал что есть мочи:

– Роуэн, отзовись сейчас же, что ты сделала с моей женой? Выходи, ведьма!

– Кто тут опять меня беспокоит? – Из леса вышла молодая красивая девушка с раскосыми зелеными глазами и белыми с зеленоватым отливом волосами, она была прекрасна, и сразу было видно, что это не человек, и всё же Баз узнал её – это была Роуэн.

– А, это опять ты, смертный! Что тебе надо на этот раз? – Хозяйка леса равнодушно смотрела на парня.

– Где Эмма? Верни мне жену.

– Мне почём знать, где твоя жена? Ищи, если хочешь, а меня не тревожь боле.

И Роуэн пропала, словно растворилась. Баз побежал за ней, лес его на этот раз пропустил, но сколько бы парень ни звал феэри, она больше не показалась и не откликнулась.

Баз вымотался без питья и воды, но не нашёл в лесу ни ягодки, ни лужицы, короткие передышки не приносили ему отдохновения. Нужно было возвращаться, но он понял, что заблудился. "Надо продержаться немного, меня уже наверняка хватились в деревне и ищут. Лишь бы только глоточек воды да пригоршню ягод, и силы вернутся."

Видимо, боги услышали его – к нему метнулся какой-то небольшой зверёк. Баз вскинул ружьё и выстрелил. Зайчик с пронзительным криком упал у его ног. Смотрит Баз, а это и не заяц уже, а его жена Эмма!.. Он отшвырнул ружьё, обнял мёртвую жену и закричал:

– Будь ты проклята, Роуэн, будь ты проклята!

Но в ответ ничего не услышал – видать, далеко была хозяйка леса.

Односельчане База так и не нашли. А через год в деревне начали один за другим умирать жители, прямо посередине села стали вырастать деревья, а спустя несколько лет деревня вообще исчезла, и на её месте вырос густой дремучий лес. С тех пор минуло не одно десятилетие, но в близлежащих сёлах старики до сих пор рассказывают о хозяйке леса и её проклятии.

Принц-дракон

Кто не любит праздники, особенно зимние? Это самое щедрое время на чудеса и волшебство.

Наконец-то декабрь, и я с воодушевлением принялась за подготовку: придумывала развлекательную программу, бегала по магазинам – покупала подарки, украшала квартиру, наряжала ёлку, выбирала рецепты блюд. В этот год все зимние торжества отмечаем у меня. Заранее так решили.

За несколько дней до католического Рождества подруга прибежала ко мне и с порога затараторила:

– Прости-прости, но мы не сможем в этот раз вместе повеселиться в праздники. Я завтра уезжаю с группой на три недели в Германию. Директор колледжа и родительский комитет решили сделать лучшим ученикам подарок, а так как я преподаю иностранные языки, то, естественно, для сопровождения группы выбор пал на меня. Я только сегодня узнала об этом.

Надо сказать, я очень расстроилась, но подругу поздравила (неискренне получилось), тут же рассмеялась, чтобы не показать своё разочарование.

– Мне очень жалко, что так вышло, – продолжала подруга, тщетно пытаясь скрыть радость от предстоящей поездки. – Но я человек подневольный, начальство сказало "надо", подчинённый ответил "есть". Вот, я тут тебе подарочек принес-

ла, небольшой, положу под ёлку, посмотришь в Рождество. А из Германии я тебе привезу всего-всего: и пряников, и ангелочков, словом, кучу рождественских сувениров. – И уже не скрывая радости: – Боже, я так давно мечтала поехать в Германию, там такие великолепные рождественские базары, о, это просто чудо!

Она как маленькая запрыгала на одной ножке и, счастливо бросив:

– Прости, я пошла собираться, – убежала восвояси.

Я чуть не разрыдалась от досады и обиды, конечно, рада за подругу, но остаться одной на все праздники – перспектива так себе. Чтобы не думать о плохом, прихватив томик Гофмана и укутавшись в плед, плюхнулась в любимое кресло и погрузилась в чтение.

Поздним вечером, вспомнив про подарок подруги, я достала его из-под ёлки – очень уж захотелось посмотреть, что там. Ха, это был шелкунчик – нет, не тот сказочный деревянный солдатик, а металлический орехокол в виде дракона. Очень красивая, изящная вещица. Где только она его откопала, такое в обычном магазине не купишь? Налюбовавшись подарком, я снова завернула его и положила под ёлку. После праздников найду ему достойное место на кухне, а пока пусть, как и положено подарку, полежит под ёлкой.

То ли оттого, что пересидела и поздно легла, то ли от расстройства, но ночь я спала плохо, часто просыпалась. Под утро вдруг услышала шорох, а затем кто-то тихонечко по-

звал меня по имени. Я вздрогнула и села в кровати. Сердце бешено колотилось. Призыв повторился. Осторожно встав с постели, на цыпочках пошла на голос, который, как поняла, раздавался из большой комнаты. Заглянула туда, но там никого не было.

"Дожила, блазнит уже", – подумала я и собралась было снова пойти спать, но опять услышала тихое:

– Я здесь.

Я с перепугу не догадалась даже свет включить, плюхнулась на живот и поползла к ёлке: сейчас достану орехокол да как огрею того, кто тут шепчет, мало не покажется! Вытащила свёрток, сижу жду, когда снова заговорит тот, в темноте. И вдруг из свёртка, сердито:

– Да выпутай ты меня уже из этой обёртки, ещё и ленточкой снова перевязала!

От неожиданности я уронила подарок, и он грохнулся на пол.

"Надеюсь, соседей не разбудила", – подумала я, осторожно потянула за ленту, пытаюсь припомнить, где это так приложилась головой, что начала слышать голоса. Скинула упаковку и отпрыгнула на всякий случай, тут же представила, как всё это выглядит со стороны, и расхохоталась в голос. Но мигом поперхнулась, когда увидела, что орехокол стоит на своих лапках, глядит на меня глазками-бусинками, а потом со скрежетом расправляет крылышки и идёт на меня.

– Мамочки-и-и, – заревела я как раненый медведь, закре-

стилась, причитая. – Чур меня, чур меня!

А дракончик раскрыл пасть и произнёс:

– А ты смешная, люблю смешных.

Я умолкла на секунду, а потом спросила:

– Что? Я несмешная и-и, если что, невкусная: любишь смешных, тогда тебе нужны клоуны или юмористы.

А про себя думаю: "Вот дура, что за чушь я несу, разговариваю сама с собой, слышу, вижу то, чего нет, я спятила. Это глюк!"

– Меня не Глюк зовут, а Адалард, что значит "сила".

– Не надо со мной разговаривать, тебя нет, тебя нет!.. – Я зажмурилась, потрясла головой и снова открыла глаза. Дракончик не исчез.

– Как это нет, ишь чего удумала – нет, вот он я, есть, просто маленький.

– Бред, бред, полный бред, что же это, как же это?..

– Эй, эй, я же уже сказал, что меня зовут Адалард и я существую.

– Ой, ну конечно, это мне сон снится, просто очень яркий и реалистичный, – я как-то сразу успокоилась.

– Ну, раз ты сама с собой договорилась, может, теперь со мной поговоришь? Мне нужна твоя помощь. Но сначала выйдем-ка наружу, тесновато у тебя тут.

Я удивилась: дракончик маленький, чё тут тесного-то, но возражать не стала, зачем возражать сну? Оделась всё же теплее, зима есть зима, хоть во сне, хоть какая другая.

Стоило выйти на улицу, как дракончик выпорхнул из моих рук и обернулся огромным драконом, размером с дом. Он подхватил меня за пальтишко и взлетел в ночное небо. Пара взмахов крыльями, и город остался далеко позади. Долго ли летели, нет ли, сказать не могу, меня заботило только одно – как бы не выпасть из пальтухи, падать даже во сне страшно, я это точно знаю. Внезапно стало светло, и дракон пошёл на снижение. Сделал круг и приземлился на огромную поляну перед лесом. Осторожно опустил меня на землю.

– А теперь поговорим. Как я уже сказал, мне нужна твоя помощь, но позволь сначала рассказать, что произошло. А потом я объясню, что за помощь мне требуется.

Всё, что ты видишь вокруг и дальше на много миль, – это моя родина. По ту сторону леса, в долине между горами, стоит прекрасный дворец, в том дворце жила счастливая семья – король, королева и их сын. Они правили, сохраняя покой в своём королевстве, растили единственного ребёнка в любви, прививая ему понятия чести, благородства, доброты. Мальчик вырос, пришло ему время жениться, и он поехал искать себе невесту в соседних странах. И вот в одном из королевств попал на состязание женихов. Принцесса очень понравилась принцу, и он тоже решил участвовать в отборе. Претендентов на руку принцессы, надо сказать, было много, но с каждым туром они постепенно отсеивались.

Настал день, когда остались лучшие из лучших – раджа из далёкой восточной страны, князь с Запада, наш принц и

чёрный рыцарь Северного предела. И король, отец невесты, объявил охоту – надо же развеяться поклонникам, отдохнуть от состязаний, а охота самый что ни на есть лучший вид отдыха. Все собрались во дворе замка, вперёд отправили псарей со сворой легавых, чтобы поднять зверя. Вот протрубил рог, и охота началась.

Принц во весь опор мчался за добычей, когда ему наперез бросился всадник. Конь принца встал как вкопанный, юноша не удержался в седле и, перелетев через голову лошади, упал на землю. Чёрный рыцарь, а это был именно он, тоже выпрыгнул из седла и подошёл к принцу.

– А, вот и ты, тебя-то я и искал. Ты мне мешаешь получить руку принцессы, с теми двумя я уже разделался, убил их, всё спишется на несчастный случай на охоте. Но с тобой я поступлю по-другому – тоже убью, но не теперь, а тогда, когда представится удобный случай, чтобы стать героем, спасшим принцессу от чудовища. А пока сделаю вот что.

Чёрный рыцарь подошёл к уже стоявшему на ногах, но ещё не совсем оправившемуся от падения принцу и вырвал из его груди сердце.

Юноша не умер, он смотрел на своё сердце, бьющееся в руке врага, и ничего не мог поделать, он был во власти рыцаря.

– Теперь ты выполнишь любой мой приказ, ибо я владею твоим сердцем, запомни и даже не пробуй сопротивляться – не сможешь, только себе сделаешь хуже. Всё понял? Хорошо,

пора возвращаться, рог протрубил об окончании охоты. Да, и рассказать о случившемся ты тоже никому не сможешь – это приказ.

После охоты по традиции королевства все собрались в шатре на поляне возле леса, на пир, тогда-то и обнаружили, что нет двух женихов. Их нашли в лесу со стрелами в телах, но, как и говорил чёрный рыцарь, всё списали на несчастный случай. Тогда король повелел отложить состязание претендентов на руку принцессы на некоторое время, дабы найти других двух участников, чтобы было всё по-честному. Рыцаря взбесил приказ короля – он не ожидал, что тот примет такое решение. Значит, надо осуществить свой план, пока не нашли новых женихов. Принцу рыцарь приказал ждать в отведённых ему покоях и явиться по первому зову хозяина.

Принц, словно кукла, сидел не шевелясь и смотрел в одну точку. Душа его разрывалась от невыносимых страданий, горькие думы одолевали его: "Как же так? Как короток оказался мой век, какой бесславный конец меня ждёт. А родители так и не узнают, что случилось с сыном, а если и узнают, то только то, что их наследник оказался чудовищем..." А что если не дожидаться, когда рыцарь призовет его, незаметно пробраться в покои того и найти своё сердце? А может, удастся добраться до самого рыцаря и убить его? Хотя вряд ли он сможет причинить вред хозяину. К тому же чёрный рыцарь – колдун, раз смог вырвать сердце, не убив владельца.

Юноша всё же тщательно обыскал покои колдуна, но так ничего и не обнаружил. "Неужели он держит при себе моё сердце? – ужаснулся принц. – Достаточно будет одного его неловкого движения или случайного падения, как сердце рассыплется в прах, и тогда я погибну! Нет, я не буду на него нападать, пока доподлинно не выясню, при нём или нет моё сердце. Сейчас же пойду к нему и выясню!"

Но не успел принц и шага сделать, как услышал призыв хозяина. Юноша побежал на зов. Чёрный рыцарь ждал его на самой удалённой от дворца аллее обширного парка:

– Ну вот и пришёл твой смертный час, несчастный принц! Сейчас я превращу тебя в чудовище, и как только сюда придёт принцесса, ты понарошку нападёшь на неё, а я тебя убью. Понял? Это приказ!

Затем рыцарь вытряхнул из кисета себе на ладонь чёрный искрящийся порошок, прошептал заклинание и сдул этот порошок прямо в лицо принцу. Юношу приподняло над землёй, его ноги и руки превратились в массивные лапы, тело вытянулось, стало огромным, вырос хвост, а на спине крылья, и вдоль всего позвоночника пророс костяной гребень. Принц обратился в дракона. Несколько секунд он стоял ошеломлённый, а потом шагнул к рыцарю и откусил тому голову, подхватил обезглавленное тело и улетел подальше от дворца...

Я ахнула:

– Так ты и есть тот сказочный принц, это твоя история?

А как же тебе удалось убить рыцаря, ты же не мог этого сделать? Нашёл сердце? И почему ты до сих пор не вернул себе человеческий облик?

– Вот ведь нетерпеливая какая, ты хоть дослушай до конца!

– Ладно, давай рассказывай, слушаю.

– О том, видела или нет принцесса, что произошло на аллее, дракон не задумывался – после случившегося его влюблённость улетучилась без следа. Что его интересовало, так это где его сердце. У мёртвого рыцаря его не оказалось...

– Ты не рассказал, как тебе удалось убить рыцаря! – снова перебила я.

– По-видимому, рыцарь не знал, а может, забыл, что у драконов два сердца – одно человеческое, второе драконье. Поэтому драконы не звери, а народность – как эльфы, гномы, фейри, любой из них может разговаривать на языке людей, может оборачиваться человеком и жить среди людей сколь угодно долго. А у меня, превращенного в дракона, не было человеческого сердца, но было звериное, и оно не подчинялось колдуну. Вот только с одним сердцем я не мог вернуть себе прежний облик. Не смог сделать этого и волшебник, который жил недалеко от моих родных мест. Был я и у эльфийской колдуньи. Все они говорили, что нужно найти своё человеческое сердце. Но оно как в воду кануло.

Я много путешествовал в надежде найти способ вернуться домой, к родителям и вот однажды встретил ведьму, вла-

дычицу лесного озера. Она-то мне и поведала, что найти моё сердце сможет лишь потомок чёрного рыцаря, который обладает магией. Только он в силах снять заклятие, насланное его предком...

– Какой потомок? Ты же убил рыцаря, когда он был ещё холост!

– Это не значит, что у него не было детей вне брака, к тому же был старший брат, король Северного предела, – в его потомках тоже течёт кровь рыцаря. Единокровного родственника-то как раз найти не проблема, а вот ещё и колдуна – это уже посложнее; мои поиски растянулись на много веков. К тому же миры менялись, перемешивались, снова разделялись. И перемещаться мне-дракону становилось всё сложнее и небезопаснее, одни самолёты ваши чего стоят. Словом, чтобы облегчить мне задачу, озёрная колдунья превратила меня в орехокол и сказала, что наследник чёрного рыцаря сам меня найдёт, что только он увидит меня и обязательно захочет купить. Колдунья обменяла меня на какие-то безделушки у бродячего торговца, а потом я попал в антикварный магазин. И вот оказался у тебя. Значит, ты и есть моя спасительница – потомок – колдунья.

– С ума сошёл! Какая я тебе колдунья, а уж про потомка ты вообще загнул. К тому же я тебя не покупала, тебя мне подарили. Значит, не я тебе нужна, а моя подруга!

– Не может этого быть: если бы это была не ты, ты бы меня не увидела, я б незаметно вернулся в магазин, так бывает

иногда – сбой в колдовской прог-рам-ме, так, кажется, у вас говорят про компь-ю-тер-ные тех- как-то там...

– Тем не менее подруга-то тебя увидела как раз в магазине, значит, она потомок!

– Не морочь мне голову, ты же сказала, что она тебе подарила, значит, ты и есть, и всё, хватит спорить! Лучше помоги найти моё человеческое сердце, – рявкнул дракон.

Я отшатнулась от зверюги, мне стало очень страшно: "Он вполне может откусить голову мне, господи, ну когда же я проснусь?! Лучше делать что он скажет, тогда, по крайней мере, когда он поймёт, что я не тот, кто ему нужен, он вернёт меня домой – в целости и сохранности, я надеюсь".

– Хорошо, давай искать твоё сердце. Где начнём?

– Мы полетим в то королевство, где всё началось.

– Хорошо, только на этот раз неси меня аккуратнее...

Я не успела договорить, как когтистая лапа обхватила меня за талию и мы взмыли вверх. Мы летели, летели, под нами мелькали то лес, то поле, то речка, то селение, потом снова лес, и так снова и снова. Вот, наконец, мы приземлились в каком-то лесу.

– Это здесь тебе рыцарь вырвал сердце?

– Нет, это дворцовый парк, где я убил его.

– Надо же, какой он неухоженный! Почему садовники не следят за ним?

– Некому следить – все спят. Фея – крёстная погрузила в волшебный сон всё королевство, чтобы принцесса забыла,

что здесь произошло. Она, оказывается, видела, как я убил рыцаря, и потеряла сознание, а потом, когда очнулась, была не в себе, всё кричала и плакала. Вот тогда-то и позвали волшебницу. Она и заколдовала всё вокруг.

– И давно все спят?

– Сто лет уже минуло.

– Ага, – на ум почему-то пришли слова из песенки, которую пели в фильме-сказке:

Принцесса спит сто лет, сто лет,

А храбреца всё нет и нет,

И если рыцарь не найдётся,

Принцесса так и не проснётся.

– Может, это ты тот принц, который должен разбудить принцессу?

– Нет, это не моя теперь сказка, как-нибудь без меня обойдутся.

– Ага, вернёшь себе облик и будешь ждать принцессу на горошине?

– Принцессу на горошине? А что, это мысль, подскажу родителям, когда вернусь!

– Эй, слушай, а как так получилось, что потомка ты ищешь уже не один век, а в этом королевстве только сто лет прошло?

– Время везде течёт по-разному, что ты как маленькая? "Почему, да почему". Хватит, ищи давай.

– Ладно, ладно. Как искать-то, я не знаю?

– Закрой глаза, замедли дыхание, успокой поток мыслей, очисти разум, открой сердце и слушай, должна услышать стук сердца...

– О, слышу – стучит в моей груди!

– Хватит дурить, тебе хиханьки да хаханьки, а я устал уже жить в этом теле, хочу обнять родителей, жениться, завести детей...

– Прости, это нервное, я попробую.

Я закрыла глаза, сосредоточилась на дыхании, мысли лениво текли в моей голове, но я отметала их прочь. Сначала ничего не слышала, кроме естественных звуков природы, потом где-то далеко услышала тихий мерный стук. Послала свет из своей груди, определяя направление, и медленно, не открывая глаз, пошла на звук. Часто останавливалась, прислушивалась. Да, иду правильно, где-то там, за деревьями, бьётся сердце – очень медленно, словно готовое уже остановиться. Я побежала что есть сил, испугавшись, что вдруг оно и правда остановится и тогда несчастный принц навсегда останется драконом...

Сердце было спрятано в склепе, жутковато было спускаться туда одной, но дракону в склеп не войти.

– Подожди, я зажгу тебе факел, – сказал он.

– Не надо, у меня есть фонарик в кармане. Я всегда ношу фонарики с собой – так, на всякий случай.

Лестница круто уходила вниз, в темноту, я осветила фонариком мраморные ступени, шла осторожно, ещё не хвата-

ло споткнуться, упасть и погибнуть... Мороз пробежал по коже, я вдруг ярко представила себя бездыханную, лежащую там, в темноте, а мой дух кружит по склепу, стена и гремя цепями. Тьфу ты! С перепугу чего только не напридумывается.

Наконец-то лестница кончилась, ну и холодина тут! Я остановилась в нерешительности – осмотреть весь склеп или ну его, вдруг и правда увижу что-нибудь страшное, тогда убегу, и бедный принц не получит своё сердце.

Освещая дорогу только перед своими ногами, я пошла на биение сердца. Вот оно, в самом дальнем конце склепа в нише, небрежно брошено, покрылось пылью и едва трепещет. Мне стало стыдно за предка, который так немилосердно поступил с принцем, а возможно, и не только с ним. Моё собственное сердце сжалось от боли и сострадания. Да, по всем признакам сердце умирало, надо спешить. Я стащила с себя пальто и аккуратно положила на него сердце принца. Подула на него, стремясь избавиться от пыли, и сердце в ответ вспыхнуло, засияло.

С драгоценной ношей я пошла в обратный путь. Дракон одним глазом смотрел в проём склепа. Завидев меня, торопливо отошёл.

– О, наконец-то, а то я уже готов был разрушить королевскую усыпальницу до основания!

– Ага, и похоронить меня там заживо! – сварливо сказала я. – Вот твоё сердце, вставляй его быстрее, а то оно едва

бьётся.

– Э нет, это должна сделать ты. Только обладающий магией может забрать сердце или вернуть обратно. Прочти заклинание и вставляй.

– Я не знаю никаких заклинаний, да и как вставить сердце? Я что, хирург? Давай пойдём быстрее к какой-нибудь волшебнице.

– Хм, ладно, полетели к хранильнице озера. Сердце держи осторожней, не сжимай его сильно.

Дракон очень аккуратно обхватил меня лапой, и мы полетели. Вот и озеро, какое оно красивое и чистое! А вон и его хозяйка плещется на мелководье, с рыбами играет. Увидела нас, подплыла:

– Вижу ты, Адалард, нашёл, что искал. Так зачем ко мне пожаловали?

– Она, – мотнул головой дракон в мою сторону, – говорит, что не колдунья, не знает заклинаний и не знает, как сердце вставить.

Озёрная дева взглянула на меня:

– Не колдунья? А сердце нашла, значит, и вставить сумеешь! Слова сами придут. Возьми сердце в ладонь, обхвати его, но не сжимай, резко бей рукой Адаларда прямо под рёбра, а когда войдёшь, продвинь руку немного вверх, тогда разжимай её и так же резко выдёргивай обратно.

– Ну вы даёте, можно подумать, что только этим и занимаетесь – вырываете сердца друг друга и возвращаете обрат-

но. Не могу я, сделай ты!

– Придётся тебе это сделать самой – не я у принца сердце забрала...

– И не я! – воскликнула я гневно. – Потомки не отвечают за грехи предков!

– Ещё как отвечают, – усмехнулась провидица. – Это закон магии, а по-вашему карма. Хватить разговоров, приступай!

Делать нечего, пришлось подчиниться. Я переступила с ноги на ногу, пытаюсь унять дрожь. Взяла сердце да как заору: " Возвращайся на место!" – и с силой ударила им дракона в грудь. Рука провалилась внутрь, я подняла её там немного вверх и отпустила сердце, оно не упало, как я думала, а, похоже, и правда встало куда нужно; тут я резко выдернула руку обратно. От переживаний мои ноги подогнулись, и я села на траву.

– Эй, что это ты, девица, уселась? Теперь расколдуй принца.

– Я не "эй, девица", меня Лера зовут; и как я, интересно, расколдую его, если у меня нет чёрного порошка?

– Хм, он тебе не нужен, можешь вон хоть воды зачерпнуть и вылить на дракона. В магии важна сила намерения и вера. Нужно очень захотеть и верить, что получится. Приступай.

– А кто меня домой вернёт? Принцы летать не умеют, разве что ковёр-самолёт у вас имеется?

– Верну, не переживай.– Озёрная дева усмехнулась.

Я зачерпнула воды, выплеснула на дракона со словами: "Личина, растворись, рождённый облик вернись". В этот раз мне не было страшно, и я уже не кричала, а сказала заклинание тихо и спокойно.

Громадный дракон и правда словно растворился, а на его месте появился стройный высокий юноша. Русоволосый, а брови и ресницы чёрные, яркие голубые глаза – печальные. Эх, жаль, что он сказочный принц, я бы могла в него влюбиться... Он склонился передо мной в глубоком поклоне.

– Благодарю тебя, Лера, ты спасла мне жизнь. По нашим сказочным традициям, я бы должен на тебе жениться, но ты, вижу, не согласишься. Поэтому не неволю и не прошу остаться. Но дай мне слово, что обязательно приедешь к нам в гости. Жди приглашения на свадьбу, а ещё что станешь феёй-крёстной для нашего первенца.

– Ты что, уже женишься? На ком? Да и про фею-крёстную ты уж слишком загнул.

– Невесты у меня пока нет, но это легко исправить, сказочных королевств здесь много, и принцесс хватает.

– Смотри, не вяжись опять в какое-нибудь состязание женихов!

– Нет, не вяжусь, теперь буду осмотрительнее. Счастливого тебе пути, Лера! Жду в гости.

Озёрная колдунья хлопнула три раза в ладоши, всё вокруг заволокло туманом, а когда он рассеялся, то я была уже дома, сидела в кресле с томиком Гофмана в руках. Видимо, задре-

мала за книгой. "Ну и сон же мне приснился... А сон ли это был?" Я вскочила и достала из-под ёлки подарок подруги. Нетерпеливо развернула его – в коробочке лежал орехокол в виде дракона, изящная вещица. Такой в обычном магазине не купишь. Подруга знает мою слабость к красивым вещам.

"Значит, это и правда был сон, – разочарованно подумала я, вспоминая дракона, провидицу и милого принца. – А так всё казалось реально."

Вздохнув, я пошла на кухню – чайку попою с вкусняшками и подумую, куда бы пойти на праздники, одной никак не хочется оставаться...

Как феечка Светика освободила рождественского ангела

Сегодня в Сверхпремудрой академии суета. Экзамены сданы, учебный год закончен, и все студенты разъезжаются до весны на зимние каникулы. Скоро праздник Рождества, и их ждёт весёлая, беззаботная жизнь.

Лишь феечка Светика никуда не торопится. Её несправедливо наказали и оставили в академии до тех пор, пока она не исправит "то безобразие" – по словам директора Василины Умудрённой. Под "тем безобразием" подразумевалось случайное волшебство, которое феечка совершила, когда готовилась к своему первому экзамену. Она и не подозревала, что небрежный взмах палочкой кому-то навредит, –

рядом никого не было. Но оказалось, что под волшебство попал малюсенький паучок. От заклятия он вырос, превратился в человекоподобное существо, объявил себя кутюрье Паулем Модёном. Он опутал паутиной целый городок вместе со всеми жителями, и теперь малютки-шелкопряды не могут освободиться и покинуть поселение. Если бы феечка знала, как отменить волшебство, то сделала бы это, но она даже не помнила, какие слова тогда произнесла. Вот директриса её и наказала, оставила до самого Рождества. Сказала:

– Пока не вспомнишь заклятие, никуда из академии не выйдешь!

Вообще-то Светика хорошая девочка. Она никогда ни с кем не ссорится. Всегда мила и приветлива, правда, немного легкомысленная и беззаботная, но добрая и общительная. А теперь осталась одна, наказанная, расстроенная и обиженная.

Когда всё успокоилось – улеглась суета, студенты разъехались, а преподаватели разошлись по своим делам, – феечка решила прогуляться по академии. Она ещё никогда одна не летала по её коридорам и классам. Нужно найти кухню, взять чего-нибудь перекусить, а потом пробраться в большой зал и полюбоваться рождественской елью.

С этой елью связано много легенд. Все старшекурсники да и педагоги не устают рассказывать эти истории. Оказывается, рождественское дерево волшебное и живое. Оно само собой возникает в зале в декабре, уже наряженное все-

возможными красивыми стеклянными игрушками, которые сверкают разноцветными огоньками. На вершине кружится фарфоровый рождественский ангел, он держит в руках золотую звезду. После праздников ель исчезает, и никто не знает куда.

Говорят, это волшебство совершил основатель академии и первый её декан Ингмар Вершитель. С тех пор прошло без малого две тысячи лет. Самого мага уже давно нет в живых, но чудо, им сотворённое, живо и по сей день.

Пока феечка Светика лакомилась на кухне цветочной пылью, в большом зале прямо из стены вышел старикашка. Старшекурсники признали бы в нём самого нелюбимого преподавателя Изора Ворчуна. Он направился к ёлке, неся коробку со стеклянными игрушками, и как всегда ворчал:

– И дёрнул же эту нынешнюю директрису сунуть свой нос в архив, да ещё и рассказала всем остальным учителям, что ж им всем неймётся? Вот и получите, вот и повисите теперь на ёлке. Студенты вернутся не скоро, за это время и заклятие забвения подействует, и новый преподавательский состав подберётся.

Изор аккуратно развесил игрушки, отошёл, полюбовался. Гнусно захихикал и, потирая руки от удовольствия, направился было обратно к стене, когда услышал какой-то звук. Подошёл к двери, приоткрыл её и выглянул в коридор. Там, у самой двери, копошилось какое-то существо, похожее на скрюченную крысу.

– И что ты тут возишься, Кос? Я тебя послал разведать, не осталось ли кого в здании, а ты здесь прохлаждаешься. – Изор грозно глянул на крысюка.

– Да я чё, я всё осмотрел. Вот только не пойму, зачем это. Чё вообще происходит? – Существо недоумённо глянуло на Изора.

– А не твоего ума это дело! Не надо тебе ничего понимать. – Старикашка наморшил свой крючковатый нос: – Твоё дело приказы исполнять, а то превращу в слизняка, тогда и вопросы задавать нечем будет. Осмотрел, говоришь, здание? И что? Всё чисто? Нет никого?

– Так из взрослых, это, никогошеньки. Коргоруш-кашеваров, как ты и учил, я усыпил, проспят теперече до самой весны. Остальные все разъехались по домам, праздник же скоро. Может, и нам... того этого?..

– Чего "того-этого"? Что значит из "взрослых"? В академии кто-то есть? Отвечай, дубина!

– Так, это, я и говорю, что ученица, феечка, здесь, перво...как это... годка, во! Наказала её директорша.

– Вот ведь, болотника в пузо! Говорю же, нынешняя директриса вздорная баба! Одни от неё проблемы были. – Изор почесал плешивый затылок. – Ничего, с феечкой я легко справлюсь. А ты приглядывай за ней, пока я занят. – И противный старикашка скрылся в стене.

Светика летела по коридорам академии и заглядывала в каждое помещение, встречавшееся на пути. Ей было весе-

ло, представлялось, что она исследователь неведомого и таинственного. Но постепенно в её сердце поселилась тревога. Она не встретила ни одного преподавателя, пока блуждала по замку. Да, студенты разъехались, но где же взрослые? Феечка знала, что те, кто работает в академии, тут же и живут. Девочка даже в учительскую комнату заглянула. Но и там никого не было. "Странно. Не могли же все разом уйти! Что-то тут не так". – Светика испугалась. А что если про неё забыли? А, наверно, ушли в городок неподалёку! Отдохнуть. "Может, и мне слетать туда? Поиграю с местными ребятами, с горки покатаемся!.."

Девочка выглянула в окно и ахнула. Всё было покрыто снегом, и он продолжал падать, наметая огромные сугробы. И следов вокруг не было. Похоже, никто не входил и не выходил из академии. "Значит, они в большом зале возле ёлки. Там много красивых игрушек, их можно разглядывать до бесконечности..." Рассудив так, Светика забыла, что хотела расплакаться от испуга. Потёрла кулачками глаза, гордо вскинула голову и полетела в сторону большого зала.

Впереди, дальше по коридору, мелькнула чья-то тень. Или ей это показалось? Какое-то животное? Может, кошка? Нет, для кошки слишком большой. Наверно, преподаватель, опоздал и теперь спешит присоединиться к остальным. Ну ничего, ещё один поворот, и она всё сама увидит.

Когда Светика была уже у самой двери, то услышала тихий шорох. Феечка оглянулась, но никого рядом не было. И

тут она увидела, как из стены возникло страшное лицо: на неё зло смотрел и хищно улыбался старик. Светика взвизгнула и припустила что есть мочи подальше от этого коридора.

Иззор Ворчун самодовольно улыбнулся:

– Ишь как испугалась эта феечка, когда меня увидела! Так и рванула прочь, только крылышки замелькали. А наверняка хотела на ёлку полюбоваться. Эх, глупая девчонка, если б она знала, что за игрушки висят на дереве, то держалась бы подальше от зала.

Так-с, надо подумать что с ней сделать, когда поймаю. Она наверняка пока ничего не знает. Может, усыпить и стереть память? Или отправить домой? Конечно, так будет проще всего, вызвать родных не составит труда... Ой, нет, ничего не получится: замело всё кругом. И когда метель успокоится, неизвестно. А мне нужно устранить всех свидетелей до Рождества. Ладно, время ещё есть, сначала надо поймать её. Потом придумаю, что делать.

Так, что там Кос сказал? Она первокурсница и толком ещё ничего не умеет. Хотя у феечек есть своя природная, стихийная магия, но всё равно она ею владеет ещё недостаточно хорошо. Да и глупой ли девчонке тягаться со мной, великим магом всех времён? Да-да, я великий ИНГМАР ВЕРШИТЕЛЬ! Это для нынешнего поколения я Иззор, преподаватель колдовской истории. Глупцы! Да они гордиться должны, что учатся у самого магистра, основателя академии. Я

обладаю двухтысячелетним опытом знаний во всех областях колдовской науки. Ничего, скоро всё изменится. После Рождества будет всё по-другому. Ха-ха, студенты даже не вспомнят, что новый декан академии и преподаватель Изор – это одно и то же лицо. Всё случится в Рождество!

Ах да, феечка... Значит так, поймать, её магия для меня не проблема; ну-ка, ну-ка, а помню ли я язык фей? Стихийная магия работает только на их языке. Да и девчонка от испуга наверняка будет тараторить только на родном наречии. А-а, помню, и другие магические языки тоже. Значит, феечка мне точно не помеха. Может, пугнуть её и дать фору, пусть прячется? Вот будет весело, хоть какое-то развлечение. Эй, Кос, смотри, чтобы феечка не пробралась в зал. Итак, охота начинается!"

Светика, подгоняемая страхом, летела со всей скоростью, на какую была способна. Лицо в стене напугало её больше, чем то, что она осталась совсем одна. Феечка сразу поняла – это злой колдун, он задумал что-то гнусное и ей захочет навредить, потому что она его видела. Захотелось забиться под кровать, в самый дальний и тёмный угол.

– Стоп, – сказала она сама себе. – Паника здесь не поможет. Надо предупредить учителей, а что, если они мне не поверят? Думай, Светика, думай! От колдуна нельзя просто спрятаться: он легко найдёт меня с помощью заклятия, и моё знание магии намного меньше, я не смогу победить его в колдовском поединке. Но что-то надо придумать.

Феечка остановилась посреди коридора. Погони не было.

– Что же делать, что же делать? Надо просто устроить ловушки и обойтись без волшебства! Сначала в кладовку – взять верёвки, швабры, вёдра, лопаты. На кухне – муку, лёд, уксус, соль и воду. В кабинете химии много различных реагентов, жидкостей и порошков – всё сгодится. А ещё нужно выбрать место. Думаю, что в коридорах около большого зала – там удобнее всего.

Светика подготовила всё необходимое, погрузила в тачку, наколдовала большой воздушный шар и подняла груз в воздух. У двери в зал она заметила странное существо, похожее на крысу. Крысюк развалился поперёк коридора, загораживая проход. Нужно было что-то срочно придумать, пока он её не заметил. Светика пыталась понять: зачем здесь это существо? Подумав, решила, что, скорее всего, он не на её стороне, может, крысюк помощник колдуна? И значит, он враг. А раз враг, его надо устранить, с двумя ей точно не справиться. Обладают крысюки магией или нет, девочка не знала. Но сейчас это не имело значения – надо действовать быстро.

Достав из тачки сковороду, феечка с силой обрушила её на голову существа. То дёрнулось и обмякло. Светика связала крысюка, затащила его в кладовку и оставила там. А сама вошла в зал, чтобы предупредить учителей о злом колдуне, но там, вопреки её ожиданиям, никого не было. Только ёлка сверкала огнями.

Девочка разочарованно посмотрела вокруг и собралась

уже вернуться в коридор, но тут услышала тихий голос:

– Феечка, помоги, освободи меня...

– Кто здесь, кто это сказал?

– Посмотри на ёлку, вверх посмотри.

Девочка оглянулась, но сначала ничего особенного не заметила, а потом ахнула: кружившийся на верхушке фарфоровый ангел смотрел на неё, и глаза его были живыми.

Светика подлетела к ангелу, осторожно сняла его с ёлки:

– Я не знаю, как тебя расколдовать, может, кто то из педагогов, когда вернутся, поможет тебе? Но здесь, внизу, ты в большей безопасности: не упадёшь и не разобьёшься. Вот тут, на полочке, пока полежи.

– Преподаватели не вернутся – они тоже заколдованы, присмотришь к игрушкам на ёлке. Ты их тоже сними оттуда на всякий случай. А когда поймёшь, как снять заклятие, расколдуешь.

Светика так и сделала, а потом занялась подготовкой к приходу колдуна. Первым делом намазала пол маслом, затем подвесила ведра, налив в них всю жидкость, какую только удалось найти в кладовке и кабинете химии. Каждое ведро крепилось на тонкую, почти незаметную, но очень прочную проволоку, которую феечка натянула по всему коридору на разных уровнях. Потом, вооружившись сковородкой, Светика приготовилась к обороне.

Колдун появился внезапно – возник из воздуха, но его ноги тут же разъехались на скользком полу, он упал, проехал

на животе, ударился головой о стену. Ему удалось подняться, но он вмиг запутался в проволоке, и на него вылилось всё содержимое ведер. Бранясь, Изор выбрался из проволочной паутины, взмахнул рукой, произнёс заклятие, отменяющее всё волшебство. Но ничего не произошло, волшебства-то не было. То и дело поскользываясь, колдун опять пошёл к девочке и снова запутался в проволоке, сверху на него посыпались швабры, грабли и прочая хозяйственная утварь. Но и это не остановило колдуна, он подскочил к феечке, та увернулась и с силой треснула Изора сковородой по голове, но тот устоял на ногах. Он схватил Светику за крылышко и чуть не оторвал его. Девочка закричала – ей было очень больно.

И тут двери распахнулись и весь коридор залило ослепительным светом. Прекрасный рождественский ангел вышел из зала. Грозно глянул на колдуна, и тот, выпустив феечку, рухнул на колени, моля о прощении.

– А что теперь будет с колдуном? – спросила феечка у рождественского ангела.

– Его лишат магической силы, и он будет доживать свой век как обычный человек. Видишь ли, любые таланты и способности – это дар. И использовать его надо только во благо. Главное, не навредить – это закон.

– Ой, а я своим случайным волшебством навредила целому городку! Меня поэтому и наказали. Что же теперь делать? Я не могу помочь жителям, не помню, что за заклятие тогда произнесла. Меня теперь тоже лишат силы?

– Ну что ты, Светика! Неужели ты думаешь, что Василина Умудрённая оставила бы горожан в беде? Она сразу же всё исправила. А тебя наказала, чтобы ты всё сама прочувствовала и поняла: пользоваться волшебством нужно вдумчиво и внимательно. Магия сама по себе не зло и не добро, её таковой делает обладатель дара. Вот Ингмар перешёл все дозволенные границы – сама видела, скольких людей он заколдовал, меня пленил.

– А зачем он это сделал?

– Неужели непонятно? Чтобы жить вечно. Каждые триста лет в Рождество он проводил обряд, который дарил ему молодость, силу и жизнь. Для этого ему нужен рождественский ангел, который исполнял бы его желания. А тех, кто узнавал его и его секрет, Ингмар своим колдовством превращал в ёлочные игрушки.

– Почему именно в ёлочные игрушки?

– Чтобы можно было их повесить на ёлку. Если бы он превращал всех во что-то другое, за столько лет ему бы места в академии не хватило. Ладно, Светика, пора нам попрощаться, здесь ещё много чего надо уладить.

– А можно ещё вопрос? Как ты расколдовался? Я же не знала, как это сделать!

– Подумай, ты же умная девочка.

– Ингмар, когда хотел меня поймать, думал, что я наставила магических ловушек, он произнёс заклятие, отменяющее всё волшебство, правильно?

– Да, в пылу гнева он не подумал, что это заклинание отменит и его колдовство. Но если бы ты не сняла нас с ёлки, то мы бы погибли, ёлка-то мгновенно исчезла. Ты, милая, спасла много жизней! А теперь тебе пора домой, а то прозеваешь рождественского ангела и он не выполнит твоё желание.

Феечка вышла на улицу. Снегопад давно прекратился, было тихо. Её уже ждала повозка, запряжённая в стаю красногрудых снегирей. Они быстро домчат её до дому. Светика счастливо улыбнулась...

Екатерина Бадьянова

Звёзды – светлячки и кинжал, зарытый в лесу.

До наступления рассвета оставалась жалкая горстка песка, что Хэвон соскрёб с черепиц на крыше детского приюта. Ладони окрасились в огненно-красный. В озорных карих глазах сверкнули первые солнечные лучи. Браслет из ракушек на запястье игриво звякнул. Хэвон улыбнулся, подтянул длинный носок на левой ноге и свесил её с края, вторую – прижал к себе, обхватив руками, и положил подбородок на коленку, обмотанную старым бинтом. На нём осталось пятно засохшей крови. Его нужно было давно сменить, но Хэвон носил бинт с гордостью и для устрашающего вида. Дети боялись крови.

С высоты второго этажа, пейзаж открывался убогий. Серые стены и пустой задний двор, заваленный ящиками, бочками и балками. На влажной земле валялись бесхозные железки, сломанные трубы и чьи-то жёлтые башмачки. Город окутан молочной дымкой. Крыши небольших домишек, словно зубья гор, выплывали из тумана. Яркие вывески рамённых, круглосуточных магазинов и вертикальных реклам мелькали за пределами ворот. Люди спали.

Хэвон проснулся до общего подъёма и зависал на крыше, пока никто не видел. Всё равно никто не хватится, даже когда няня обнаружит, что под смятым, колючим одеялом не он, а школьный портфель с разноцветными звёздами.

Он, прищурив один глаз, смотрел, как сквозь пальцы утекал огненный песок. Солнце поднималось выше.

Сегодня во сне к нему пришла мать:

– Ты позоришь меня! – в припадке кричала она. – Из тебя никудышная ведьма, Ли Хэвон. Жалкий и бесполезный. – Мать смаковала каждое слово и мерзко улыбалась.

Она и при жизни так говорила, – сумасшедшая фанатичка. А когда не стало отца, совсем одичала. Хэвон ненавидел жизнь ведьмы всем нутром: плевался колкостями, разбивал амулеты, опрокидывал котелки с отварами и проклинал мать. Та всё никак не могла уняться: била, поучала и терзала странно-режущими заклинаниями. Порезы на руках и ногах не заживали. Магию можно вылечить только магией, но он не знал ни одного заклинания.

Хэвону было шесть лет, – почти признанная ведьма – когда мать чуть не сожгла его комнату и не подорвала пятки кровожадным заклинанием. Он отказался проходить посвящение и приносить клятву на крови.

Каждое полнолуние ведьмы собирались в близлежащем лесу. На шабаше все проводили совместные ритуалы и напиткивались ведьминской землёй. Насыщали духов, веселились и резали всё, что попадётся под руку: свою плоть, кору дере-

вьев, землю, травы, – священное действие. Разжигали больший костёр и зловеще насмехались над людьми.

«Дух» – бессмертная материя, сгусток энергии неизвестного происхождения, что после смерти одной ведьмы тут же находит новое тело и даёт хозяину магическую силу. Ведьмами не рождались, ведьмами становились не по своей воле. Дух требовал и питался кровью хозяина. Чужая кровь редко использовалась, разве что для некоторых ритуалов.

В тот день, когда огонь поглотил комнату, Хэвон разбил окно и выскочил наружу. В голые пятки вонзились мелкие осколки стекла. Он скрипнул зубами от боли и бросился бежать. На его глазах сгорала обитель, в которую он никогда не надеялся вернуться.

От запаха магического дыма слезились глаза. Он утирал слёзы, и уносил ноги как можно дальше от этого проклятого места и матери. На песочных щеках осела сажа, тёмно-каштановые волосы, поцелованные огнём, дымились.

Он бежал через ячменное поле. Колосья то и дело хлестали его по лицу и рукам, словно по наставлению матери. Как только золотистое поле закончилось, за ним начиналась лесная тропа. Хэвон остановился, чтобы перевести дыхание.

Он поднял уставший взгляд на высокие стволы деревьев. Сердце пропустило удар. Противный голос внутри шептал о том, что там его ждут, – проснувшийся Дух звал. Но мальчишка сопротивлялся, не понимал, о чём ему говорили.

В воздухе запахло смертью: свежий осенний ветер, сме-

шанный с гнилью пожухших листьев и кровью, как остриё ритуального кинжала – алая сталь с подтёками.

Смерть всегда пахнет свежестью. Человек сразу и не поймёт, но ведьмам хорошо знаком этот запах.

Хэвон почувствовал опасность и отторжение. Его суть и всё ещё человеческая душа боролись не на жизнь, а на смерть.

В этот же момент его детское запястье окольцевала ледяная материнская рука. Она вцепилась длинными ногтями в кожу мёртвой хваткой. И до одури больно сжала.

Перед глазами заплясали звёзды.

– Умница, сам привёл себя сюда. Мама тобой гордится, – она плотоядно улыбнулась и рывком потянула за собой.

В тот день его человеческая душа умерла.

В тот день ему пришлось пролить собственную кровь и стать настоящей ведьмой.

В тот день у него не было другого выбора. Хэвон изначально не имел права стать кем-то другим.

Жизнь всех ведьм сочилась лунно-солнечной магией. Плевалась рунами и заговорщицки звенела ритуальными атрибутами. Высокое пламя свечи в тёмной комнате благословляло на удачу.

Мать умерла, когда Хэвону исполнилось тринадцать.

Злосчастный летний день, поздняя ночь и тупой кухонный нож на полу. А ещё зеркальная лужа крови, вьевшаяся

в доски. Высокопочитаемую, в своих кругах, ведьму кто-то зарезал. Она не смогла себя защитить? Или не захотела? Однако, странно.

Хэвон заявился домой вместе с первыми персиковыми лучами. На пороге сидел и умывался рыжий кот, которого он время от времени подкармливал. В тайне, естественно. Хэвон запустил пальцы в длинную шелковистую шерсть. Кот коротко посмотрел на него, и словно чего-то испугавшись, оскалился, и скрылся за углом дома. Хэвон насторожился. Кот никогда так себя не вёл.

Переступив порог, первым, что он увидел, – мёртвое тело матери.

Сначала Хэвон не поверил. Застыл на месте и пялился. Искал что-то на иссиня-мраморном лице, но, не заметив подвоха, подошёл ближе. Сел рядом и положил руку на остывший лоб. Закрыв глаза. Кожу на ладони обожгло. Его отбросило в сторону. Послышался хруст, то ли костей, то ли дерева. Что-то точно сломалось и вонзилось в худой бок.

Прикоснувшись, Хэвон всё понял. И увидел.

За головой матери пришёл не человек, а сам Дьявол. Что эта женщина успела натворить? Страшно представить. И не то, чтобы Хэвон хотел узнать.

Хоронили его мать скудно, всем шабашем: сжигали и рассеивали прах по ветру. В тот же день Дух нашёл новое тело.

Только когда Хэвон вернулся в опустевший дом, понял, что, наконец, свободен. Хэвон резал хлеб, но чуть не лишил-

ся глаза, как только допустил мысль о свободе, – Дух взбушевался и кусался. Он свободен от матери, но не от силы.

В тринадцать лет – самый магический возраст, после шести – он остался абсолютно один. Ни родственников, ни родителей, ни друзей. Опека забрала его в приют. Там всё же было лучше, чем под одной крышей с монстром.

Дети тоже зло. Они прозвали его «чокнутым». Считали странным из-за того, что он носил длинный носок на левой ноге, а короткий – на правой. Из-за бормотаний посреди ночи и порезов на руках. Из-за родинки под правым крылом носа. Из-за драк с детьми и собаками за еду. С кошками, кстати, не дрался. Из-за любви к огню и всему искрящемуся. Из-за страшилок, которые он рассказывал по ночам. Хотя страшилки – это истории из его жизни. Из-за кровавых рисунков на стенах. Из-за того, что он подсовывал в постель детей живых ящериц, пауков, бабочек, гусениц и жуков. Из-за того, что не боялся, когда его избивали. Из-за воровства из столовой, прогулы уроков и богослужения, побегов из приюта (в полнолуние). Из-за плотоядной и коварной улыбки. Из-за жутких побрякушек, которые он мастерил и носил на ладонях, лодыжках и шее. Он всегда был сам по себе. Никто не решался с ним дружить.

Сейчас ему семнадцать. Давненько мать не приходила во снах, но соскучиться по ней Хэвон так и не успел.

– Сама не лучше. Тебя зарезал дьявол и ещё смеешь открывать рот. Смешно, – усмехнулся он. – Как-нибудь расска-

жешь, за что тебя так? Хотя мне не интересно. Так же, как и тебе не был интересен я.

Рядом с ним села ласточка. Хэвон пошарил по карманам и достал кусок сухаря, о который иногда точил зубы. Бросил его ласточке и отвернулся, продолжая всматриваться в бесконечную небесную даль.

Послышался оглушительный звон и первые голоса воспитателей. Утро в приюте началось.

Хэвон вздохнул, вскочил на ноги, пошатнулся, устоял и спустился с крыши. Незаметно пробрался в комнату, затерявшись среди остальных. Отрыл под одеялом портфель, собрался, позавтракал одним кимпаб-роллом и пошёл вместе с остальными в школу.

Несмотря на всё это он успевал учиться. Некоторым учителям он нравился, например, отличался знаниями по химии, литературе и математике. Физкультуру не любил, но бежал лучше всех. На истории то и дело спорил с учителем о том, что было, а чего нет. Всё остальное прогуливал с попеременным успехом.

Через открытое окно в класс залетел рубиновый кленовый лист. Покружился в воздухе и приземлился на последнюю парту, за которой сидел Хэвон.

Хэвон отрыл глаза, почувствовав невесомое прикосновение, и посмотрел на лист.

«Красивый. Нет, кровавый. Замечательный,» – думал он.

Звонок с урока оглушил тишину в сознании. Хэвон выбрался из-за парты и выбежал из класса. Пошарил по карманам: амулеты и маленький компас – на месте. Ручные часы, что он стащил у какого-то дядьки. Зажигалка, разноцветные бусинки, канцелярский нож, спички, жёлуди, серебряные монеты, – тоже.

«Рогатки не хватает, чёрт. Ладно, без неё обойдусь».

Хэвон выбежал на задний двор, в два прыжка одолел высокий забор, и оказался за пределами школы. Пожелтевшая трава хрустнула под ногами. И он побежал дальше, ловил ртом потоки ветра, улыбался. Прятался за деревьями. Подзывал бездомных котов, гонял собак и птиц. Прыгал по лужам. Пытался поймать свободу и подчинить себе. Выходило паршиво, но он смеялся и показывал язык прохожим.

С деревьев в бесконечном танце падали листья, а над чистым небом сгущались огромные облака.

– «...Ожидается гроза с сильным ветром...» – жестяной голос вещал из радиоприёмника на окне, мимо которого пробежал Хэвон.

Его точно не станут искать в дождь с раскатами грома и молниями. А вот он бы с радостью бросил вызов стихии.

– Хэй! – чей-то юный голос эхом отскочил от кирпичных стен домов. – А что ты тут делаешь?

Хэвон обернулся. На него смотрел паренёк лет тринадцати. Волосы – смоль, глаза – лагуна. У него пугающий и пронзительный взгляд. Хэвон аж встрепенулся, но тут же по-

нял, что бояться нечего. Незнакомый мальчишка стоял на месте и смотрел беззлобно, даже несколько очарованно.

– Иди куда шёл. Это тебя не касается.

Хэвон отвернулся и посмотрел вверх. С крыши одного из домов на него зыркал чёрный кот.

– Он кусается. Тот кот, – незнакомец будто понял, что собирался сделать Хэвон. – Однажды чуть глаза мне не выцарапал. А я только хотел его погладить.

Хэвон, не обращая на незнакомца внимания, полез вверх. Чужие подоконники, трубы, выпирающие кирпичи, ставни, провода, – помогали карабкаться.

– Жаль, – тихо проговорил он, но лез всё выше.

– Что ты сказал?

– Жаль, – повторил Хэвон и шёпотом продолжил: «лучше бы выцарапал». Он гадко улыбнулся и взобрался на крышу. Скрылся за дымоходной трубой.

Кот встретил его в боевой стойке. Зашипел и начал пятиться назад. Хэвон краем глаза заметил, что кот прихрамывал на правую заднюю лапу.

– Не нужно меня бояться, – он протянул к нему руку. Когти вонзились в кожу. Бусинки крови выглядывали из царапин.

– Я хочу помочь. Тебе наверняка больно. Ну же.

Он полез в карманы. Но того, что нужно там не было. Зато остался ещё один кусок хлеба, который он стащил в школьной столовой.

– Ты там живой? – не унимался мальчишка снизу.

Хэвон ничего не ответил, лишь кинул короткий взгляд в его сторону и протянул руку с хлебными крошками коту. Высыпал их на черепицу и принялся наблюдать. Кот принялся, недоверчиво посмотрел на Хэвона и на крошки. Настороженно подошёл, прихрамывая, и попробовал «лакомство». А затем начал есть с особой жадностью.

Голодный и милый.

Хэвон осторожно и невесомо прикоснулся к гладкой пыльной шёрстке и провёл вдоль выступающих позвонков. Кот заурчал. Громко и утробно, – доверился.

На крыше, ветер грубо хлестал щёки. В лохматых волосах прятались пылинки и пушинки. Глаза резал мелкий песок. Гроза приближалась со страшной скоростью. Хэвон снял с себя тёмно-синий пиджак.

Когда кот доел, и хотел было сбежать, Хэвон поймал его, замотал и спрятал в пиджаке. Кот вопил и брыкался. Пытался достать коггистыми лапами до лица.

– Тише.

Хэвон начал спускаться вниз с особой осторожностью и нежностью. Вскоре кот успокоился. Спрыгнув с чужого подоконника и нечаянно зацепив пяткой горшок с цветком, Хэвон оказался на земле. Здесь безопаснее. Он посмотрел на свёрток в руках. Кот дрожал.

– Я думал, ты умер!

Хэвон подскочил на месте от неожиданности.

– Ты ещё здесь?! Уйди. Гроза скоро начнётся.

– А ты?

Хэвон поджал губы, и тяжело вздохнул:

– Не твоё дело.

– Ещё как моё. Твоя мать привела меня сюда, – мальчишка внезапно стал серьёзным.

– У меня нет матери, – отрезал Хэвон, развернулся к нему спиной и пошёл.

– Как нет? Она сейчас рядом с тобой идёт.

Что за бредни он несёт? Хэвон закатил глаза.

– Я, кажется, сказал. Никого у меня нет. Не смей идти за мной.

– Она говорит, что из тебя никудышная ведьма.

Хэвон остановился, плечи опустились. Он потрянул головой. Откуда этот малец мог знать, как его называла мать?

– Иди своей дорогой. Бесишь.

С неба сорвалась первая большая капля. Она с хрустальным звоном разбилась об асфальт. А за ней ещё и ещё. Не дожидаясь ответа, Хэвон бросился бежать, крепко прижимая кота к груди. По быстрым шагам позади, понял – судя по всему, мальчишка не отставал.

На горизонте появился непримечательный и заброшенный дом. Дверь знакомо и жутко скрипнула. Дождь громко барабанил по крыше, с потолка стекала вода. В доме пахло пылью, сыростью и сухоцветами. Половицы под ногами прогибались, дрожали и трещали. Хэвон выпустил кота, кото-

рый тут же забился под старый комод. Затем зажёл свечи и расставил по столу.

– Зачем увязался за мной? – Хэвон тушил спички голыми кончиками пальцев и перебирал стеклянные баночки с непонятным для него наполнением. Вроде, это должны быть заговорённые травяные мази. Мать никогда ничего не подписывала. Чёрт.

– Твоя мать сказала, что ты можешь мне помочь, – мальчишка в полутьме рассматривал кухню.

Куча пустых полок и шкафов, завязанных тугим узлом верёвки. Под потолком висели, шелестели и что-то нашёптывали букеты сухих полевых трав. Стены в некоторых местах потрескались и осыпались. Стрелки на часах замерли, словно время здесь остановилось. Повсюду свисала паутина. Сквозняк игрался с пламенем свечей и лизал затылок. Зловещее местечко.

– Да, что ты заладил одно и то же, – раздражённо процедил Хэвон.

– Она умерла? – без тени застенчивости спросил мальчишка и прямым взглядом посмотрел на напряжённую спину Хэвона.

Хэвон смутился, свёл брови к переносице. Ничего не ответил. Достал маленькую баночку и бинты из ящика. Подошёл к комоду, за которым прятался кот.

– Значит, умерла, – продолжил мальчишка.

– Отвяжись!

Хэвон отодвинул комод, схватил кота за холку и попытался прижать к полу:

– Эй! Помоги лучше, а не тупые вопросы задавай.

– У меня есть имя, – начал негодовать мальчик.

– Чудно, у меня тоже, – улыбнулся он. – А теперь иди сюда, и... – сквозь зубы проговорил Хэвон: – помоги, пожалуйста.

Мальчик обречённо вздохнул и подошёл. Сел рядом.

– Держи его. Смотри, он сильный.

Кот изворачивался, как мог, но выбраться не получалось. Мальчик держал его крепко. Хэвон усмехнулся, коснулся мягкого кошачьего лба, прошептал заклинание. Кот обмяк в чужих руках, закрыв глаза.

– Что ты с ним сделал?! – испугался мальчик. – Убил?!

– Он спит, придурок. Так будет легче, – спокойно ответил Хэвон.

– Легче сделать что?

– Достать стекло из задней лапы. Бедняга, долго мучается.

Хэвон поднял заднюю правую лапку, поднёс ближе свечку, чтобы увидеть осколки. Цокнул языком:

– Гниёт и зарастает. Плохо дело.

– Ты же сможешь ему? – с блестящей и печальной надеждой в глазах спросил мальчик.

– А ты как думаешь, я просто так его в дом притащил? – исподлобья зыркнул Хэвон и принялся осторожно доставать из открытой раны осколки.

Мерзкие ощущения. Тонкая кожица на пальцах резалась об острые углы. Кровь и гниль смешивались. Свеча таяла, воск стекал на деревянный пол. Неизвестно сколько времени прошло прежде, чем Хэвон вытащил все осколки и обработал кошачью рану. Мучения закончились только тогда, когда он закрепил заговорённый бинт на лапе.

– Подожди тут, – с облегчением выдохнул Хэвон и смахнул пот со лба.

Он встал с места и скрылся в тёмной глубине одной из комнат. Вышел оттуда, держа в руках коробку и старый большой шарф.

– Положи его сюда. Только осторожно, – попросил Хэвон, когда засунул шарф в коробку.

Мальчишка послушно сделал то, что у него попросили.

– Как тебя зовут, липучка? – с издёвкой в голосе произнёс Хэвон и отошёл от коробки.

– Эй! Донхун, Пак Донхун, – мальчик бросил в его сторону обиженный взгляд. – А тебя?

– Ли Хэвон.

– Так, ты, поможешь мне?

– С чем?

– Стать ведьмой.

Хэвон споткнулся о выступающую доску. Выругался. Откуда она вообще тут взялась?

– Кто тебе об этом сказал? – Хэвон повернулся к Донхуну, оперся бёдрами о кухонную тумбу. Деловито скрестил руки

на груди. Опустил голову.

– Твоя матушка, я же говорил.

– Она мертва! – прикрикнул Хэвон, – уже как четвёртый год. Она не могла тебе ничего сказать.

– «Глупый идиот», – Донхун мягко усмехнулся.

– Что ты сказал?

– Она сказала, что ты «глупый идиот», – с его лица не сходила улыбка. Он явно насмеялся над Хэвоном.

– Не может быть...

– Я вижу мёртвых. Их фантомные тела. Слышу, о чём они говорят. И твоя матушка здесь, она-то и привела меня к тебе. Сказала, что ты сможешь мне помочь.

В тот момент для Хэвона рухнул целый мир. Мать здесь...

– Уходи, – его голос дрогнул.

– Что? – Донхун не прекращал улыбаться и говорил о призраках слишком обыденно для человека. Наверяд ли, он им был. Но тогда кем?

– Вали отсюда!

Хэвон оттолкнулся от тумбы, схватил Донхуна за плечи и с силой выталкивал из дома. Ливень на улице усилился. Молнии сверкали, словно лезвие ножа.

– Но я такая же ведьма, как и ты! – сопротивлялся Донхун. Пытался кусаться.

Ведьмой он точно не был. Хэвон бы это сразу учуял. Руки Донхуна не опечатаны кровавой меткой, что есть у каждой ведьмы.

На крыльце Хэвон остановился. Глаза ослепило молнией. Издалека слышался грохот. Похоже, где-то рухнуло дерево или загорелся дом. Руки на мгновение ослабли, но этого хватило для того, чтобы Донхун выбрался из цепкой хватки.

– Ты не можешь быть ведьмой, – Хэвон задрал рукав белой рубашки, показывая глубокий резец шрама. – На тебе нет кровавой метки. Но ты и не человек, потому что видишь мёртвых. У обычных людей нет даров. Кто ты?

Донхун растерянно молчал.

– Отвечай! – не выдерживал Хэвон. Сократил между ними расстояние в один шаг и схватил Донхуна за грудки. – Кто ты?!

– Да, не знаю я! – на глазах Донхуна выступили слёзы. – Меня пугают мертвецы и какая-то неведомая сила сжирает изнутри. Всё тело в язвах.

Донхун кричал так болезненно и отчаянно, будто и впрямь говорил правду. А до этого так уверенно строил из себя героя. Хотя был таким же, как и шестилетний Хэвон – обречённым ребёнком. Мать так радовалась, когда узнала, что в её сына вселился Дух. И с таким же лицом убила в нём человека.

Счастливой жизни он лишился ещё в утробе матери. В шесть лет – последних крупниц человечности. В тринадцать чуть не потерял разум. В семнадцать должен уничтожить человеческую душу в другом человеке. И стать наставником-убийцей, как его мать. Как все ведьмы.

Хэвон растерялся, заметив кровавую слезу на щеке Донхуна.

– Твоя матушка сказала, что это какой-то Дух и если я его не приму, он меня сожрёт. Что только став ведьмой, я останусь жив. Помоги! – мальчишка жалобно умолял и трясся в его руках.

Дух уже сидит в нём, требует крови и медленно умерщвляет.

Хэвон ненавидел жизнь ведьм всем нутром. Тогда и сейчас.

Отпихнув от себя Донхуна, Хэвон подошёл к краю крыльца. Посмотрёл на небо:

– Через три дня полнолуние. Шабаш собирается в лесу, – его взгляд потяжелел и помрачнел: – Место найдёшь сам.

– Но...

– Дух приведёт. Он определяет место. Пошли в дом, – он развернулся и открыл дверь.

Два насквозь мокрых тела вошли в холодную комнату. Через дверной проём ворвался ветер и потушил все свечи. Хэвон приложил немалые усилия, чтобы закрыть дверь. Та хлопнулась так, что застонали стены. Где-то с глухим хрустом отвалилась штукатурка. Пустые вазы и горшки покачивались на стеллажах. На окнах чуть не треснуло стекло.

Они развесили мокрую одежду на дверях. Обмотались дырявыми пледами. Устроились в углу на пыльных подушках, где в коробке спал чёрный кот. Зажгли толстые свечи,

найденные в глубинах дома. Обложились сухоцветами, ритуальными кинжалами, старинными книгами, разноцветными амулетами, талисманами и оберегами. И долго-долго разговаривали о коварных ведьмах из прошлых поколений и бессмертной магии. О кровожадных духах и всеобщем веселье на шабашах. О вредных конфетах и бескрайнем космосе, что полюбили сломанными душами.

Магия и есть космос. А вредная конфета – жизнь.

Обречённые дети просто хотели жить.

По возвращению в приют на следующее утро, Хэвон не смог избежать наказания. Не потому, что за него боялись воспитатели, а потому что хотели поиздеваться. Весь оставшийся месяц, ему нужно драить после школы кухню и столовую.

Детей здесь кормили как собак, с грязных подносов и просроченным мясом. Ко всему прочему, недавно няни начали находить в тарелках воспитателей гнилые зубы дохлых крыс, усы тараканов и глаза-бусинки пауков. В порче еды обвиняли Хэвона. Он лишь гадко хихикал и разводил руками. Ему только в радость видеть багровые и злые лица воспитателей. Интересно как скоро они поймут свою ошибку?

Вместе с Хэвоном в приют пришёл чёрный кот. Он поселился на захламлённом чердаке. Подждал ведьму на крыше и забирался на его колени. Тёрся ласково о грудь, на которой позвякивали амулеты. Мурлыкал. Хэвон подкармливал его

колбасой.

Чёрного кота, в чьих изумрудных глазах прятались мёртвые души и свет луны, а шерсть цвета поздней ночи – Хэвон, назвал Просветом. На кошачьем носике виднелось белое пятнышко, словно он влез в муку; около шеи – воротничок в виде заблудившегося огонька.

Хэвон продолжал видеться с Донхунуном в школе и вместе с ним сбегал с нудных уроков. Позже он узнал, что Донхун первый по успеваемости в классе и живёт с тяжело больной «матушкой», так Донхун всегда её называл.

– Я всего лишь стараюсь быть для неё хорошим сыном и не расстраивать, – он пожимал плечами и виновато опускал лазурный взгляд.

Этого Хэвон, скорее всего, никогда не сможет понять, потому что не знал, о материнской любви ни-че-го.

– Тогда зачем соглашаешься сбегать?

– С тобой весело и совсем не страшно. Я раньше не мог себе этого позволить. Но сейчас чувствую свободу, – Донхун не скрывал улыбки, когда говорил.

– Что подумает об этом твоя мать?

– Сильно расстроится, попросит учиться. Назовёт «золотом», поцелует в макушку, а затем у неё прихватит сердце и она попросит меня уйти.

Донхун так непринуждённо рассказывал о семье:

– Может, когда я стану ведьмой, смогу облегчить её жизнь. Вытянуть из сердца смерть. Я хочу, чтобы матушка

была счастлива.

Донхун не похож на ведьму. Дух выбрал человека с доброй и светлой душой, чтобы очернить.

Хэвон сжимал кулаки, пока в груди разрывалось сердце. Донхун не должен находиться с ним за пределами школы и носиться по узким улицам, сбивать бумажные фонарики и флажки. Разбрасываться камнями, созревшими орехами и горящими спичками.

Хэвон любил драться с собаками, отбирать у них кости, разбивать стёкла и задирать детей. Смеяться над людьми и оставлять после себя беспорядок. Рисовать и выводить ругательства на стенах мелом, но чаще всего кровью. Собирать блестящие безделушки, ломать вещи и крушить. И к другой жизни привыкнуть не сможет. Он всего лишь, таким образом, показывал, как с ним обошлась судьба и как он рос. Доброты, ласки и заботы в его мире никогда не существовало. Одна жестокость, потери и магия.

Донхун же был совершенно другим. Святым, по сравнению с ним. Он сроду никого не обижал. Слушал «матушку», рисовал для неё образ идеального сына: хорошо учился, помогал по дому, покупал лекарства. Любил и дорожил, как обычный человеческий ребёнок. Многого себе не позволял, и оттого в нём не было ничего необычного. Если бы не тот день, Хэвон его даже не заметил в массе серых лиц.

Однако теперь, Донхун вынужден жить иначе. Познать другую сторону жизни. Более жестокую, кровавую и маги-

ческую. Но как этот мальчишка с добрыми голубыми глазами, что ловил сачком бабочек, помогал стариками переходить через дорогу, кормил птиц и рисовал несуществующих, в мире ведьм, ангелов, должен был жить?

Но такой ли он душка на самом деле?

Хэвон не раз видел, как Донхун дружелюбно улыбался прохожим, но бежал вместе с ним, сжимая в непорочных руках камень. Как ставил подножки одноклассникам, а накануне вечером, когда он остался в классе один, изрезал тупыми ножницами тюль. И конечно, остался безнаказанным. Никому и в голову не пришло, что это мог сделать он.

В ночь, когда взошла полная луна, ведьма, затеявшая шалость, открыла хитрые глаза. Спрятала под одеялом портфель и подошла к окну. Ржавые петли предательски скрипнули. Хэвон обернулся, чтобы убедиться, что никто не проснулся, а затем призрачной тенью исчез. Окно скрипнуло ещё раз.

Осенний ветер путался в волосах, кусал щёки и свистел, цепляясь за черепичные крыши низких домов. Чёрная мантия на плечах развивалась и мешалась под ногами. Ни черта не согревала. Из рта вырывался пар. Кончики пальцев и нос покраснели. Ночной холод Хэвона мало волновал.

Дух звал и нашёптывал, куда бежать, но прежде нужно захватить огромную материнскую сумку с магическими атрибутами.

На входе в лес он остановился снова. Посмотрел вверх на остроконечные верхушки деревьев. Осмотрелся по сторонам, вздохнул и зажёл свечку в стеклянном фонарике. Шагнул навстречу темноте. Тело окутало оцепенение, как одиннадцать лет назад. Он тряхнул головой, нахмурил брови, оскалился и вновь побежал. Нечего бояться. Это не первый и не последний обряд посвящения ведьм, который ему предстоит увидеть и провести.

На опушке собирались немногочисленные ведьмы. Всех их он знал в лицо, но, ни с одной не пытался подружиться. Также как и они. Ведьмы существа, что живут сами по себе. Только в полнолуние становятся огромной семьёй, жаждущей магии и крови.

Среди них были женщины, мужчины и дети, каждый занимался своим делом. Ждали новую, пока ещё человеческую душу. Донхуна ещё не было. Хэвон молился, чтобы тот заблудился в лесу и не пришёл.

Хэвон нашёл свободное место в самом углу, вдали от всех, и разложил вокруг себя свечи и кинжалы. Его плеча коснулась чья-то рука. Осторожно, словно боясь проломить кости. Хэвон поднял голову.

На него смотрел Донхун. Его глаза блестели в свете огня неестественно ярко. С плеч свисала мантия, которую Хэвон отдал ему. Никто из них не проронил ни слова. Хэвон лишь чувствовал, как в жилах закипала кровь. Шрам на внутренней стороне руки горел.

От Донхуна пахло смертью. Но не той, к которой привык Хэвон. Другой. С пряным запахом запечённых яблок и железным привкусом крови. Наверное, так пахло от людей, чья душа готовилась к смерти.

Хэвон с силой вонзил в землю ритуальный клинок и сделал глубокий надрез. Хотел закричать, но ведьмы никогда не поймут его чувств. Им нравилось высасывать из людей души. Не справедливо. Есть люди, которым нужна обычная жизнь. Как когда-то в ней нуждался Хэвон. Донхуну было бы лучше в человеческом мире. Но никак не у ведьмовского костра с меткой на руке.

– Начнём же посвящение и веселье! – эхом по округе разнёсся голос Старшей ведьмы.

Тишину тут же заполнили радостные вопли.

Старшая ведьма подошла к костру ближе:

– Ли Хэвон и Пак Донхун, выйдите вперёд!

Парни предстали перед всеми. Жадные глаза тут же уставились на них и терпеливо ждали.

Старшая ведьма протянула Хэвону серебряный клинок, обмотанный фиалковым платком. Этот клинок, одиннадцать лет назад, мать вонзила в его руку и лишила всего человеческого.

– Ты готов? – сказала Старшая ведьма.

Хэвон отбросил все мысли, уверенно кивнул и взял клинок из её рук. Бояться некогда и незачем. Некуда бежать. Дух сожрёт Донхуна, если он не примет его силу.

Он в последний раз посмотрел в глаза человека и увидел, как в пустом взгляде погасла последняя надежда.

– Кричи, если будет больно, – шепнул Хэвон и быстрым хладнокровным движением воткнул клинок в руку Донхуна.

Крови вытекало много. Воздух пропитался криками. Ведьмы ликовали, наблюдая за страданием и смертью человеческой души. Хэвон не мог поверить в то, что сделал. Дух внутри него чуть ли не взрывался от удовольствия. Хэвон почувствовал, как стал сильнее, как покалывали кончики пальцев, как из глаз сыпались искры, как все звуки заглушились космическим звоном звёзд.

Когда сознание вернулось, он увидел слёзы на глазах Донхуна, но ничего не имел права сделать. Только наблюдать. Шрам затянется не скоро.

Они отошли от костра к своему месту. Сели на сухую траву. Хэвон достал из сумки бинт:

– Дай руку, – потребовал он, но избегал пересекаться с Донхуном взглядом.

– Так можно? – помедлил с ответом рождённый и заплаканный ведьма.

– Духу не выгодно, если ты сдохнешь от потери крови. Так что да, можно.

Донхун протянул ему руку. Хэвон кусал губы до алых бушин крови, и бережно обматывал чужую руку.

– Ты ведь понимаешь, что по-другому быть не могло? – сказал Хэвон, закончив обвязывать рану.

– Мы обречённые дети, как и все они. Не забывай об этом, – с вымученной улыбкой напомнил Донхун слова Хэ-вона.

Так и есть. Человек ни за что в здравом уме не выбрал бы жизнь ведьмы. Дух сам искал хозяина и подчинял себе. Человек – слабое и безвольное существо в зачарованных руках неизвестной силы; всего лишь временная оболочка для бессмертного и живого сгустка энергии. Не принятие силы равнялось физической смерти. Большинство ведьм мирились с новыми правилами и теряли голову, практикуя магию.

Ужас давно поглотил человечество. Чем дальше, тем хуже для людей, но лучше для ведьм.

– Чувствуешь, как внутри проснулась сила? – Хэвон раскрыл книгу с ритуалами.

– Моё сердце ещё никогда так не рвалось из груди. Клянусь, я слышал, как трещали кости. Ладони безбожно горят, и, кажется, я хочу что-нибудь порезать. Ощущаю, будто готов свернуть горы и покорить космос.

Хэвон хмыкнул. Всё прошло успешно. Донхун принял Духа, а тот насытился его кровью и смертью души. Когда-то он чувствовал то же самое.

Блаженство и противоречие.

Донхун стал ведьмой. Наверное, если его матушка узнает, то ни за что не поверит, что её сын, которого она считала за ангела, стал кровожадной ведьмой. Донхун не должен ей говорить, иначе убьёт святой образ.

– Тогда, давай повеселимся, – Хэвон посмотрел на Донхуна. На дне его зрачков около костра плясали демоны. Он широко и зловеще улыбнулся.

Донхун рассмеялся, а затем с горящими от нетерпения глазами согласился:

– Давно пора!

Всю ночь напролёт две ведьмы смеялись, играли с пламенем свечей, разбрасывали и теряли магические булавки в траве, жгли сухоцветы, чертили кинжалами на земле руны. Кружили вокруг костра, гонялись за детьми, высовывали языки и ловили огненные искры. Читали разные заклинания и наполнялись силой от земли.

С наступлением рассвета шабаш рассыпался, чтобы собраться в следующий раз. Довольные и сытые ведьмы покидали лес.

– Твоя матушка гордится тобой, – нарушив тишину, сказал Донхун, когда они стояли на пороге его дома.

Хэвон оторопел, раскрыл губы, чтобы возразить. Проморгался. Затем ухмыльнулся, но окончательно растерялся.

Свершилось.

– Кажется, я оставил рассудок там. Наверное, поэтому она радуется.

Донхун прыснул от смеха.

– Она сказала, что хочет извиниться за всё и рада, что ты, наконец, вырос, – передал он слова матери.

– Тогда пускай придёт во сне.

Донхун подошёл к нему ближе и нежно обнял.

– Давай дружить.

Он не спрашивал, а утверждал. Хэвон застыл на месте и не знал, что делать.

– Давай. С тебя сладости, с меня – книги о магии, – он неуверенно положил ладони на чужие плечи.

– По рукам! – Донхун улыбнулся всё так же, знакомо, светло и дружелюбно.

Они распрощались и разошлись. Из Донхуна выйдет превосходная ведьма, Хэвон уверен. Светлость, которую излучал Донхун, невозможно убить ритуальным кинжалом.

И, кажется, у Хэвона появился первый друг после смерти человеческой души. Радовало то, что Донхун такой же как он.

Они разные, но с одинаковой сутью.

Хэвон ловко взобрался на крышу приюта по сваленному у стены хламу. Сел на самом краю, свесив босые ноги. Со стороны послышался глухой скрежет когтей. Просвет выбрался из своего убежища и приветливо мяукнул. Хэвон подозвал его к себе, запустил пальцы в бархатную шерсть и впервые искренне улыбнулся диску солнца.

Вдохнул поглубже, прикрыв глаза и позволил утреннему ветру обнять себя. Так свободно, он никогда себя не чувствовал. Сердце в груди упивалось и радовалось. Ненависть и невидимые оковы с плеч словно спали. Мать сказала, что

гордится им. По-настоящему. И ему отчего-то хотелось ей поверить. Может, она, наконец, после смерти, поняла, что сделала.

Теперь её ледяная фантомная рука больше не сдавливала горло. Не душила.

Хэвон был кровожадной ведьмой, но по-человечески счастлив. Звон и брэнчание амулетов и побрякушек в карманах успокаивало.

Кот на коленях спал, свернувшись калачиком, а Хэвон наблюдал за рождением дня, в который войдёт с широкой ноги и растопчет все сомнения.

Там, где заканчивается один путь, начинается другой. Кинжал, зарытый в лесу сегодня ночью, этому доказательство, звёзды-светлячки – наблюдатели, а две хихикающие ведьмы поклялись служить магии до самого конца.

Душа неунывающего чародея и тело смертельно больного

Ложный конец. Декабрь, 2008г.

– Никогда не думал, что умру вот так...

«... в снежном лесу и луже собственной крови».

Ито Атсуши перед тем, как считать минуты до собственной смерти, помнил, как хрустел снег под ногами убийц. Словно ломались чьи-то кости. Помнил, как его схватили в подворотне и приставили нож к горлу, потребовав денег.

Помнил, как боролся за жизнь тупым кинжалом, которым срезал травы в горах. Помнил запах кровавой стали, бензина и дешёвых сигарет.

Его тело вышвырнули в лесу и прикопали в снегу, чтобы точно никто не нашёл. Потому что он выбрал смерть, и потому что у него ничего не было.

На жестокий мир он смотрел одним глазом (второй, кажется, лопнул во время драки), будто глазное яблоко заплыло туманной дымкой. Атсуши несколько раз пытался встать, но переломанные ноги лишь беспорядочно дёргались.

Лежал полуживым в ворохе снега, пока ясное ночное небо не покрылось свинцовыми облаками. На щеках оседали снежинки. Лужа крови въедалась в белоснежный сугроб. Под разорванной одеждой тело больше не чувствовало холода. Иногда Атсуши откашливался кровью и хотел выдрать кадык, – что резался, набухал, взрывался, – да только руки онемели. А может, их и вовсе нет?

Он безмолвно плакал и хотел в последний раз взглянуть на небо. На звёзды. На белоснежные макушки деревьев. Произнести последнее заклинание. Выжить. Навестить дом любимой бабули-травницы. Вернуться к Акико, подарить розу и признаваться в любви. Снова и снова. Сыграть для неё на гитаре, посвятить жизнь. Услышать детский смех. Понаблюдать за светлячками и...

Невыносимо болело и сжималось умирающее сердце. Разрывалось.

Если бы он только мог, то сказал, как сильно любит бабушку Ханako и свою Акико. Как крепко обнял каждую и поблагодарил за то, что появились в его жизни. Попросил прощения за то, что так рано оставляет их. За то, что не послушал Ханako и ушел сегодняшней ночью. Оказалось, ритуал на благополучие и счастье стоил Ацсуши жизни.

Они ведь теперь не скоро узнают о том, что он умер.

Парень в разодранной на ленты одежде готовился к смерти. Представлял то, что больше не произойдет и улыбался сквозь слезы.

К горлу подкрался вязкий и горячий ком. Ацсуши сплюнул кровь и подумал, что умер.

Внезапно стало так темно, словно выкололи оставшееся глазное яблоко. А потом из черноты показалось два глаза, пылающих жаром солнца, и святое свечение. Но понять очертания существа он так и не смог. Всё сливалось в одно огромное грязное пятно.

Он попытался попросить о помощи оледеневшими губами. Из гортани вырывался жалкий скулеж. А в теле не осталось сил, чтобы дотянуться до существа окоченевшими руками. Ацсуши беспомощно лежал и смотрел в глаза то ли божества, то ли демона.

– Спи.

Начало. Апрель, 1988г.

Ацсуши было пять, когда ему приснилась смерть родите-

лей: мама упала с высокого моста в реку, а пьяный отец пытался её спасти. А ещё, в тот день вышла первая серия аниме «Мой сосед Роторо». Он её не досмотрел.

В тот день родители с ночи не возвращались домой. Атсуши ужасно проголодался. Расплакался и выбежал на улицу в одной белой майке до колен. Босиком. Остановился у калитки тётушки Ханako, постучался, сказал, что страшно оставаться одному дома. Она, заглянув в мальчишеские глаза, почему-то кивнула, впустила и накормила пшеничной кашей. Без сахара.

Ближе к полудню Ханako рассказала, что рыбаки нашли его родителей в зарослях камыша. Мёртвых. А затем сказала, что сон оказался вещим. Откуда она узнала? Атсуши не сказал про него ни слова. Но в тот момент это было не важно. Он долго не мог перестать рыдать, пока тётушка не влила ему в рот какую-то безвкусную, вязкую жидкость. И это помогло. Истеричный плач прекратился, и мальчик уснул.

С тех пор Атсуши остался у тётушки Ханako и ласково звал её бабушкой.

Когда ему исполнилось десять они ужинали рисовой полёбкой и бабушка внезапно сказала, что Атсуши похож на неё. По спинным позвонкам пробежал холодок от того, как Ханako смотрела на него через пламя свечи:

– В твоих словах и мыслях больше сил, чем ты думаешь.

Ханako не пыталась его напугать, но говорила загадками. Её глаза по-доброму сверкнули в полумраке. Она хотела,

чтобы Ацсуши доверился, и протянула тёплую руку, накрыв его ладонь. И ребёнок-сирота, которого больше ничего не могло испугать после потери родителей, загорелся любовью к прогулкам по горам, сбору трав и лечебной магии.

И тогда, изо дня в день учил названия трав, зазубривал рецепты и заклинания; практиковал безобидное колдовство; гулял по городу и срывал одуванчики, рисовал мелом на асфальте и гонял птиц. Однажды даже пытался приручить ящерицу без хвоста (и заодно помочь бедняжке отрастить новый. Получалось не очень, хвосты тут же отпадали). Ходил к соседям в гости, смотрел аниме, собирал сложные лего-игрушки, пазлы и оригами. А ещё коллекционировал значки с космическими объектами и фигурки разноцветных динозавров.

В пятнадцать Ацсуши впервые увидел, как с неба упала звезда. Они с Ханako взбирались на гору Фудзи, и она сказала, что нужно загадывать желания. Он пожелал влюбиться. Непонятно для чего. Просто захотелось. И как только вернулся из недельного путешествия в горы, встретил её – Сато Акико – друзья сказали, что её так зовут. В Намбу все (практически) знали друг друга.

Они пересеклись взглядами на входе в книжный магазин. Одно мгновение и несколько бешеных ударов в секунду внутри грудной клетки. Ацсуши не на шутку испугался и запомнил запах её духов, – сладкая вишня – заколку в виде звёздочки и необычного цвета волосы. Яркий и насыщенный

розовый. И рваные джинсы.

Сердце ещё долго трепетало от всплывавшего образа в мыслях.

Тогда у Атсуши был допотопный телефон, потёртый плеер, разбитые коленки и локти из-за прогулок в горах. Куча гремящих на портфеле и футболках значков. Старый и тупой кинжал, магические книги, благовония, обереги и ловцы снов. Он носил мешковатую одежду, серебряную серёжку в одном ухе и скрывал лицо за отросшими волосами с прямой чёлкой. В общем, ничего, что могло заинтересовать девушку.

Во второй раз они встретились в том же книжном магазине. Цвет её волос стал тусклее, что никак не смутило Атсуши. На макушке красовалась та же заколка с пятиугольной звездой. Она читала, сидя в кресле, а рядом, на столике, остывал зелёный чай.

Он специально сел в другом углу магазина и закрылся комиксом про супергероев. Оказывается, так сложно одновременно читать и наблюдать за девушкой с розовыми волосами. Весь сюжет вылетал из головы.

Акико закрыла книгу, прижала к груди, встала и изящно отпила из кружки. Направилась к выходу.

Атсуши бросил комикс и крикнул:

– Постой!

Она вздрогнула, остановилась и развернулась к нему лицом. Напрягалась. Атсуши заглянул в её янтарно-карие глаза. И растерялся. Молчал, казалось, целую вечность. Даже

вспотел. Уши и щёки безбожно сторали от стыда и влюблённости.

Цепочка на запястье мягко зашуршала, когда он занёс руку за голову:

– П-прости, громко вышло.

– Тебе что-то нужно? Говори быстрее, я спешу, – недоверчиво нахмурилась она.

– Ах, да... – он смущённо откашлялся в кулак, – Что за книгу ты читаешь? И...

– Классику, – перебила она. – Чего ещё?

– ... Классная заколка, кстати. Тебе очень идёт, и цвет волос... так, эм, подходит к твоим глазам.

Придурок, подумал он.

– Спасибо. Это всё? – Акико побледнела и сморгнула удивление. Смущённо улыбнулась. – Я, правда, спешу.

– Д-да, это всё, что я хотел сказать. Пока, – запинаясь, пробормотал он, и шёпотом добавил, когда смотрел, как за ней закрывалась дверь: – надеюсь, мы ещё встретимся.

Хотя честно признать, он в это не верил. С таким как он навряд ли девушки захотят общаться. Акико и вовсе была напугана. В тот момент взорвалось сердце. Сначала от того, что Атсуши отпустил её, а потом от нестерпимого желания увидеться с ней снова.

Он несколько часов простоял перед зеркалом с ножницами в руках, смотрел на торчащие в разные стороны клочки волос и решался их отстричь. Мимо проходила Ханako. По-

просила не делать глупостей, но в, то, же время намекнула, что волосы – ценный ингредиент в магическом мире; попросила помочь с отваром шалфея. Ацсуши принял решение и состриг волосы, немного прибегнул к заклинаниям и увидел в зеркале человека, вместо небрежного чародея.

По школе пробежался слух, что к ним в класс переведут новенькую. И каково же было удивление Ацсуши, когда он увидел, что в кабинет вошла Акико. В её пустом взгляде не колебалась жизнь. Бледно-розовые волосы завязаны в высокий хвост на затылке. Запястья, наверняка, холодные спрятаны за рукавами вязаной кофты без нашивок. Минеральные щёчки потускнели, когда она дружелюбно улыбнулась классу. Не искренне – очень устало. Но даже сейчас, в её красоте несложно было утонуть. Ацсуши задыхался. И мысленно молил магию пощадить его душу.

Учитель попросил доброжелательно принять Сато Акико и не обижать. Она поблагодарила и села за свободную парту в конце кабинета. Прямо за спиной Ацсуши. Он слышал, как Акико шумно, болезненно дышала и откашливалась.

Целый день он не решался к ней подойти. Одноклассницы то и дело кружились вокруг Акико и показывали школу, помогали освоиться, даже угостили онигири и яблочным соком.

А на следующий Акико не пришла на уроки. Вечером того же дня, бабушке поступил звонок от незнакомой женщины, что в слезах просила приехать и помочь её дочери от при-

стуга бронхиальной астмы. Ханакo взяла с собой Атсуши, потому что не обладала магией, хоть и знала много, и целую сумку со связками трав и эликсирами.

Тогда они чудом успели. Атсуши слышал, как дрожали стены скромного и непривычно пустого домишки с кроваво-красными коврами. Вбежав в комнату, увидел Акико, лежащую на матрасе и захлёбывающуюся собственным кашлем. Оторопел на мгновение, но крик бабушки подействовал, словно отрезвляющая пощёчина. Он подошёл к матрасу на ватных ногах, присел рядом, бросил нежный взгляд на Акико и приложил ладонь к её солнечному сплетению. Под подушечками пальцев зашевелился магический свет. Заклинательный шёпот заглушил боль в чужой груди. Кашель Акико прекратился. Ханакo зажгла благовония и сварила отвар из чабреца, ромашки и шалфея. С запасом, на всякий случай. Дала выпить Акико, и она уснула.

Позже мать Акико угостила их чаем с малиной и рассказала, что у дочери закончилась распылительная жидкость в ингаляторе, а следующей партии нужно было ждать неделю. В отчаянии и ужасе за жизнь дочери, вспомнила о номере телефона целительницы, который ей дала подруга. И позволила на домашний телефон Ханакo.

И пока бабушка общалась с матерью Акико и пыталась её успокоить, Атсуши сидел на полу возле открытой ширмы, напротив внутреннего сада. Поставив ноги на ступени и укрывая плечи клетчатым пледом. Мечтательно смотрел на

звёздное небо и как молочно-лунный свет очерчивал голую растительность. Неторопливо пил остывший чай. Вздрагивал от ноябрьского (приятного) холода.

Услышал, как рядом с ним приземлилось чужое тело. Сладкая вишня выдала себя. Акико пришла.

Странно. Сердце билось спокойно рядом с ней. Необычно.

– Ты же учишься со мной в классе, – начала она слабым, хрипловатым голосом.

Значит, узнала. Смелая и внимательная. А затем продолжила:

– Как ты это сделал?

Сейчас она его не боялась, как тогда, в магазине. Приятно. Атсуши робко улыбнулся:

– Секрет, – он повернулся к ней и добавил: – только не говори никому, ладно?

Она растерянно кивнула и сжала губы. Обратила взгляд к звёздному небу:

– Тогда и ты пообещай, что никому не расскажешь о том, происходило здесь, – она протянула мизинец.

И они скрепили обещание священной клятвой. И подружились, хоть и не сразу.

Приходили к друг другу в гости, разговаривали о книгах и мангах, вещих снах Акико, свечках, бессмертных душах, цветах и ради прикола выучили язык жестов. Мастерили безделушки из всего, что попадалось на глаза; играли с Нори –

трёхцветной кошечкой Атсуши. Собирали гербарии. Слушали из пыльной магнитолы кассеты с записанными концертами рок-групп и засыпали под шипящее радио. Рассказывали о себе потихоньку.

Правда, Атсуши ещё два года сгорал от невзаимных чувств. Говорил себе, что хочет просто любить. Пытался обмануть сердце. Но это изначально казалось провальной затеей.

В первый раз он намекнул о своих чувствах, когда они выбрались на прогулку в лесной полосе. Там, на одном из деревьев, висели самодельные качели, которые Атсуши смастерил для Акико (а она взамен связала для него зимний свитер с оленями и сосновыми ветками). Они прохлаждались в тени деревьев и читали. Акико забралась на качели с ногами, Атсуши сидел на старом пледе.

Глупо было предполагать, что она поверит. Как-то странно усмехнулась, спрятавшись за книгой, сказала, что шутка не удалась и молчала всю дорогу до дома. Обиделась, кажется.

Её серьёзность оставила первую трещину на сердце, заросшем ромашками и белоснежными фиалками.

После этого в их дружбе ничего не изменилось. Акико словно забыла о его словах, отводила взгляд и разбрасывалась непонятными шутками. Звала прыгать по лужам возле речки. Они всё также продолжали бегать по красочным улицам Намбу, кормить бездомных кошек и помогать пожилым.

Срывать бумажные рекламки, оставлять в почтовых ящиках газеты. Запускать воздушных змеев вместе с детьми.

Атсуши не верил в себя, зато самоотверженно любил.

Любил в ней всё: чарующую улыбку и очаровательную родинку под левым глазом; мягкий и задорный смех, персиковые губы, сияющий взгляд, нежные руки; неизменно розовый цвет волос; доброту, молчаливость, светлость и тягу к приключениям. Акико ничего не боялась: ни упасть с соломенной крыши, ни прыгнуть с высокого берега в реку, и даже самой смерти. Удивительная и странная.

Она рассказывала, как готовилась к смерти из-за того, что, по словам врачей, не было смысла помогать бедной семье. В тот роковой день она думала, что умрёт, но Атсуши и Ханако не дали этому случиться.

Настоящие чудеса действительно случаются.

Акико казалась для него самым сильным человеком из всех, кого он знал, и кому удалось спасти жизнь. Её история разбила юношеское сердце однажды, и тогда же собрала его вновь. По-новому. И мир больше не казался таким светлым, как раньше. Он и не был, но Атсуши умело закрывал на это глаза. Акико боролась с болезнью, которая медленно её убивала (страшно представить, что могло случиться, не будь Атсуши рядом). Отказавшимся от неё, и пропавшим без вести, отцом, на чьи поиски она потратила кучу времени. Матерью с повышенным чувством ответственности и трудоголизмом. Одиночеством. Она привыкла справляться со всем сама. И

Атсуши хватался за хрупкое доверие между ними, резался, чудом оставался целым и дорожил каждой минутой проведённой с ней.

Он просто не мог себе позволить предать Акико, став близким, по её словам, человеком. Её доверие это самое дорогое, что у него было. И он всецело отдавал себя чувствам и защищал чужую душу, как родную.

Сердце с каждым днём всё больше разбухало и тяжелело. Долбилось в висках по ночам, душило слезами, терзало цветущую душу. Даже магия и разнотравье не помогали освободиться от мерцающих мыслей и боли внутри грудной клетки.

В глазах Ханako плескалось уныние, когда наблюдала за тем, как угасал Атсуши. Она и рада помочь, только, в сердечных делах не была сильна. Никогда не любила и избегала влюблённости. Но всё же посоветовала действовать смелее.

Второй раз, заявить о чувствах в серьёз, он попытался через месяц. Атсуши позвал Акико вечером на фестиваль бумажных фонариков, проходивший в том году осенью. Они гуляли по светло-огненным аллеям, играли в догонялки, собирали букеты из опавших листьев и дарили прохожим.

Купили два фонарика, написали на них по одному желанию, подожгли и запустили в небо:

– Что ты загадал?

– Возможно, я скажу глупость. Не смейся только. Я серьёзно.

Он наклонился к Акико, быстро поцеловав щёку.

– Ты мне нра...

Акико, закрыв глаза, прильнула к его губам, не дав закончить фразу. Оторвалась через пару секунд. Пискнула:

– Прости.

И убежала, попросив не идти за ней.

Но Атсуши не то, чтобы бежать, он даже двинуться не мог. Тело окаменело и медленно расщеплялось от ощущения чужих горячих губ на своих. Сердце замерло и налилось опасно-огненным цветом. Он прикоснулся к губам. Вкус вишнёвого поцелуя всё ещё горел алой меткой.

Могло ли это что-то значить или было очередной шуткой судьбы?

После той прогулки они не разговаривали целую неделю. Избегали взглядов, касаний, упоминаний. Даже в школе вели себя отстранённо, что сразу же заметили одноклассники. Атсуши и Акико никогда не ссорились и всегда находились вместе.

Атсуши первым сдался в игре в молчанку. Поймал Акико после дополнительных по математике, отвёл в сторону заднего двора и спросил, что между ними происходит. Почему Акико объявила холодную войну.

И в ответ услышал то, во что бы никогда в жизни не поверил:

– Ты тоже мне нравишься, Ито Атсуши.

Как же много хотелось у неё спросить: как давно влюблена; что успела сделать за неделю; досмотрела ли «Ходячий

замок» – но потом, когда кончики ушей перестанут пылать от смущения. Он сказал, что хочет проводить её до дома, но молчал всю дорогу.

Остановившись у порога, Атсуши всё же задал один вопрос:

– Ты будешь со мной встречаться?

Акико медлила с ответом. Жевала губы, отводила взгляд в сторону, закручивала на пальце пряди волос. Мялась, чего-то боялась.

– А ты поцелуешь меня?

Атсуши бледнел от ожидания, а затем и вовсе подавился воздухом. Так и не понял было ли это согласием или вызовом. Под ногами зашуршали листья. Он торопливо взял её руку, аккуратно потянул на себя. Обнял. Просто, горячо и крепко. Поцелуй это слишком... большой шаг, на который он не мог решиться месяц.

Акико уткнулась носом в его шею, – ямочку между ключиц, – сжала в кулаках осеннее пальто и с облегчением выдохнула.

Он поднял её подбородок двумя замёрзшими пальцами, приблизился, едва дрожа, и прикоснулся к её губам своими. Мягко. Практически невесомо, чтобы не спугнуть. Сердце вздрогнуло, когда Акико сама подалась вперёд и ответила на поцелуй.

Мгновение равное вязкой вечности растворялось в нежных чувствах и середине ноября. Пахло морозной ночью, ту-

маном и ненавязчивым ароматом сладкой вишни. Трепетало под подушечками пальцев. Горело и любило.

– Буду, – гордо, чётко и поглощающее.

Акико прижалась к его груди, тяжело дышала, почему-то вздрагивала. Пригласила в дом на чай. А когда время перевавило за полночь, предложила остаться на ночёвку, потому что мать работала в ночную смену. Атсуши согласился.

Ночь пролетела за нескончаемыми разговорами обо всём на свете. Казалось, они обсудили всё, что можно: от рецепта приготовления сашими до устройства огромных телескопов в лабораториях, от современных песен до старомодных театральных постановок. От бесконечного космоса до звёздных чувств. И молча, понимали, что не могут друг без друга. Что неделя слишком большая пропасть.

Пролетело ещё три года, за которые мало что изменилось. Они вдвоём окончили школу, переехали в Нагои и поступили в университет Чукё. Акико училась на факультете японского языка и литературы, Атсуши – медицинских наук. Он всё так же продолжал изучать и практиковать лечебную магию, применял знания, которым научила Ханако, и помогал людям. Много изучал.

В свои двадцать они с Акико подрабатывали и снимали маленькую комнатку, усердно учились, проводили каждый вечер вместе в окружении сухоцветов, ритуальных свечей и самодельных талисманов. Практически не ругались и думали взять кошечку из приюта.

Однажды вечером, перед Рождеством, Атсуши не вернулся. А ведь Ханako написала ему, что не нужно выходить из дома в тот день.

Он выбрался в зимнее предрождественское полнолуние из квартиры, взял с собой связку сухих трав, одну тонкую свечку, спички, оберег от злых духов и тупой кинжал. Ночь обещала пройти волшебной и благословила на работу. Атсуши выбрал местечко в парке неподалёку и провёл ритуал по книге. Всё прошло так, как и должно: спокойно с предвкушением будущего праздника и счастливого начала нового года.

По возвращению Атсуши напоролся на шайку мутных типов, которые остановили его, выворачивали карманы и грубо требовали денег. Он попытался отбиваться и бежать – ему переломали ноги и из кровожадного веселья изрезали одежду и плоть. Засадили нож в брюхо и ковырялись в печёнке. Тушили окурки сигарет об окровавленные щёки, смеялись. Напоследок выбили глаз, когда поняли, что с него нечего взять и выкинули полумёртвое изуродованное тело в лесу за городом.

Чудо. Январь, 2009г.

Атсуши с огромным трудом открыл глаза. Голова буквально распадалась на атомы, в висках отбивался ритм типичных рок-песен, взгляд отказывался фокусироваться. Запахло шерстью, огнём и сухим сеном. Теплом. Он постарался пошевелить рукой. Та поддалась, он сжал пальцы в кулак и

попробовал выбраться из постели. Но столкнулся со страшной болью во всём теле и рухнул на соломенную подушку.

Рядом послышалось шуршание. И над ним нависла тень белоснежного волка с красным символом божества на лбу. Атсуши сразу понял, кто перед ним. Величественный Оками – мифическое существо из магических книг. Это всё казалось, как минимум сном, как максимум предсмертными бреднями.

Атсуши точно помнил, что умирал в лесу и не понимал, что делал здесь. А ещё он не помнил ни одной строчки о том, что Оками является психопомпом – духом-проводником, облегчающим смерть. Знал лишь то, что божественные волки помогали людям спасать их поля и дома от стихийных бедствий, заблудившимся душам найти выход, понимали человеческую речь, защищали свою территорию – горы и леса.

– Ты слышишь меня? – Оками чуть наклонил морду в бок и вильнул пушистым хвостом.

– Слышу. Спасибо, что спас меня. Буду должен.

– Не боишься меня, странное дитя?

– Какой смысл бояться своего спасителя. Почему ты это сделал?

– Ты заслуживал жизни. Как и он, – волк отвернул морду.

– О чём ты?

Сейчас Атсуши мог лучше рассмотреть место, в котором находился. Это огромная нора: с потолка свисали корни деревьев, здесь полно камней, разбросанных по углам; в цен-

тре горел священный огонь.

– Слушай внимательно, Ито Атсуши, – его тон не предвещал ничего хорошего, – Твои раны были слишком глубоки. Тело погибло там, где я тебя нашёл. Душа отчаянно молила спасти тебя.

Была заключена сделка между душой и богом. А тело осталось лежать в кровавом сугробе, потому что его невозможно восстановить. Атсуши с ужасом понимал, что больше не принадлежит себе. Вернее, его тело.

– Яно Мацуо тоже молил о спасении каждый день, пока жил. Его душа покинула тело, когда ты умер. Тело же осталось жить. Таким был наш уговор.

Атсуши взглянул на свои руки. Его мозолистые, неаккуратно исполосованные в юношестве ладони стали гладкими, а пальцы – длиннее. Исчезли родинки на предплечьях и голениках. Изменилась форма носа – появилась маленькая горбинка. На глаза не спадала чёлка, волосы почернели и спустились до плеч.

На дне зрачков застыло смятение и пылало божественное пламя.

– Твоя душа переродилась в его теле. Вы связаны договором, нарушив который, умрёте вдвоём.

Кто же он теперь? Душа Атсуши в чужом теле бушевала, искала родные черты, рыскала по закоулкам сознания. И явно не понимала, что натворила. Яно Мацуо был обычным человеком, обречённым, смертельно больным раком кожи,

одиноким художником и верующим, но чертовски – по-кошачьи – красивым. Любил мистику и запах акриловых красок. Рисовал пейзажи и изредка утончённых женщин. Выпивал рисовое саке от горя и дружил с Тануки – добродушным духом леса. Странно. Мацуо – совершенно другой, далёкий от магии.

– Решай сам, кто ты. Ито Атсуши мёртв, Яно Мацуо – нет. Тело Ито Атсуши захоронено в земле, Яно Мацуо – нет.

Оками говорил загадками, но Атсуши разгадывал их слишком быстро. Он больше не мог быть собой, ведь физически умер. Душа в отличие от тела прозрачна. Её никто не видит. Яно Мацуо же жил прямо сейчас. Добродушно приютив чужую душу и был более, чем осязаем и видим для других.

Как же сложно. До звёздно-галактических взрывов перед глазами, до хруста зубов и костяшек. До щемящего неродного сердца.

О чём думает человек перед смертью?

О том, что больше всего желает жить.

И оба отчаянно этого хотели.

В голове кипели, шуршали и лопались мысли. Разные, необъяснимые. Ужасные. Душа отказывалась принимать чужое тело и имя.

– Ты можешь вернуться к людям, как только почувствуешь себя лучше, – закончил речь Оками. – Служите друг другу помощью и помните об уговоре.

Тело Ито Атсуши умерло двадцать четвёртого декабря две тысячи восьмого года, тогда же, когда Яно Мацуо отдал душу божеству.

Три дня – одна война. Между душой и телом двух разных людей. Они боролись до болезненных язв на теле и головных болей.

В берлоге Оками царил хаос, и не стихали мысли. Друг о друга бились камни и кости. От стен отскакивали крики. На кончике языка застревал отвратительный травяной привкус.

Разум оказался сильнее и практически не чувствовал боли. Не думал и не хотел знать о последствиях. Был поглощён мстостью и околдован несправедливым отношением. Давил, насмехался, намеренно сводил в могилу. Заставлял страдать. Напоминал о ничтожности и уничтожал. Не давал спать и есть. Издевался и вызывал кровопотери.

Но без физического воплощения разум – сгусток космической пыли – пустышка.

И прежде чем это понять тело Яно Мацуо чуть не умерло от воспалившихся и кровоточащих рубцов. От кровоизлияний в глаза и (немного) в мозг. Казалось, сердце теряло силу и медленнее билось. Яд и гниль сочились из ран, отравляя внутренности. От него разило смрадом. Кожа покрылась трупными пятнами. Сгнивали зубы. Набухало горло. Лёгкие, словно заполняло еловыми иглами. Костенели мышцы и связки. Мясо норовились пожирать черви.

Вытерпеть предсмертную боль дважды – невозможно.

Испугавшись, душа Атсуши направила все силы на то, чтобы зализать раны. Пришлось вспомнить все сильные лечебные заклинания. Где-то, не без помощи Оками, отрыть под снегом ягоды, сварить множество отваров. Давиться магией и задыхаться от кашля. И попросить прощения у изнашиваемого тела. Оно доброе – простило. Наверное, так сильно хотело жить.

Только тогда удалось создать воссоединение тела и разума. Они постепенно становились одним целым – потому что жизнь дороже смертельной борьбы.

Для людей он станет другим человеком, но останется тем же Ито Атсуши для родных.

Как только Атсуши восстановил тело, поблагодарив Оками, покинул берлогу и через несколько дней добрался до Нагои. Выжить в январском снежном лесу было непросто. По ночам тепла не хватало, а днём падал снег. Но магический костёр, чай из сосновых шишек, хвои и коры; и сила духа помогали идти вперёд.

В городе оказалось меньше снега. Он отыскал улицу и квартиру, в которой жил, только к вечеру. Акико уже должна быть дома.

Интересно, как она отреагирует на его появление, поверит ли человеку, которого не видела ни разу в жизни? Признает ли его слова?

Он застыл на пороге и не решался постучать в дверь. Неугомонное сердце рвалось к любимым рукам, тосковало

по ласковым поцелуям в лоб, изнывало и бешено билось. За спиной скрежетала старая лампочка.

А что если Акико не захочет даже его выслушать? Прогонит, вызовет полицию, возненавидит?

Атсуши вздохнул и постучал в дверь. За ней, казалось, упало что-то тяжелое, послышался топот и шуршание бумаг. Провернулся замок и перед ним предстало мраморно – уставшее и заплаканное лицо Акико. Последний раз в таком безжизненном состоянии он видел её, когда Акико перевели в их класс.

– А вы кто? – отпрянула она, продолжая держаться за дверную ручку.

– Постой, не закрывай дверь. Пожалуйста, выслушай меня, – волнение прилило к лицу.

Акико, испугавшись, дёрнула дверь на себя. Атсуши успел подставить ботинок, чтобы она не закрылась.

– Уходите! Уходите немедленно! – кричала Акико.

– Я – Атсуши! Ито Атсуши! Слышишь?!

– Он умер! А вы шарлатан! – она боролась. Сухие глазные яблоки покраснели, губы потрескались, кожа на лице побледнела. Эти истеричные крики не принадлежали его Акико.

Человеческие души убивало горем. И меняло до неузнаваемости.

– Помнишь, как Атсуши спас тебя от приступа астмы?

Это общая тайна, которую они пронесли сквозь года.

Акико выпустила дверную ручку и еле удержалась на ногах. Замолчала. В остекленевших глазах сверкнул свет тусклой грушевидной лампочки.

– Помнишь, как играли с Нори, переслушивали концерт The Beatles? Помнишь первый поцелуй на мосту в Намбу?

Он смотрел в её глаза с надеждой. Ждал. Чувствовал, как трясутся руки и дёргается кадык. Но ответа не последовало. Лишь пустой взгляд прожигал в его груди дыру.

– Откуда... вам... знать об... этом? – заплаканно заикаясь, наконец, проговорила она.

– Я, Ито Атсуши, родился шестнадцатого мая тысяча девятьсот восемьдесят третьего года и умер – двадцать четвёртого декабря две тысячи восьмого. Позволь всё тебе рассказать, – он смущённо улыбнулся, как делал это всегда, когда находился с ней. И протянул руку.

Акико молча отступила назад, пригласив войти и Атсуши шагнул на порог квартиры.

В ней царил непривычная чистота: на полу не валялись листья, мешочки с крупами и разноцветные ленточки, шоколадные монетки и карандаши, смятая бумага; а также он не нашёл ни одного воскового пятна. Без этого комната выглядела неуютно. Холод пронизывал кости. Тоска, пропитавшая тёмное помещение, душила.

Они сели на полу на подушках. Акико предложила выпить чаю с мелиссой и зажгла арома-свечку с ванилью. Атсуши рассказал, как на него напали, как оставили умирать в лесу,

и как очнулся в берлоге настоящего Оками в теле другого человека. О борьбе и второй чуть не наступившей смерти – умолчал. Во благо.

Акико слушала и выпила две чашки чая. Действие мелиссы успокоило, и она ожила, а дослушав рассказ, бросилась на его шею. Крепко прижалась:

– Я думала, больше никогда не увижу тебя, – её голос дрожал.

Неужели она, правда, поверила ему?

Атсуши бережно обнял любимую за талию и оставил невестомый поцелуй на бледно-розовой макушке. Скучал. Почти, что убивался. И, наконец, чувствовал тепло её рук и ненавязчивый запах вишни.

– Ты примешь меня... таким? – неуверенно спросил он и заглянул в её глаза.

– Для меня ты навсегда останешься Ито Атсуши, но я готова принять и Яно Мацуо, – впервые за вечер улыбнулась она. Атсуши готов признаться, что посреди ночи взошло солнце. В комнате словно посветлело. – К тому же он довольно привлекательный, – мило усмехнулась.

– То есть?

– Это не то, о чём ты подумал! Раз уж я смогла полюбить ужасно странного и загадочного Ито Атсуши, то Мацуо с душой Атсуши – запросто!

Так безрассудно и мило.

От её слов затрепетало где-то под рёбрами, словно рой

молочных мотыльков вихрем вился в груди и крылышками цеплялся за косточки. Разрослось ощущение вселенского счастья и воссоединения родственных душ.

Навряд ли, всё было так легко, как она говорила, но Атсуши слишком хорошо знал девушку и Акико не из тех, кто бросал слова на ветер. Он понимал, что Акико сейчас непросто, но готов был сделать всё, чтобы увидеть её радость. Пропшептал заклинание, призвал магические – космически-фантомные – объятия и попросил окутать и защитить душу Акико.

– У меня, то есть... у Мацуо есть одна просьба, – прервал молчание он.

Акико вопросительно посмотрела на него.

– Он просит вернуться на Хоккайдо и забрать некоторые вещи. Продать дом. А мне нужны его документы, чтобы начать жить, – каждое слово давалось с большим трудом. Он всё ещё боялся, что Акико вот-вот отпустит его руки. – Ты готова?

На удивление, ответ не заставил себя долго ждать:

– Конечно!

Но почему она решилась пойти и на это? Ответ останется загадкой, потерявшейся в вечности. Атсуши бесконечно благодарен небесам за то, что подарили ему Акико, – девочку, рождённую под солнечными лучами и вишнёвым деревом, со звёздами вместо глаз, и душой, что не побоялась открыться и довериться магии.

Они переплели пальцы на руках, долго-долго молчали, вслушиваясь в чужое дыхание, и не заметили, как уснули в объятьях посередине комнаты.

На выходных навестили Ханako. За месяц бабушка постарела на десять лет. Услышав полную историю Атсуши, без умолку ругалась и даже ударила букетом сухой полыни. Расплакалась, обняла, ещё раз ударила, поцеловала в щёку. И приняла. Точно также, как и пятнадцать лет назад. Атсуши с Акико тоже растрогались. Потом все вместе пили валерьяну в мятном чае и проводили вечера за разговорами обо всём на свете.

Поднакопив денег, пара отправились в запланированное путешествие на Хоккайдо. Посетили кучу священных храмов и завязали ленточки на ветвях деревьев. Потерялись несколько раз на улицах незнакомых городов. И пересекли на пароме японское море. Нашли обветшалый дом Мацуо, похозяйничали и навели порядок. Восхитились его картинами, несколько оставили себе, а остальные решили отдать в картинные галереи. Случайно познакомились с Тануки, который дружил с Мацуо. Ему тоже рассказали, что произошло. Выпили рисового sake, попрощались. И выставили дом на продажу, сказав соседям, что Мацуо переезжает. Вернулись в Нагои. Атсуши приняли на учёбу под новым именем.

Жизнь, наконец, стала прежней. Появлялись новые планы и мечты, а за ними по пятам следовали счастье и радость.

Порой удивительно то, на что ради нас готовы пойти близ-

кие. И им совершенно не важны обстоятельства. Главное, чтобы мы оставались рядом. Ведь самое болезненное и ломающее человеческие жизни – потеря родного человека.

Искренняя любовь – принятие тебя таким, какой ты есть. Даже если ты неунывающий чародей, оживший в теле смертельно больного, и только учишься жить заново.

Синее чудо-стёклышко

Вместе с ветром в открывшуюся дверь лапшичной влетели нежно-розовые лепестки сакуры. Над головой друг о друга стукнулись колокольчики. Приятный звон поприветствовал гостью.

В нос ударил тёплый воздух и запах лапши. Юми вымученно выдохнула. Ноги после урока физкультуры неприятно гудели. Она выбрала свободный столик и плюхнулась на диванчик. Пробежалась глазами по небольшому меню и заказала самую обычную порцию рамёна.

Сама хозяйка лапшичной вынесла ей блюдо и доброжелательно улыбнулась, пожелав приятного аппетита. Холодные щёки обожгло струящимся паром. Лицо Юми заалело от жара. В её руках звякнули металлические палочки. Живот недовольно буркнул. Она с наслаждением втянула запах рамёна, наполнив до отказа лёгкие, облизнулась, и принялась есть. Лапша буквально таяла во рту, а мясо оставляло приятное острое послевкусие.

На кончиках пальцев Юми сияли золотистые блёстки после урока рукоделия. Они прикольно переливались на солнечных лучах, проникавших через панорамные окна. На губах – прозрачный клубничный блеск. На шее и запястьях бренчали милые украшения из разноцветного бисера, молочных жемчужин и серебристых фигурок с кошками и звёздами. На тёмно-шоколадной макушке мерцали радужные заколки. В ушах покачивались серёжки в виде витражных сердец.

Волнистые волосы чуть длиннее плеч, норовились окататься в душистом супе. Юми ловко убирала надоедливые пряди за ухо. Восхищённо и довольно вздыхала. Уроки в старшей школе жутко утомляли. Так ещё скоро начнётся пора промежуточных экзаменов.

В свои шестнадцать Шингеки Юми жила обычной жизнью ученицы старшей школы, помогала родителям, по выходным в тайне подрабатывала и копила на курсы по профессиональной съёмке и фотографии. В кармане всегда носила плёночный мини-фотоаппарат, подаренный родителями. Из домашних фотоальбомов сыпалось много-много цветных снимков. Поэтому Юми обклеивала фотографиями и яркими гирляндами стены своей комнаты. Она каждый день искала в серых зданиях, улицах, людях частичку света. Ей нравилось экспериментировать с локациями и ракурсами. Фотографировать семейные праздники, посиделки с друзьями, тёплые улыбки. Случайных прохожих, проезжающие маши-

ны, вывески магазинов. Счастливых детей, деревья сакуры, довольных котов.

Видеть необычное в обычном – её призвание.

Юми выпила остатки бульона и сыто улыбнулась. Похлопала ладошкой по полному животу и мечтала о сне.

Она медленно окинула небольшое помещение лапшичной. Стены выкрашены в ненавязчиво-гранатовый цвет с выведенными рисунками аистов, кувшинок, бамбука и лебедей. Тёмный дощатый пол. Над каждым столиком висел тусклый фонарик, выполненный в стиле прошлых веков. Где-то десять вымощенных из дерева столиков и красные низкие диванчики.

Помимо Юми здесь находилось два человека. Женщина с лунно-седыми волосами, собранными в аккуратный пучок. С кончика её носа спадали овальные очки. Женщина была одета в платье лилового цвета (похоже на английский стиль), рядом с ней лежала такого же цвета шляпка с голубыми розами. Её хотелось тайком сфотографировать. Столько изящества Юми не видела ещё ни в одном человеке. Но она нехотя перевела заинтересованный взгляд с незнакомки на паренька из параллельного класса. Идзава Минэси, кажется. О нём Юми ничего не слышала, кроме того, что он хорошо умеет играть в волейбол. И сегодня она в этом убедилась на совместном уроке физкультуры. Отбитые руки до сих пор горели после игры с их классом.

Минэси сидел в самом дальнем углу и спокойно ел. В

его силуэте не было ничего, что могло хоть как-то зацепить Юми. И она решила вновь обратить внимание на незнакомку, потянувшись в сумке, чтобы достать мини-фотоаппарат. Но когда посмотрела на тот столик, за которым сидела женщина, увидела, что её там нет. В солнечном свете сверкнула блестящая вещица, напоминая кулон.

Куда делась загадочная незнакомка?

Колокольчики на входной двери лапшичной холодно лязгнули. Юми заметила в окнах удаляющийся лиловый силуэт.

Юми подскочила с места, отодвинув столик. Стукнулась коленкой о деревянную ножку. Тихо ойкнула, схватила кулон и побежала, споткнувшись о порожек, вслед за женщиной в лиловом платье.

Догнать её удалось только возле пешеходного перехода за углом.

– Извините, Вы, кажется, забыли это в лапшичной, – запыхавшись окликнула она, поклонилась и протянула кулон.

– Что? – милая женщина средних лет развернулась к ней и добродушно взглянула через прозрачные линзы очков, – Я ничего не забывала.

– Но этот кулон лежал на вашем столике, – оторопела Юми. Неужели она ошиблась?

– Амулет, милая моя, – ласково поправила её женщина. – Забирай его себе, – она наклонилась к уху Юми: – с его помощью ты сможешь увидеть настоящие эмоции людей.

Юми замерла, словно замороженная, и слушала:

– Смотри через синее стёклышко и тогда сможешь увидеть то, что скрывается за человеческой маской. Используй его во благо. Он сам выбрал тебя. Повяжи на шею. Укрась свою душу.

Женщина выпрямилась, мило улыбнулась, поправила очки и уже было разворачивалась, чтобы уйти, как с губ Юми сорвалось:

– Но что мне с ним делать и почему он выбрал меня?

– Не знаю, так распорядилась магия, – она пожала плечами. – Амулет сам подскажет, что делать. Прислушайся к внутреннему голосу и следуй его указаниям, – в её голосе не слышалось усмешки, только звенящая серьёзность. – Позаботься о себе и амулете, Шингеки Юми.

И загадочная незнакомка ушла, не сказав больше ни слова. Её силуэт быстро затерялся среди прохожих. Как бы Юми не пыталась выловить её взглядом – ничего не выходило.

Что вообще произошло? Что это за такой непонятный амулет, через который можно увидеть истинное состояние человека? Какая магия? Что ещё за внутренний голос? Как-то, под давлением вопросов голова вот-вот взорвётся.

Юми не могла понять: во-первых, откуда та знала её имя, и, во-вторых, что делать дальше с вещицей в её руках? Она заботливо прижала его к груди. Вновь посмотрела на него, наклонила голову чуть в сторону: он покрыт позолотой, на поверхности выступали рельефные закруглённые рисунки и непонятные символы, а по серединке высечено отверстие

под синее стёклышко. Амулет спокойно помещался в её кулаке.

Юми поднесла его к одному глазу, прищулив второй, и взглянула на мир через синюю линзу. Сердце пропустило удар. Казалось, она услышала, как магически зазвенел ветер, растрепав волосы.

Она смотрела на мимо проходящих людей и видела печальные, уставшие и обречённые лица. Ужаснулась, чуть не выронив амулет. Убрала его от лица и заглянул в лица прохожих вновь: они вообще ничего не выражали, лишь стальное безразличие и пустоту.

Юми снова и снова смотрела через амулет на людей, и не могла поверить своим глазам. Такое разве возможно?

Разве магия – это не выдумка из детских сказок, что мама читала перед сном?

Да, ну не может быть.

Или всё-таки может?

Юми окончательно запуталась: являлась ли она сейчас обычном человеком, сжимая в ладони волшебную вещицу?

Она и не заметила, как дошла до лапшичной и открыла дверь.

Минэси до сих пор сидел здесь и бездушно пялился в панорамное окно. Юми бросила на него невесёлый взгляд и поднесла амулет к глазу. За безразличным выражением лица Минэси таилась тяжёлая печаль. Юми видела чужие опухшие от слёз глаза, сухую кожу на щеках, ссадины и разодран-

ные губы.

Сердце неприятно вздрогнуло и Юми поспешила спрятать амулет в кармане кофточки.

«Что с ним? Может, стоит поговорить?» – и вот вновь слышался мягкий магический звон, похожий на пение звёзд. Амулет слегка нагрелся в кармане и подталкивал к действию. Одобрял мысли.

Тяжело вздохнув, она пошла к его столику и села напротив. Минэси, казалось, этого даже не заметил и продолжал смотреть остекленелым взглядом в одну точку.

– Минэси-кун? – Юми сложила локти на столе и постаралась дружелюбно улыбнуться.

Парень потупил взгляд на пару секунд и отмер, услышав своё имя.

– Знакомы? – Минэси не выпускал палочки из рук.

– Не думаю, но мы учимся в параллельных классах. Я Юми, кстати.

– Шингеки Юми?

Она кивнула.

– Вот как, – он коротко усмехнулся и замолчал, через время продолжив: – Тебе что-то нужно от меня?

Теперь Юми усмехнулась и легонько замотала головой из стороны в сторону. Плетёные бусы на шее тихо зашелестели.

– Нет, просто, – она замялась, – просто захотела познакомиться. Тем более, замечала, что ты часто сюда заходишь после учёбы. Живёшь где-то не далеко?

Минэси поджал губы и поднял взгляд к потолку, задумавшись:

– Это лапшичная моей тёти.

Юми кивнула. Пускай вопрос и не подразумевал этого ответа.

– Не хочешь сходить прогуляться? – после продолжительного молчания предложила она.

– Мы даже не знакомы.

– Как раз появится повод. Да, пойдём, развеемся, всё равно завтра выходной, – оживилась Юми.

– Разве у тебя нет друзей? Могла бы сходить с ними, – Минэси скрестил руки на груди и посмотрел на неё строго.

– Есть, но они далеко. А ты здесь. Пойдём.

Юми не унывала и решительно встала из-за стола. Что-то подсказывало, что прогулка им нужна. Чуть-ли жизненно необходима. Но с чего бы это ясное и слепящее, словно праздничный салют, чувство взрывалось в сердце? Амулет прожигал кожу через ткань.

Минэси смотрел растерянно:

– Что? Прямо сейчас?

– Да!

– Но я ещё не доел...

– Да брось эту размякшую лапшу! Не вкусно же. И вообще, ты в любое время можешь вернуться и поесть. Пошли-и-и.

Минэси замялся и отвёл взгляд. Вжался плечами в сиде-

нье. Юми не понимала, чего он ждёт, её тело распирало изнутри в предвкушении чуда. Казалось, по венам растекался тягучий мёд, а из глаз летели искры. Как она ещё не ослепла? А ещё она слышала чей-то призрачный шепот: «Помоги ему улыбнуться. Не бросай здесь одного».

– Не заставляй меня брать тебя за руку, как маленького! – нетерпеливо возмущалась она.

– Нет! Без рук, – Минэси нехотя встал, вздохнул и тихо пробормотал: – чего вообще пристала ко мне.

Юми хихикнула сквозь обиду:

– Я всё слышала!

Они собрали вещи и вышли из лапшичной.

На оживлённых токийских улицах начался сезон цветения сакуры, – душа Юми любила купаться в нежных цветах, бегать босиком по едва тёплой земле и ловить белоснежных бабочек. Пока Юми шла и мечтательно рассматривала оживающие деревья, мимо проносились машины. Неоновые вывески магазинов мигали озорным светом. Над головой зажглись бумажные фонарики и гирлянды-флажки. В глазах заискрился свет. Юми восхищённо вздохнула и поймала падающий вишнёвый цветок. Заправила прядь за ухо и осторожно вплела хрупкий цветок в волосы.

Она внезапно отбежала от Минэси, раскинув руки по обе стороны и обхватила ладонями фонарный столб и принялась кружиться вокруг него. Остального мира для неё не существовало

– Что ты делаешь? – не понимал Минэси.

– Ловлю момент, – честно призналась она, остановилась и посмотрела на своего спутника. Чарующе улыбнулась. – Побежали!

Минэси не успел ничего ответить, как Юми рванула вперёд:

– Эй!

– Догоняй!

– А ещё чего?!

Юми задумалась, а после в её глазах вспыхнул огонёк:

– Покажу кое-что. Думаю, такому как ты, это место придётся по душе.

Минэси смутился и вынул руки из карманов. Побежал за ней и догнал.

Ребята петляли между прохожих, цеплялись за чужие плечи, наступали на пятки и извинялись в тысячный раз. Юми останавливалась у каждого прилавка с цветами и чуть ли не тонула в душистых корзинках. Минэси срывал листовки со стен. Играли в догонялки, гладили котов, смеялись.

Чем темнее становилось на улице, тем больше встречалось людей. Юми теряла Минэси в толпе, поэтому приходилось громко звать. Он выпрыгивал из-за спин прохожих и пугал её. Она успела лишь пару раз ударить его, потому что он ловко уворачивался. И показывал язык!

Весной по вечерам на улицах Токио прохладно. У Юми покраснел нос, на щеках появился румянец в виде звезды.

Замёрзшие пальцы прятала в длинных рукавах кофты.

Они остановились под алыми воротами Тории – на входе в парк.

– Пойдём-пойдём, – она поманила Минэси за собой и шмыгнула носом.

Здесь было куда меньше людей и чем дальше они отходили от оживлённой улицы, тем приглушённое становились звуки города. В глубине бамбукового парка всё затихло и переставало кристальным журчанием воды. Впереди виднелся небольшой светящийся фонтан. Ребята присели на лавку напротив него.

Приятный сумрак касался лиц, ветер кружил в воздухе цветочные лепестки, в фонтане поблёскивали золотые монетки. Как же много человеческих желаний хранилось под ледяной водой.

– Ну как тебе? – взволнованно, словно источая свет, спросила Юми.

Минэси пожал плечами, оглядываясь.

– Спокойное место, скажи же.

Идеально.

Он кивнул и незаметно для себя улыбнулся. Юми поймала её краем глаза и сердце колыхнулось.

Получилось. Минэси улыбнулся. Она впервые увидела, как человек улыбается несмотря на всю тяжесть и боль, о которой молчит.

– Здесь, правда, классно, – наконец, ответил Минэси. – Я

был в этом парке, но никогда не замечал, как тут красиво.

Юми понимала, что он говорил искренне.

– Я прихожу сюда, когда мне плохо и просто много думаю о... разном. Мне становится легче. Наверное, этот парк обладает особой целительной силой, – мило хихикнула она.

Они замолчали. Юми болтала ногами в воздухе и смотрела на птиц, клевавших хлебные крошки. Тербила браслеты и застёжку на кофте. Вспоминала вкус любимых шоколадных конфет от скуки. Минэси откинулся на деревянную спинку, жевал губы и пустым взглядом сверлил вымощенную камнем дорожку. Иногда нервно дёргал ногой. Ковырял травинки носком ботинка, выросшие между камнями.

Солнце скрылось за горизонтом, уступив молодому месяцу место на небе. Засверкали первые звёзды. А они продолжали сидеть в звеняще-умиротворяющей тишине.

– Почему ты привела меня сюда? – вдруг подал голос Минэси, чем заставил Юми вздрогнуть.

– Хотела помочь тебе отвлечься, —она повернула к нему голову и очаровательно улыбнулась уголками губ. – У тебя был такой пугающий и загруженный вид. Вот и подумала, что не плохо с тобой познакомиться.

– Мм-м, – задумчиво протянул он. – И всегда ты такая?

– Это какая? – игриво отбила она.

– Ну... – он занёс руку за голову, – без стеснения подойдишь к незнакомым людям и бегаешь с ними по улице? – на кончиках его ушей вспыхнул румянец.

Юми прыснула от смеха:

– Только, когда понимаю, что человеку это нужно.

– И как ты понимаешь? – оживился Минэси.

– Секрет, – ухмыльнулись она. – Лучше расскажи, как ты так круто научился в волейбол играть. У меня руки до сих болят после твоих подач.

Юми наигранно потёрла ушибленные предплечья, поморщив носик.

– Это я ещё в пол силы играл, – самодовольно, но как-то печально усмехнулся он и продолжил: – Родители отдали в детстве на волейбол, и вот, теперь состою в юниорской сборной. Правда, сижу на скамейке запасных, но тренер говорит, что скоро придёт моё время. С тех пор прошло два года. А я так и не сыграл ни одной важной игры.

Минэси тяжело вздохнул и опустил вымученный взгляд:

– Родители ждут от меня результата, но я всё никак не могу войти в этот чёртов основной состав. Ещё и эти дурацкие экзамены. Бесит, – он пнул маленький камушек и сжимал в кулаках доски.

Юми только сейчас заметила, что его пальцы обмотаны окровавленными пыльными бинтами и отклеивающимися пластырями.

– Прости, я не должен был этого говорить, – виновато про-
бормотал он.

– Не извиняйся. Наверное, ты долго молчал об этом.

– Вот только не надо меня жалеть. Мне этого хватает, сыт

по горло чужой жалостью.

– Я и не думала об этом. Просто не молчи, когда тебе больно.

– Мне не с кем разговаривать.

Юми задумалась:

– Пиши мысли на бумаге. Кричи в подушку. Но не позволяй язвам разрастаться.

Теперь она поняла, почему видела истощённое слезами лицо Минэси в синем чудо-стёклышке. Но находясь рядом с ним, ощущала, сколько мощи сочиться из его души. То ли это из-за появления амулета, то ли по непонятным для себя причинам, она начала ярче чувствовать чужие эмоции. Хотя амулет всё это время приятно грел бок. Юми начала потихоньку догадываться, что магия уже оставляет свой след на её теле.

– Может, купим по рисовому пирожку? – взгляд Минэси просветлел. – Я проголодался.

– Я только «за»!

По пути до ларька с уличной едой они разговаривали о школе и экзамена; стоя в очереди – о увлечениях и домашних животных; после покупки – о любимой музыке и книгах. Делились смешными историями из детства. Юми рассказывала о связанных игрушках и плетении из бисера. Минэси действительно увлечённо слушал и задавал вопросы. А потом он поделился такими невероятными фактами о космосе и параллельных вселенных, что у Юми отвисла челюсть.

Она бы никогда не подумала, что Минэси из того типа людей, что любят поболтать, но приятно этому удивилась.

За занимательными спорами какие кошки мягче: с короткой шерсткой или всё-таки с длинной (Минэси утверждал, что короткая мягче; Юми была уверена, что длинная) – Юми позвонили родители и попросили поспешить домой. Мама в шутку пригрозила тем, что они с папой почти съели весь яблочный пирог.

К этому моменту они уже выходили из парка. Юми остановилась:

– Да, короткая шерсть не может быть мягче! – возмущалась она.

– Я тебе говорю, это из-за того, что она плотнее, – Минэси стоял на своём и не хотел признавать, что длинная шерстка у кошек неоспоримо мягче.

Юми в шутку фыркнула:

– Ну, и ладно. Мне уже нужно идти домой, а то без меня съедят мой любимый пирог.

Минэси посмотрел время на телефоне и вздохнул:

– Да, уже поздно.

– Тогда увидимся в школе! – она стояла лицом к Минэси, сжимая в руках школьную сумку и начала отходить назад: – Кошки с длинной шерстью мягче и точка!

Затем она развернулась и побежала.

– С короткой! – вслед крикнул ей он.

– Не-а!

А вообще, шерсть мягче у той кошки, за которой ухаживают. Но чаще всего длинная шёрстка мягче. Минэси просто не любил проигрывать, а Юми – быть серьёзной.

По дороге домой Юми достала из кармана амулет, провела подушечками пальцев по холодной рельефной поверхности – щекотно – и подумала о том, как здорово видеть улыбки на лицах людей. А ещё поняла, что сегодня помогла одному человеку почувствовать себя лучше.

Ради чужого счастья и сияющих глаз хочется жить. Светлый мир теплится в наших сердцах. И Юми сказала себе, что сделает всё, что в её силах, чтобы зажечь радость в других.

Ирэн Блейк

Магическая свеча для толстушки

Света с детства была девочкой полной, а к шестнадцати и вовсе растолстела, напоминая круглощёкого колобка из советского мультика, что её совершенно не беспокоило. Ведь её мама и бабушка тоже словно сошли с полотен Рубенса, дышали пышностью и румянцем, как сдобные булки. Питались, к слову, в семье Рябцевых плотно и вкусно. В общем, лет до двадцати пяти Света жила, как тот сыр в масле, не зная ни забот, ни хлопот, кроме как учёбы да типично женской подработкой бухгалтером в офисе, пока не умерла бабушка, а затем внезапно и мама. Теперь и денег резко не хватало, а доучиваться ещё целых два года. Не бросать же.

Поэтому пришлось Свете устроиться в другой офис, где больше платили. Вот только там работали ушлые и красивые женщины, которые пышной простушке быстро глаза открыли, разъяснив суровую правду жизни: принцам теперь настоящих принцесс подавай, ухоженных, стройных, а не таких, как Света. Конечно, они говорили очень деликатно и пальцем не тыкали, но оттого, наверное, Свете было гораздо больней, и елось потом, как нарочно, с аппетитом, так много,

что словно в наказание.

И всё бы ничего, слова мамы и бабушки ещё прочно удерживали её склонность к романтическим, пусть наивным фантазиям, что настоящим мужчинам нужна только настоящая женщина, которая умеет вкусно и разнообразно готовить и подаёт обед как минимум из пяти блюд. Но на проходной появился новый охранник, молодой и очень симпатичный парнишка, взамен старого бородатого гремлина, как про себя называла его Света: по утрам он бросал на неё сальные взгляды и требовал пропуск, дожидаясь, пока она наклонится пониже, чтобы заглянуть в вырез блузки. Фу, и несложно же от старого гремлина смесью амбре из алкоголя и адски крепкого парфюма.

Нового охранника звали Никитой. То Света прочитала на бейджике паренька и всегда при встрече старалась улыбаться, чтобы при возможности позвать обедать вместе. Увы, все усилия оказались напрасны, хотя Света наряжалась, красилась и волосы, густые, темно-каштановые, всю жизнь заплетённые в косы, распускала и укладывала. Никита её игнорировал: пусть и улыбался из вежливости, но такие вещи женщины интуитивно чувствуют.

А больше всего Свету расстраивало, что Никита начал встречаться с одной из сотрудниц, Машей, тоненькой, как тростинка, но в остальном совершенной пустышкой, которая интересовалась разве что жизнью звёзд, сплетнями и модой.

Влюблённая Света не унывала, а решила изменить себя к

лучшему, начав с диеты, и записалась в спортзал, потратив отложенные на ремонт квартиры деньги. Диету она усердно соблюдала, считала калории и, выполняя рекомендации тренера, старалась на занятиях фитнесом до седьмого пота. А вес едва ли сместился на пару килограммов. Ещё и усталость добавилась, и в сон, вопреки лошадиным дозам кофеина, Свету нещадно клонило, что опечалило как её, так и тренера, который вдруг посмотрел на девушку и нахмурился, неожиданно предложив сдать анализы крови на гормоны.

Света с расстройства объелась мороженым и вместо назначенной прогулки перед сном смотрела романтические фильмы, а потом ревела в подушку. Во сне Никита целовался с Машей, а над Светой смеялся. Она проснулась с головной болью и, позвонив начальнику, отпросилась на пару часов, пояснив, что нужно к врачу. Решила воспользоваться платными услугами частной клиники. Ведь из-за диеты за месяц девушке удалось неплохо сэкономить на продуктах.

Обследование прошло быстро, но результат оказался неутешительным. Солидного вида доктор в очках сказал, как отрезал:

– У вас, Светлана Иннокентьевна, серьёзно нарушен обмен веществ, а из-за редкого заболевания щитовидной железы и надпочечников... – Выдержав паузу, доктор добавил: – Есть осложнения. Но наша клиника может предложить вам гормональную терапию или порекомендовать качественное лечение за границей, в Германии или в Израиле. Конечно,

такого рода услуги и стоят соответственно. Поэтому подумайте хорошенько. Кстати, с кредитованием у нас тоже имеются варианты...

Света ответила, что подумает, и покинула клинику совершенно разбитой. На работу ехать не хотелось, но что делать. И всю дорогу, сидя в метро, она крепилась и морально готовилась к вопросам любопытных коллег, которые, как и предполагалось, посыпались как из рога изобилия.

«Не ваше дело. Отстаньте. Всё у меня хорошо». Вскоре от вопросов и снисходительно сочувственных взглядов у Светы разболелась голова, поэтому во время обеда она скрылась в туалете, где, выпив таблетку, долго смотрела на себя в зеркало и раз за разом снова умывала лицо, словно пыталась смыть водой навалившиеся проблемы.

Коллеги вскоре замолчали, но Света всё ещё чувствовала себя некомфортно из-за неприятных взглядов и потому, что знала: за спиной о ней шушукуются. Она вздыхала, с головой погружаясь в работу. Всё равно было тяжело.

Купила в утешение торт и ела его до позднего вечера, запивая какао. Попутно шерстила инет, наведывалась на форумы, где, предположительно, можно найти истории с похожей болезнью. Увы, далеко за полночь она так и не нашла ничего конкретного, только узнала в бесплатной медицинской консультации: с её диагнозом живут и без лечения. Лечение, кстати, оказалось настолько дорогим, что Свете пришлось бы заложить квартиру, но даже так гарантий излечения нет.

А выбросить на ветер бешеные деньги?.. Вот. Не быть тебе стройной, как осинка, красоткой, Светка. Смирись... Она доела третий кусок торта, поставила остатки в холодильник, вздохнула и пошла спать.

Никита на проходной всё так же неестественно ей улыбался – и Света ничего не могла с собой поделать, всё так же жадно смотрела на паренька. Пусть ей ничего и не светило. Она с этим обязательно справится, но почему же тяжело на душе, почему никак не получается успокоиться? Кто бы дал ей чудодейственное средство от неразделённой любви.

Вскоре сосредоточиться на работе Свете мешали тяжёлые, нерадостные мысли, и всё, как назло, валилось из рук. Косметика по утрам и бывшие наряды исчезли вместе с улыбками Никите. Под глазами от недосыпа появились тёмные круги.

Она всё чаще задерживается после работы, а потом ещё и об учёбе думать надо, но та, треклятая, совсем в голову не лезет, сколько ни сиди над ней за полночь. В офисе коллеги бросают всё более встревоженные и в открытую насмешливые взгляды, возможно, подозревая, что девушка запила. И Света, услышав своё имя, каждый раз вздрагивает, предполагая, что именно сейчас позовут к начальнику. Что же будет, если её с работы выгонят?

Так, в мареве мыслей, очередной рабочий день заканчивался, и в офисе все разошлись, кроме заработавшейся Светы.

... Когда она, спохватившись, смотрит на время, то вскрикивает. Елки-палки! Света опаздывает на метро.

На скорости собравшись, пулей выскакивает из офиса, но всё равно по времени не успевает, поэтому вздыхает и снижает темп ходьбы.

Что толку сидеть в зале ожидания в ярко-белом свете и в одиночестве. Лучше, наверное, походить по подземному переходу, посмотреть, что нового в маленьких, допоздна работающих магазинчиках, и даже прикупить себе очередной вкусный торт в небольшой частной кондитерской, пусть цены там и кусаются. Так решает Света и, выбирает торт с шоколадной глазурью. Затем собирается было вернуться в метро, как внезапно обращает внимание на магазинчик, который она никогда здесь не видела раньше.

Вывеска светится мягким светом. Буквы названия, острые, резкие, разноцветные, образуют слово «Мистик», на конце его сияет золотая пентаграмма.

Ноги сами потянули Свету к магазину. Плохое настроение вдруг сменилось живым любопытством, желанием приключений и новизны.

– Здравствуйте. Чем могу вам помочь? – мягким, хорошо поставленным голосом отозвалась женщина у прилавка. Настоящая красавица, неопределённого возраста, в тёмной водолазке под горло и узкой юбке чуть ниже колена, появилась так внезапно, что Света вздрогнула, выходя из транса, вызванного мелодичным переливом колокольчиков у дверей.

Помещение было небольшим и плотно заставленным стеллажами до потолка. Пахло травами и благовониями, но так, слегка, что совсем не раздражало.

– Я только посмотреть, – замялась Света. Взгляд быстро пробежал по полке с загадочными толстыми книгами, по хрустальным шарам всевозможных видов и размеров и остановился на свечах.

Она только сделала шаг в сторону, как женщина произнесла:

– А давайте я вам погадаю, и всё станет ясно. И вам, и мне. Не переживайте, это бесплатно.

В ухоженных руках женщины тут же появилась колода карт таро...

Мама с бабушкой скептически относились к гадалкам, больше доверяя церковному учению и считая гадалок либо шарлатанками, либо слугами дьявола. А вот Света с удовольствием смотрела выпуски битвы экстрасенсов, пусть мама и бабушка недовольно прищипывали и хмурились, одаривая её многозначительными взглядами. На девушку они не действовали, ведь смотреть шоу так интересно, что не оторваться. Сейчас же бабушки и мамы нет рядом, чтобы поучать и отговаривать от приключения.

– Хорошо, – сказала Света. Погадать – это ведь тоже очень интересно, ей ведь никто ещё не гадал, а вдруг чудо какое расчудесное произойдёт, как происходило на битвах экстрасенсов по телевизору.

Женщина умело перетасовала колоду, раскинула карты, предварительно сказав, чтобы Света подумала о наиболее важном, или – о самом важном, что у неё на душе. И она думала и смотрела, а в магазине вдруг стало так тихо, что слышно: щелкают, ложась на прилавок, карты, да бьётся собственное сердце, пока Света разглядывает затейливые, яркие и непонятные рисунки, цепляясь взглядом за карту с мужчиной и женщиной.

– Так, всё дело в психосоматике. Слышали такой термин? – обратилась женщина к Свете.

Она кивнула.

– Знайте, что всё поправимо, даже если вам говорили обратное врачи. Только нужно дать себе желаемое. В этом всё дело. Знайте: ваше тело стройное и прекрасное в душе, пусть этого сейчас и не видно за слоем жира.

У Светы вдруг закружилась голова, она облокотилась о прилавок, пока женщина плавно двигалась к полкам с товаром и вскоре вернулась с красной свечой в руках, красиво и достоверно сделанной в форме обнажённой и очень привлекательной женщины.

– Я предложу вам решение проблемы и скажу, как всё исправить, начать путь к выздоровлению. Но только вы должны строго выполнять все правила, иначе последствия будут печальны и необратимы.

Приятный голос женщины убаюкивал.

– Сколько это будет стоить? – спросила Света.

– Сейчас всё, что у вас с собой в кошельке, в другой день – для всех разная цена, – пояснила женщина.

Затем она объяснила правила использования свечи, а Света отдала тысячу рублей, плюс вытряхнула всю мелочь.

– Вы запомнили, что я сказала? – уточнила продавщица и, дождавшись кивка, положила деньги в кассу, упаковала свечу в небольшую ярко-алую коробку. – Забирайте. И пользуйтесь с умом. Зажигайте вечером не дольше получаса. Результат увидите очень скоро. А когда всё наладится, принесите свечу обратно в магазин. Вы поймете, когда придёт время.

– Но... – зевнула Света, моргнув, и на мгновение ей показалось: всё в магазине размылось, став нечётким и нереальным, и даже запах сменился на пыльный и затхлый.

– Только, никогда не позволяйте свече догореть до конца. Запомните крепко-накрепко, Светлана.

Женщина усмехнулась, обнажив белоснежные зубы, кончики которых были острыми, как у хищной рыбы. Свету вдруг пробрало холодком, она забрала свечу и попрощалась не в силах больше оставаться в магазине и смотреть на женщину.

Быстро покинув магазин, она в темпе двинулась через подземный переход к выходу, сама толком не понимая, что произошло.

«Вот снова на метро опоздала», – решила Света и посмотрела на кружок аккуратных золотых часиков на запястье. Сердце замерло в груди, всё внутри похолодело. Она провела

в магазине не больше пяти минут. Да, быть такого не могло! Или как? Бабушка с мамой точно бы сказали, что это про-иски чертовщины, и выбросили бы свечу, наказав Свете всё забыть и лучше сходить в церковь.

«Хватит, – сказала себе Света, – надоело. Это ведь моя жизнь, и только мне решать, как быть и что делать».

Перед тем как зажечь свечу, нужно принять ванну с солью, что Света и сделала. Затем надеть халат на голое тело. Завесить шторы и только тогда зажигать свечу в изголовье кровати. Засечь время и, сидя либо лёжа, смотреть на пламя свечи и ни о чём не думать.

Руки Светы дрожали, когда зажигала свечу. Сразу стало как будто бы теплее и запахло чем-то приятным и сладким, похожим на персиковое варенье, которое бабушка варила в детстве в конце лета. Его Света лопала всю зиму вприкуску к чаю. Даже во рту сейчас вдруг стало сладко, тело расслабилось. Потянуло в дрему, в ней Света парила в кипенно-белом раю из пышных облаков, вся такая тоненькая, звонкая и красивая... Будильник вернул в реальность. Свечу пришлось потушить и снова пойти спать, к собственному удивлению проигнорировав ужин.

Утром проснулась вспотевшей, с промокшим бельём – хоть выжимай, и с жаждой – такой сильной, словно во сне побывала в пустыне. Света приняла душ и выпила почти целую бутылку минеральной воды. Есть, к очередному удивлению, совсем не хотелось, что сильно подняло настроение,

как обрадовали и исчезнувшие круги под глазами, и кожа на лице, буквально дышащая свежестью и здоровьем, а также юбка, ставшая в поясе немного свободней, как и блузка. Ну, не чудеса ли?

На работе все засматривались на Свету и засыпали комплиментами и вопросами, а она лишь отмахивалась, списав все улучшения на диету. В обед, окрылённая радостными изменениями девушка пошла в ближайшее кафе, где заказала греческий салат, зелёный чай и отварную рыбу, не переставая удивляться собственному организму, попросившему именно полезной еды.

Домой Света ехала в нетерпении: так сильно хотелось снова побыстрее зажечь свечу и посмотреть, что будет дальше. На этот раз она поставила будильник на полчаса, но никак не могла зажечь спичку, тупо уставившись на свечу, которая словно совсем не изменилась. Вчера же Света была уверена, что верхушка свечи основательно подтекла, и воск застыл каплями на боку, а сейчас всё цело и невредимо, как новенькое. Она вздрогнула, пожав плечами, и таки зажгла спичку, настраиваясь на чудеса.

Утром юбка стала велика и блузка тоже. Света обнаружила это, выйдя из душа и залпом выпив два стакана воды. Лицо в зеркале заметно осунулось, и как же оно похорошело, став более точёным, что ли, как и проступившая талия на её вчера ещё круглом животе. Невероятно. Пришлось надеть свободного покроя брюки, потуже затянув ремень. И захоте-

лось накраситься.

Коллеги весь день за спиной обсуждали преобразование Светы, перешёптывались вовсю; ну и пёс с ними. Её настроение было таким великолепным, что хоть пой.

И именно сегодня Света впервые заметила, как Никита на проходной на неё посмотрел. Так, словно видел впервые, и улыбка его стала настоящей – с неприкрытым удивлением и восторгом.

Окрылённая успехом, Света справилась с работой пораньше и даже успела заскочить в магазин, закупившись только полезными продуктами и минералкой. Как же ей хотелось скорее приехать домой и снова зажечь свечу!..

Она приняла ванну и, поставив будильник на полчаса, зажгла свечу, улёгшись на кровать, приготовившись к умиротворённым, наполненным счастьем грёзам.

... В дверь позвонили. Настойчиво, громко, хоть тресни. Гостей Света не ждала, но и проигнорировать звонок не могла, так уж воспитали. Подошла к двери и посмотрела в «глазок». За дверью стояла соседка, с этажа ниже, Клавдия Ивановна. Ох, ёлки, как назло именно сейчас припёрлась.

– Чего ты, Светочка, так долго не открываешь? Я же с гостинцами.

И ввалилась в квартиру с пакетом в руках, сразу начав тараторить. Тощая, выхоленная и некрасивая, что та зубастая лошадь, ещё и говорила невнятно, зато богатая. С ней в жизни Рябцевых была отдельная история: мама с бабушкой

крепко с соседкой дружили. А Света терпела, не понимая, что в Клавдии Ивановне такого интересного и очаровательного. На её взгляд, соседка невероятно пресная и ездила отдыхать в одни и те же места в Европу. И рассказывала о поездках скучно и совершенно одинаково.

– Как ты поживаешь, деточка, одна, без матери и бабушки? Схуднела совсем вижу. Так откормлю, не думай, не брошу. Я свои дела иностранные все порешила, теперь здесь останусь. Не зря говорят, где родился, там и помирать легче.

– Ну что вы, тётя Клава...

– Давай ставь чаю, Светка. Вот пирожки в пакете, колбаска вкусная, на рынке у знакомой покупаю, без всякой химии. Сейчас покушаем, поболтаем.

И снова затараторила, с увлечением забубнила Клавдия Ивановна. Света обо всём на свете забыла. И пирожки ела, и колбаску. Поначалу давилась, а потом вроде во вкус вошла. Всё же приятно, что соседка приехала, с ней веселее. Вскоре Клавдия Ивановна раззевалась, решив уже уходить, а в коридоре вдруг спросила:

– А чем это горелым так пахнет. Утюг, что ли, ты, деточка, не выключила?

Света остолбенела и, попрощавшись, кинулась в спальню. Свеча догорела, полностью расплавившись. То, что осталось, даже огарком трудно назвать.

Она села на пол и разрыдалась: страшно стало – до одурения, и ознобом, как в лихорадке, накрыло. Потом вдруг ре-

зи в животе пошли и затошнило. Еле до туалета успела добежать. Всю ночь она сидела на унитазе, рвало – и голова кружилась невыносимо. Много пила воды, угля, таблеток от диареи. К утру полегчало и даже поспать удалось пару часов, что удивительно, ведь Света думала взять отгул.

Когда в душе мылась, ошалев – завизжала: живот исчез, а тело сильно построилось, стало упругим, подтянутым, с правильными изгибами. Божечки. Лицо тоже изменилось, совсем чуть-чуть, но в отражении была словно другая девушка: с пухлыми губами, энергичным взглядом, без привычных круглых щёчек и двойного подбородка. А шея, шея-то у Светы стала что лебединая – нежная, длинная. Так она и стояла столбом, не в силах отвести от зеркала взгляда, а в голове крутились мысли о настоящем чуде и о том, что теперь сказать коллегам, как объяснить невероятное преобразование. Хм. Додумалась Света только до липосакции и специальных, экспериментальных биодобавок.

Никита на проходной её не узнал, а затем всё же очумело признал, ведь голос Светы не изменился. Он даже присвистнул и слегка покраснел от смущенья.

Она наслаждалась: ведь посмотрел он так, как всегда мечтала, как на привлекательную женщину в его вкусе.

Коллеги просто офигели и сразу засыпали вопросами. Света отмалчивалась и отвечала загадочно, хотя внутри вся тряслась как от радости, так и от злорадства. Натё вам! Хоть изведитесь, выкусите. Начальник впервые вызвал к себе и го-

ворил об успехах Светы и о старании, выписал премию, чего никогда не было, и подмигнул, поглядывая с восхищением. Она и замечталась, как кардинально обновит гардероб, позволит, наконец, себе носить каблуки.

– Сходим куда-нибудь поужинать? – напролом предложил Никита в обед.

– А как же Маша?! – съязвила Света.

– Мы расстались сегодня, а давно надо было, – хмыкнул Никита.

– Ну, раз так, тогда ходим. А лучше поедem ко мне, я отлично готовлю, – предложила Света, чувствуя себя сейчас невероятно смелой. Ведь Никита так на неё смотрел, что чуть слюной не давился.

До ужина дело не дошло. Разделись ещё в коридоре и бросились в спальню. Никита целовал умело, и Света совершенно растаяла, чувствуя: всё идёт правильно. И ни страха, ни сомнений, ни неуверенности. Вся неопытность растаяла. Только вот смущал сладкий запах и ощущение горячей свечи, но ведь того быть не могло, не так ли?

Вскоре все мысли уши на задний план.

Никита нашёптывал жаркие и очень откровенные слова. Но Света внезапно вздрогнула, как от холода. В животе тоже образовалась холодная и очень голодная пустота. Ну что же это такое?! Как не вовремя! Перед глазами девушки потемнело, затем прояснилось, став острым, резким и таким голодным!.. Света куснула Никиту в плечо, тихонько, а по-

том начала кусаться всё сильнее. Неимоверно сильными руками заткнула ему рот и придушила. Затем уже и вовсе стала грызть до кости, жил и сладкого, тёплого, кроваво-медного мяса. В этом вкусе всё как-то размылось, всё стало всем и ничем. Голод взял верх над Светой, как и её знающее, что нужно делать, словно какое чужое тело.

Утром наваждение спало. Простыни, пол – всё плавало в крови. Собственный раздутый живот Светы не оставлял сомнений в произошедшем. Она сожрала своего кавалера, своего горячо любимого человека! Превратилась в кровожадное чудовище... Божечки! Она зарыдала – так страшно стало, до умопомрачения, но в полицию Света звонить не могла, в тюрьму не хотела. Поэтому собралась с силами и принялась за уборку, складывая обглоданные кости и разорванные сизые кишки по мусорным пакетам, ужасаясь, что от смердящего запаха в спальне её совершенно не тошнит, а наоборот, вкусно едой пахнет. Божечки, это же кошмар какой-то жутчайший и нереальный с ней происходит, да?

Конечно, на работу Света не пошла, сказав начальнику что-то об очень срочных семейных делах, и снова занялась уборкой, затем так же долго отмывалась в ванне, жалея, что в доме нет ничего крепче бабушкиного абрикосового ликёра. «Бери себя немедленно в руки, Света! Раз попала, так попала! Но раскисать нельзя», – твердили мама с бабушкой в любой сложной ситуации. Она хмыкнула и сконцентрировалась, начав составлять последовательный план действий.

И истерически захихикала, добавляя в кофе остатки ликёра и обнаружив, что в пустой морозилке имеются свои плюсы. И то, что осталось от Никиты, переждёт там какое-то время. Его телефон Света тоже выключила и положила в морозилку: видела такой трюк в детективном фильме.

Одежду кавалера Света спрятала в спортивную сумку, решив спалить в глухой части города – забросить в мусорный контейнер и сжечь. Но сначала нужно наведаться в треклятый магазин и отдать им свечу. И пусть потом Света снова станет толстой и некрасивой – неважно.

С этими мыслями она замерла на пороге спальни, чувствуя, как тугим кулаком всё сильнее сжимается в груди сердце, а воздуха начинает не хватать. Огарок свечи на столешнице в спальне трансформировался, полностью вернув первоначальный вид. И теперь словно ей усмехался. Брр.

Свеча как новая, и в руке Светы ощущалась тёплой и слегка влажной. Застонав, девушка зло топнула ногой и положила свечу в сумку, вытерев пальцы о брюки: было такое мерзкое чувство, что вместо воска она касалась кожи гадюки.

Наверное, целый час расхаживала по подземному переходу в поисках магазина «Мистик». Так и не нашла. Злилась всё сильнее и проклинала в сердцах как себя, дурёху, так и продавщицу, уговорившую купить свечу.

– Дрянь!.. – в сердцах ругнулась Света и, дождавшись вагона метро, рванула до конечной, оттуда до леса рукой подать. И пусть уже темнело – тем лучше: меньше людей встре-

тится по пути.

К тому же Света отупела после произошедшего. Да хоть самого чёрта встретить в лесу её, наверное, не испугало бы.

Дорогу девушка знала прекрасно: с бабушкой и мамой ездили за ягодами, грибами и травами летом почти ежедневно. Удача – безлюдно!.. И, выдохнув, Света избавилась от вещей Никиты, оставив их в мусорке и залив керосином (бабушка хранила в доме керосин для лампы на случай отключения электричества). И, подпалив, отошла, наблюдая за ревушим пламенем, намереваясь чуть что не так – бежать. Смотреть на огонь было приятно. Пламя будто очищало и умиротворяло Свету, словно говоря, что всё будет в порядке. Она вздохнула и через некоторое время, убедившись, что вещи сгорели, ушла.

Дома ожидал сюрприз в виде Клавдии Ивановны.

– И куда это ты ездила, дорогая моя девочка? В такую-то погоду и темень. Себя беречь надо, – поучительно наставляла соседка.

Она снова была с пакетом в руках, и оттого Света поняла, что от соседки не отделаешься.

– Как сильно хлоркой пахнет! Фу, – возвестила, едва переступив порог, Клавдия Ивановна и снова начала поучать Свету, что для уборки лучше всего использовать соду, уксус, горчицу с песком, а не все эти химии бытовые, разрекламированные по телевизору. И, направляясь на кухню, словно хозяйка, бурчала, что мама и бабушка Светы убирались пра-

вильно.

Света вся кипела. Если бы не сильная усталость, наверное, сорвалась бы, о чём, конечно, потом бы пожалела. Ну да ладно, она, зевая, попивала чай, едва притрагиваясь к пирожкам и ватрушкам Клавдии Ивановны, отмалчивалась и всё больше зевала, лишь иногда выдавливая односложные ответы. . . Соседка жаловалась на здоровье и холод, ругала коммунальщиков, правительство и цены, потом, наконец выговорившись, тоже разевалась и таки попрощалась. И слава Богу. Света сказала, что обязательно зайдёт в гости и будет хорошо питаться, затем больше уже не слушала, мечтая лишь рухнуть на постель.

Всю ночь донимали кошмары. Кажется, стоило только закрыть глаза, как они наступали со всех сторон, яркие и реальные. И в этих кошмарах её бесконечно допрашивал толстый и потеющий следователь, затем был суд и тюрьма. А в других кошмарных снах к Свете навевалась продавщица из магазина «Мистик» и всё хохотала и хохотала, да так сильно, что у девушки от её громкого хохота закладывало в ушах, и от этого становилось невыносимо, до одурения плохо и жутко. Света кричала в ответ, угрожала, топала ногами и просыпалась в изнеможении от сильного кашля и жажды.

Половина шестого утра. Она встала, на кухне выпила литр минералки. Затем пошла в душ, включила горячую воду и мылась упорно и долго, желая, чтобы вода чудесным образом смыла всё это жуткое наваждение. Увы. Света вздохну-

ла, почистила зубы, а позже, собираясь на работу, поняла, что снова похудела. Одежда на ней висела мешком, словно никогда и не её собственная. Ёшкин кот, в таких широких и свободных нарядах даже появляться на работе неприлично и стыдно. Пришлось Свете пересиливать себя и идти к Клавдии Ивановне с утра пораньше и просить выручить. Затем слушать её охи и ахи, кряхтенье, ловить на себе негодующие и вопросительные взгляды и терпеть, пока соседка выуживает из шкафа подходящие на её усмотрение вещи для Светы и улыбается, прищипывая языком, пока девушка прямо перед ней примеряет одежду возле зеркала, желая провалиться сквозь землю. Особенно от приговариваний соседки:

– Как же так исхудать, девочка моя? Одни кожа и кости остались. Ай-яй-яй.

– Я болела сильно, Клавдия Ивановна, – отвечала Света. Пока выбрала себе что-то подходящее, уже опаздывала на работу, поэтому пришлось вызвать такси.

На работе все были озабочены пропажей Никиты. Начальник ходил хмурый и предупредил, что к обеду заглянет следователь. Света чувствовала, как её раз за разом прошибает холодный пот, ведь следователь будет разговаривать и с ней. И что она ему скажет? От тревожных мыслей разболелась голова. Пришлось выпить несколько таблеток.

– Что ты сегодня совсем зелёная? Плохо спала? – с откровенной издёвкой спросила Маша, девушка Никиты, впервые заговорившая со Светой. Та заледенела: неужели её подозре-

вают?

– Кстати, ты позавчера Никиту после работы не видела? – Маша словно прочитала мысли Светы. – Мы с ним поругались, и он пропал, – говорила и смотрела, как коршун на мышшь-полёвку.

Света сглотнула и покачала головой. Затем потрогала свой лоб и закашлялась, сказав:

– Маш, ну чего ты взъелась, а я вот чувствую себя совсем хреново. Какой к чёрту Никита, он же на меня и не смотрел никогда.

И, не ожидая ответа, вышла в коридор. Но слышала, как кто-то из коллег постарше в спину сказал, что Света не из таких барышень, как думает Маша. И не важно, что она изменилась, а завидовать вредно. Посыпались упрёки на Машу со всех сторон. Света улыбнулась и почувствовала, как распрямились плечи.

– Светлана Иннокентьевна, – неожиданно открыла дверь кабинета директора холёная секретарша. – Зайдите, на разговор со следователем.

Делать нечего, пришлось идти. Только вот руки в момент неприятно липкими и холодными от пота стали.

Следователь, хорёк, с глазами хитрющими, маслянистыми, бегающими, но цепкими: ничего не упустит. Брр. Сам мелкий, и голос тихий, и говорит медленно, а Свете оттого ещё страшнее. Сама не знает как, но отвечает спокойно, уверенно, хотя напряжена так сильно, что кажется, голос вот-

вот сорвётся, и вообще она встанет и закричит.

– Итак, можете быть свободны, Светлана Иннокентьевна, – неожиданно выносит вердикт следователь, черкая что-то в блокноте. Она встаёт, чувствуя, как дрожат ноги, и тут же накрывает облегчение, такое невероятное, что на глазах выступают слёзы.

– Скажите остальным, чтобы по очереди на допрос приходили, – голос секретарши заставляет Свету вздрогнуть. Она не может выдавить из себя хоть слово, но кивает.

В туалете плёскает холодной водой из крана в лицо и жадно пьёт, пока желудок не начинает возмущённо булькать, желая вернуть воду обратно. Божечки, прокатило. Ей поверили и ни в чём не подозревают.

Коллеги смотрят с настороженностью, а потом активно возмущаются, когда Света передаёт им слова секретарши. Свете всё равно, она садится на своё место и полностью погружается в работу, не поднимая головы и ни на что не обращая внимания.

За пять минут до конца рабочей смены пикает телефон, оповещая эсэмэской из банка, что на карточку переведены деньги. Света улыбается полученной премии и тут же думает, куда поехать за обновками, где купить больше по низкой цене. Вскоре автоматически прощается с коллегами и уходит, а в ногах и теле ощущается необычайная лёгкость и энергия, хоть Света сегодня и не обедала.

Она наспех перекусывает дешёвым сладким кофе из ларь-

ка «Горячие напитки, сдоба» в подземном переходе, заставляя себя съесть обеденный бутерброд с сыром, совершенно невкусный, но не выбрасывать же. Хлеб не лезет в горло, как и сыр, и недоеденное перепадает голубям. Света же направляется в торговый центр, зная, что там, в подвале, есть отдел одежды эконом-класса, довольно неплохого качества.

– А я давно тебя жду, красавица, – уперев руки в бока, заявила Клавдия Ивановна, ждавшая у двери Светиной квартиры, и тут же нахмурилась, не заметив по лицу девушки проявления радости.

– Я, наконец, вещей прикупила и вкусностей к чаю, конфет разных, там, по акции. Премию дали, – вымученно улыбнулась в ответ Света и добавила: – Заходите. – А что ей ещё оставалось.

– И чем же ты таким болела, дорогая моя девочка, что так исхудала? Совсем на себя не похожа, и вижу, что аппетит у тебя тоже плохой. Поэтому вот травки тебе витаминной, стимулирующей и укрепляющей принесла. Пей, как написано на коробке, и всё снова наладится. Вернётся румянец на щёчки, и вес прибавится, дорогая моя, – бросила в рот очередную конфету Клавдия Ивановна.

А Света промолчала, хотя сильно хотелось рассмеяться, ведь соседка тощая, как селёдка, хоть ела отменно за троих: и макароны, сваренные наспех Светой, с томатной пастой и яичницей-глазуньей, и принесённую с собой морковную запеканку. Видимо, ей-то травки совсем не помогали вес на-

братъ. Ну да ладно.

– Я не хочу об этом говорить, Клавдия Ивановна. Хочу забыть как кошмарный сон. Расскажите лучше, как дела у вас. Затем могу показать вещи, что купила, идёт? – предложила Света, и соседка кивала, прожёвывая третий кусочек запеканки, затем ещё конфетку и ещё.

До просмотра вещей дело не дошло, перенесли на завтра. Клавдия Ивановна переела и, пожаловавшись на тяжесть в животе, пошла к себе, чтобы выпить травки для улучшения пищеварения.

А Света, выпив только чая, пошла спать со спокойной совестью, решив, как пресловутая Скарлет, подумать обо всём завтра.

Проспала, но выспалась, поэтому засуетилась, но свечу с собой взяла и выбросила в урну на остановке. Почувствовав облегчение, поторопилась к метро.

К слову, на работе у Светы всё спокойно, никто не донимал вопросами. Маша неожиданно уволилась, и все обсуждали её. А начальник, солидный неженатый мужик лет пятидесяти, ни с того ни с сего стал оказывать Свете недвусмысленные знаки внимания, что было лестно, но при этом смешно и грешно. Он же ей в отцы годился, пусть и богатый, но такой некрасивый, рябой, с усиками, притом, что низкорослый. На полголовы ниже Светы, вот уж кавалера нелёгкая (именно она, кто иначе?) подослала. И вот же незадача. Света не знала, как себя с директором вести и что делать, при

этом сохраняя вежливость и бесстрастное лицо. А он всё настаивал, всё подсаживался на обеде, приглашал на ужин, и коллеги уже зашептались.

И Света, наверное, бы лучше уволилась или осмелилась отказать, как, придя домой, обнаружила свечу из магазина, у изголовья кровати. Свеча вдруг загорелась сама по себе, словно её, Свету, дожидалась, и завоняло сразу так сильно да невкусно, что девушка закашлялась, и от накатившего внутреннего холода затрясло. Чертовщина какая-то творилась, не иначе.

Света вскрикнула, когда затошнило, и побежала в туалет, где сидела очень долго над унитазом. Выворачивало желчью и, что страшнее, кровавыми сгустками. А бледное лицо в зеркале она не узнала, настолько осунулось, что краше в гроб, наверное, кладут. Она так испугалась, что едва поползла до кухни, там, где с вечера оставила сумочку с телефоном, сама не зная, кому звонить, кроме скорой. И разрыдалась, а тут соседка пришла, в дверь позвонила, и с горем пополам Света ей дверь открыла. Клавдия Ивановна взвизгнула, запричитала, помогла добраться до дивана, принесла воды, дала активированного угля, поставила чайник, чтобы заварить крепкого чаю. Тоже предложила скорую вызвать, а Света отнекивалась, и соседка стала допытываться о причине и так ласково и заботливо спрашивала да смотрела, что Света не выдержала, всхлипнула и во всём ей призналась.

– Ох, деточка! Как же так! – И Клавдия Ивановна пере-

крестилась три раза. Затем Свету обняла, крепко прижав к себе, и начала шептать: «Ну ничего, я тебе помогу, вылечу, не брошу, моя ты родная девочка». И плакали уже вместе до поздней ночи, потом Свете полегчало, она даже есть захотела, и Клавдия Ивановна куриного бульончика мигом приготовила и травы заварила, уговорив Свету выпить. И ночевать осталась, сказав, что на работу Свету не пустит.

Утром с начальником сама говорила, голосом строгим, учительским, не терпящим возражений. Никогда ещё Света не слышала, чтобы её солидный начальник так быстро соглашался и сам предлагал на работу не торопиться. Убедившись, что у Светы нет температуры, Клавдия Ивановна забрала свечу, предварительно надев на руки резиновые перчатки, сказала, что поедет в храм за святой водой и там же, на освящённой земле, свечу закопает. Подмигнув Свете, ушла.

Звонок в дверь вырвал девушку из полусна. Света, шатаясь, поднялась с дивана, думая, что Клавдия Ивановна быстро вернулась. Но за дверью стоял директор, с букетом цветов и пакетами. Увидев Свету, он вдруг побледнел и извинился, наверное, уверившись в её болезни, или просто не ожидал, что Свете плохо настолько сильно.

– А вы заходите, чаю попьём, – вдруг заявила Света.

В животе заурчало, и она улыбнулась. Сейчас директор показался ей очень даже миленьким, такой пухленький, аппетитный. Он сопротивлялся недолго. Света же, ощутив внезапный прилив энергии, помогла ему раздеться. Директор

замаялся, чувствуя себя неудобно, и только то паялился на Свету, то хвалил высокие, что сейчас редко, потолки и планировку квартиры.

Чай едва пригубили, Света смотрела на его растопыренные уши с неким умилением и заявила, что директор ей всегда нравился. Он расцвёл и совершенно расслабился... А потом для Светы всё заволочло ярко-алым цветом, оглушило хрустом костей, полузадушенным криком и... сытым наваждением.

– Святая Пречистая Дева, спаси и помилуй!

От голоса Клавдии Ивановны Света пришла в себя и завывала, зарыдала, поползла к женщине, умоляя, прося...

– Ничего, родная, разберёмся, – говорила соседка, глядя Свету по влажным от крови волосам, утирая кровь с лица полотенцем. Света вздрогнула и вырубилась: переполненный живот больше не урчал. Не слышала Света и приглушенного рукой вопля Клавдии Ивановны, когда та в спальне обнаружила целёхонькую и слегка тёплую свечу у изголовья кровати.

– Я пойду к знакомому священнику, всё расскажу, он поможет.

Света очнулась и помогала убирать кухню, запаковывать остатки, ошмётки, обглоданные кости директора по мусорным пакетам, запихивая их в морозильник. Всё не влезало, мешали пакеты с Никитой...

– Я себе положу, у меня морозилка большая. Тише ты,

успокойся... – погладила соседка по спине Свету, а та всё сильнее и громче заливалась истерическим смехом.

Клавдия Ивановна сходила к священнику и обо всём договорилась. Света же выглядела и чувствовала себя просто великолепно. Но пришлось ехать на метро с соседкой до храма, а там, возле ворот, девушку так сильно скрутило, что хоть помирать ложись. Резь в животе, тошнота, слабость одуряющими волнами, и ноги Светы дальше не идут. Маялась с ней Клавдия Ивановна, и батюшка подходил, чтобы помочь, да не сумел: от воды святой Свете только хуже становилось. А как затащить вдвоем её решили в храм, так девушка упёрлась и тяжёлая стала, как глыба каменная. Зашипела, захотала вдруг Светка, заохала и вдруг отбиваться стала, сильная-пресильная, отбилась и убежала. А дома в себя пришла, заплакала, в угол забилась и давай молитву читать, а слова не идут, путаются, оттого всё страшнее ей, всё хуже. И мысли такие жуткие и словно чужие в голову приходят, что хоть вешайся, хоть с крыши прыгай или под машину.... Ведь всё о крови думает, о том, как бы снова мяса человеческого поесть и какой вкусный директор был, жирненький – пальчики оближешь,...

Клавдия Ивановна вскоре пришла, заохала, снова попыталась Светку святой водой напоить, а та взяла и скрутила соседку, осилила и загрызла, да кровь из разорванного зубами горла стала жадно пить. Есть мясо Клавдии Ивановны ей не хотелось совсем: соседка тощая, оттого Свете невкусная.

А дальше что было, то Светка совсем не помнила. Разве что вся в крови вымазанная, растрёпанная на улицу вышла и на проезжую часть к машинам направилась. Сигналили сильно, водители ругались, а она стояла так на пешеходном переходе, пока скорая не приехала и санитары не появлялись. Помнила, как отбивалась, но на этот раз не получилось вырваться.

После больницы началась канитель, расследование, её сбивчивый рассказ – ему не верили. И Свету отвезли в психушку с питанием внутривенно, потому что есть девушке и не хотелось – и не могла, всё назад рвотой выходило.

Худела Светка страшно и быстро, словно снег по весне, таяла на глазах. Санитары, врачи – все разводили руками. Заходя в палату, чувствовали странный запах, словно что-то горело, а что – непонятно, палата ведь крохотная, матрас на полу, стены обиты войлоком, и решётка на маленьком окошке под потолком.

Ночами её посещали кошмары, один страшнее другого. В них женщина из магазина говорила: «Скоро всё кончится». В словах таилось холодное обещание, и Света знала, что конец – это смерть для неё.

Она сломала все ногти, до мяса, и слизывала кровь с расцарапанных ран на теле, пока её не связали, лишив и этой отрады.

Конечно, ей никто не верил: ни санитары, ни врачи, ни даже журналистка с суровым взглядом, которой разрешили

снимать в её палате.

Врачи дискутировали, изучали её случай пристально, словно под микроскопом, но так и не пришли к какому-то однозначному выводу.

В последние дни Света весила меньше сорока килограммов. Её лихорадило от высокой температуры, сколько ни кололи жаропонижающего, и даже ванна со льдом не помогала.

Находясь в полусознании, едва отличая сон от реальности, она увидела рядом с собой свечу, как видела её здесь каждую ночь. Свеча снова превратилась в огарок и теперь едва мигала, растекаясь красной лужицей воска по полу. И, обессиленная, уставшая и совершенно потерявшая волю к жизни, Света знала: когда догорит свеча и потухнет пламя, уйдёт из жизни и она.

Об этом нюансе не писали в газете, не прилагали в участке к делу о сошедшей с ума Рябцевой Светлане Иннокентьевне, ибо такое необъяснимое действие обычно не выходит за рамки больниц, превращаясь в местную легенду, в которой слухов всегда больше, чем правды. Позднее больничные санитары об этом необъяснимом часто судачили, потому что утром в палате Светы никого не нашли. Только на полу стояла красная свеча в форме обнажённой женщины, и пахло очень приятно.

Когда позвали врача, свеча исчезла, как и Света, таким же странным образом. Ещё говорили, что старенькая уборщица мельком в фойе больницы видела элегантно одетую высо-

кую женщину с красной свечой в руке, которая так быстро и неизвестно куда делась, что уборщица и моргнуть не успела. Камера слежения, увы, никакой женщины со свечой не зафиксировала. Поэтому все только развели руками и вернулись к работе, намереваясь как можно быстрее об этом случае забыть.

Заветная мечта сумасшедшего

Врач на обход в палату к сорокалетнему Васе Терехину никогда не опаздывал и всегда приходил с отличным настроением и улыбкой на лице.

А Вася всё равно врача не любил и морщился, когда соседи по палате буквально светились от радости при его появлении и всегда спешили как поделиться своим самочувствием, отвечая на стандартные вопросы врача, так и вообще поболтать с ним подольше.

К слову, поговорить врач любил и уходить от пациентов не спешил, словно работа врачу действительно нравилась, была в удовольствие. И не тяготило его ни однообразие будней, ни немощные, больные старики-инвалиды.

Явно догадываясь о Васиной неприязни, врач оставлял Терёхина напоследок. Тогда он усаживался на табуретку рядом с кроватью, открывал блокнот и задавал банальные и однотипные изо дня в день вопросы, на которые Вася кивал и если отвечал, то односложно, стараясь смотреть в потолок

или вообще от врача отвернуться.

А тот, не изменяясь в лице, расстегивал халат и пуговицы рубашки на своей груди, при этом настойчиво продолжая спрашивать у Васи одно и то же, словно допрос устраивал, словно для врача было очень важно – услышать Васины воспоминания. Терёхин на это лишь стискивал зубы, потому что немощное тело не позволяло стиснуть кулаки. Вася терпел, чувствуя сладкий, удушливый запах, идущий от врача, всё сильнее перебивающий лёгкий запах его туалетной воды. И так продолжалось, пока врач не начинал тихонько кряхтеть, покашливать, и, наконец, допрос прекращался. Врач уходил, а Вася вздыхал с облегчением, чувствуя на лице испарину.

Сегодня утром Вася проснулся необычно счастливым: то ли выспался хорошо, то ли сны снились приятные, а может, в счастье на душе был виноват канун подступающего Нового года? Ответа Терёхин не знал, ведь главное, что это необычное сильное ощущение счастья у него не проходило, хотя с самого утра день в палате сильно не задался. От слова «совсем».

Соседи Васи по палате утром не проснулись, умерли во сне, хотя вчера (Вася это отчетливо помнил) выглядели такими довольными, когда рассказывали врачу воспоминания о своей жизни.

Оттого, видимо, что в праздник всякая смерть с самого утра сильно портит настроение, хмурые санитары, выносившие тела покойных, бурчали себе под нос и укоризненно

смотрели на Васю, словно молча обвиняли. Бросали в его сторону частые взгляды, выражающие недоумение: мол, отчего Терёхин тоже не умер вместе со всеми?

Позднее санитарка – эта широкоплечая, крупной комплекции женщина, с недовольным видом убирала в палате, меняла простыни на кроватях покойников, а Васю на время её работы выкатили на коляске в коридор, где пахло хлоркой и неожиданно приятно – мандаринами.

В коридоре ему оставалось только вздохнуть и ёжиться от холодного воздуха, поддувающего из приоткрытого окошка возле пустующего стола, огороженного стеклянной перегородкой, – пункта дежурных медсестёр. И думать, мысленно скреживая свои в реальности плохо гнущиеся пальцы, надеясь, что сегодня, в праздничный день, будет дежурить любая из медсестёр, только бы не злющая Камелия Ахмедовна.

Наконец санитарка убралась в палате и быстро закатила Васю обратно, забыв поменять ему подгузник, а Терёхин был слишком погружён в себя, чтобы об этом напомнить...

Он укорял себя за забывчивость, дожидаясь завтрака, чувствуя свой неприятный запах, как и нахлынувшее вдруг с особой силой, острое до боли чувство одиночества. Вася ведь не привык находиться в пустой палате, даже если остальные пациенты с ним не особо-то и разговаривали. Причину их антипатии Вася понимал: считали странным и недоразвитым, а ещё слишком уродливым, чтобы подолгу разглядывать, оттого и предпочитали игнорировать.

Да и если честно, что Вася мог бы хорошего кому-то постороннему о себе рассказать?

С подобным положением дел он давно смирился, иначе, скорее всего, сошёл бы с ума от отчаяния, и внутренней боли и, конечно, чувства вины и обиды из-за того, что ему по необъяснимой причине в судьбе, как и в жизни, так сильно не повезло.

Пока Вася медленно ковырялся в завтраке, густой и безвкусной манной каше и половинке варёного яйца, всё думал о покойных родителях, погибших в автомобильной аварии как раз на Новый год, и о том, почему он в той аварии выжил. Ответа, как и прежде, Вася не находил.

Только вот что было странно: сегодня на душе Терёхина от воспоминаний не было тоскливой, мучительной тяжести. Видимо, радость после сна всё ещё грела его сердце ощущением чего-то чудесного, невероятного, должного вскоре произойти, как бы в этом Вася ни сомневался.

Вася как раз начал пить чай и едва не подавился таблеткой, когда, резко скрипнув дверью, в палату зашла медсестра Камелия Ахмедовна. Она всегда жирно красила губы ярко-розовой помадой и густо подводила глаза, а ещё была высокой и грузной, со смуглой кожей и злыми глазами, в которых постоянно словно сверкали грозные, колючие искры.

В её глаза Васе всегда было неприятно смотреть, а холодный звонкий голос медсестры чувствовался на коже Терёхина, как самый настоящий мороз.

Но хуже всего, что Камелия Ахмедовна таких пациентов, как Вася, кто на полном обеспечении государства дольше остальных здесь, в «богадельне», не любила и постоянно ему об этом напоминала. Мол, пользы от Терёхина для общества никакой, только деньги тратятся впустую...

А ещё она постоянно обзывала Васю гнусными, обидными словами – с особой, пронзительной злобой и ядом в своём холодном по-морозному тоне.

Вот и сейчас, не дав допить Васе чай, многозначительно посмотрела на свои дорогие часы на запястье и громко сказала:

– Завтрак окончен, Терёхин, – и выкатила его из палаты в коридор, чтобы в санузле провести положенные процедуры.

Надо сказать, санитарок, как и остального персонала, в «богадельне» сильно не хватало. Поэтому в выходные дни дежурные медсёстры несли, кроме своих основных, ещё дополнительные обязанности.

Вася в ужасе зажмурился, когда Камелия Ахмедовна вкатила его коляску в санузел. Сейчас, подумал он, как обычно вода специально будет холодной, и вонючее хозяйственное нарочно попадёт ему в глаза.

Конечно, так оно и вышло.

А ещё Вася был уверен, что в канун Нового года медсестра будет злорадствовать над ним особенно рьяно, словно тем самым компенсирует себе полученное в праздник дежурство, когда лучше всего находиться дома, в окружении

семьи и друзей.

Позднее Вася не ждал обхода врача – всё-таки Новый год, но тот пришёл: видимо, и ему не повезло сегодня работать. Но в этом его врачебном «везенье» Вася по необъяснимой причине сомневался.

Итак, едва с приходом врача закрылась дверь в палате, как сразу от него отчетливо повеяло сладким запахом. Сам врач же приветливо улыбался, а его глаза блестели, внимательно посматривая на Васю, как будто в некоем томном предвкушении...

Чего именно предвкушал врач, этого конкретно Вася не знал, но чувствовал только, что с врачом наедине в палате оставаться сегодня, как никогда прежде, сильно не хочет. И оттого задрожал.

– Итак, Василий, – вежливо начал беседу врач, усаживаясь на табуретку. Что-то такое в его голосе и словах показалось Васе зловещим. – Вот мы и остались одни, – продолжил врач. – Поэтому тебе больше незачем стесняться и держать прошлое в себе. Рассказывай, Василий. Вот увидишь, тогда, как остальным, – многозначительно добавил врач, вдруг перейдя на заговорщицкий шёпот, – тебе станет легче, и всё наконец-то закончится.

Вася прижался спиной к стене, неосознанно отгораживаясь от врача. Запах сладости усилился. Вася смотрел на врача, в его вдруг ставшие страшно голодными глаза, и от уви-

денного Терехину стало совсем жутко.

Он хотел зажмуриться, но не мог, точнее – не получалось. Врач встал с табуретки и подмигнул ему, словно прекрасно понимал то, что с Васей в его присутствии происходит. А ещё врач стал расстегивать свой халат, и сладкий запах снова усилился... Но самое странное, что кожа врача, в области шеи, была дряблой и пористой, какой становится старая губка после долгого использования.

– Давай, Василий, не томи, – поторопил врач. – Я же знаю, что тебе есть что мне рассказать, много чего памятного и счастливого из твоего детства до аварии.

Врач наклонялся всё ниже. Сладкий запах в палате становился всё сильнее, острее и удушливее. Оттого Терёхин не мог ни отвернуться, ни крикнуть, и вдруг его мочевой пузырь сжался, и Вася описался и всхлипнул одновременно от стыда и от облегчения, потому что смог, наконец, отвести взгляд от пылающих голодным огнём гипнотизирующих глаз врача. А затем, сам не зная, где, но Вася нашёл в себе силы и смелости громко, пусть и пискляво вскрикнуть:

– Я обмочился!

Врача от его слов как от тока дёрнуло. Он поспешно застегнул халат и изменился в лице, посерел и с недовольством, разочарованным голосом буркнул:

– Вот как! – И уже у двери, обернувшись, добавил: – Значит, выговоришься мне в другой раз, Василий. И поверь: с того нам обоим сразу очень сильно полегчает...

И напоследок одарил его искусственной и широкой улыбкой. Затем вышел. Вася поёжился и чихнул. От сладкого, приторного и очень навязчивого запаха в палате першило в носу.

Он думал о своём детстве, таком счастливом и радостном в окружении любящих родителей, пусть оно и было недолгим, но навсегда осталось в памяти. Как и Новый год, в который его родители переодевались в костюмы деда Мороза и Снегурочки и выступали возле городских ёлок – и всё это совершенно бесплатно, как и дарили детям подарки, купленные за свой счёт. Васю они брали с собой постоянно – и это для него был самый лучший праздник, когда видишь и буквально осязаешь чужую детскую радость, особенно в детских домах, куда мама с папой тоже заглядывали и подарков там дарили целую кучу, всяких, разных, собранных заранее с помощью равнодушных людей.

Вот этими воспоминаниями он ни за что на свете не поделится с приставучим врачом, потому что они у Васи были самые ценные, помогающие не сдаваться и жить, пусть ему порой становилось совсем тяжело.

– Чего это ты улыбаешься? Наделал делов, как маленький ребёнок, назло мне! Верно, гаденыш? Всегда ты умудряешься подгадить, не даёшь спокойно работать, даже в праздник! Ничего, сегодня я тебя накажу по заслугам! – разъярилась Камелия Ахмедовна, ворвавшись в палату, как злобная фу-

рия, с пылающими от гнева щеками и ядрёным запахом сигарет.

Затем жёстко сорвала с Васи одеяло, прищипнула и, направилась к раковине в углу и к шкафу, где хранился запас подгузников, тазик, клеёнки и хозяйственное мыло. И, обернувшись, погрозила Терёхину пухлым пальцем, расплываясь в нехорошей улыбке, полной обещания холодной клеёнки, вместо положенных подгузников, сорванного одеяла, теперь аккуратно сложенного на соседнюю кровать, чтобы Вася долго мучился от собственной беспомощности и холода.

Потому что Камелия Ахмедовна прекрасно знала, что хриплый и тихий голос Васи никто из персонала за шумом музыки и застолья не услышит, а тот похрипит себе, поплачет и, как обычно, успокоится. А там вот и скорее место своё незаслуженное в палате освободит для более достойных оно-го кандидатов.

Сделав всё необходимое, медсестра ушла, погасив дневную лампу и включив ночное, тусклое освещение. Оставила Васю лежать на кровати раскрытым, в одном белье, на клеёнке поверх губчатого матраса. А он, сильно стискивая зубы, чтобы не плакать при Камелии Ахмедовне во время её манипуляций, специально вспоминал своих родителей: высокую маму, в Новый год переодевавшуюся дедом Морозом, и низкорослого папу, в костюме Снегурочки. И то, как над ними в детском саду постоянно смеялись как дети, так и воспитатели – при виде комичной, несуразной пары – его мамы

и папы. И то, как ему честно сказать, на весь их смех было по барабану. Ведь мама и папа так сильно любили друг друга, что буквально светились от своей любви изнутри, и Васю очень любили и учили на чужое мнение и усмешки никогда не обращать внимания.

Вопреки холоду без одеяла, он задремал, и приснилось Васе, что он снова маленький мальчик и лежит в больнице после аварии, с перебинтованной покалеченной головой и ногой в гипсе. И в этом сне мама и папа по ночам всегда были с ним, молчаливые, с серыми лицами в своих новогодних костюмах.

Они держали его за руку и взглядами говорили, чтобы Вася ни о чём не волновался, и о том, что они своего сына никогда не оставят.

Затем сон закончился, и сразу начался другой, в котором Терёхин уже находился в детском доме инвалидов, где мучился, изводясь из-за страшных головных болей и едких насмешек учителей и других детей.

В этом детском доме инвалидов его постоянно очень плохо кормят, и все совсем Васю не любят, потому что тот плохо соображает из-за травмы головы, оттого часто нечленораздельно говорит и заикается...

А затем однажды, на Новый год, поздней ночью, к нему снова приходят мама и папа и дарят деньги, много денег, которые по глупости своей маленький Вася не смог сберечь и спрятать. Деньги у него утром забирают взрослые, а его силь-

но наказывают, обвиняя в воровстве. Конечно, они не верят, что деньги у Васи от родителей.

Вася от шума, смеха и громкой музыки из коридора просыпается. Ему, раскрытому, очень холодно, и зубы начинают стучать сами по себе. Терёхин ворочается, медленно и упорно двигаясь к краю постели, и тянется изо всех сил руками, чтобы взять своё, забранное медсестрой одеяло с соседней кровати, но, сколько он ни старается, всё напрасно.

И Вася плачет от холода и сильной, до боли в сердце обиды, пока его плач не превращается в глубокие, хриплые и долгие рыдания, которые незаметно стихают вместе с музыкой в коридоре и шумом.

Выплакавшись, Вася неожиданно снова засыпает и вдруг резко просыпается от чувства неясной тревоги и ощущения, что в палате с ним находится кто-то ещё. В тусклом свете фонаря из окна и включённой медсестрой на ночь экономичной лампочки едва ли что-то можно рассмотреть, но этот вернувшийся сладкий запах, его лёгкий, при этом навязчивый дух ни с чем не перепутаешь. Значит, здесь с ним врач.

Словно слыша мысли Васи, врач подходит ближе, включает свет дневной лампы, которая с потрескиванием и неохотой разгорается под прямоугольным плафоном, заставляя Васю закрыть слезящиеся, привыкшие к сумраку глаза.

Когда он их снова открывает, то врач уже сидит рядом, на табуретке, и усмехается. Запах становится сильнее, врач говорит, и голос его невероятно гулкий и неприятный, так

что Вася вздрагивает:

– Эх, Терёхин, намаялся я с тобой возиться. Ты же и сам в курсе, чувствуешь ведь, не так ли? Значит, так. Хватит сопротивляться, Василий, и вести себя глупо и мучить нас обоих. Расскажи лучше мне всё о себе, то самое заветное и самое счастливое из детства. Вспомни, как остальные здесь делились со мной своей радостью и потом весело смеялись, потому что им становилось легко и хорошо.

– Они умерли, – находит в себе силы сказать Вася, но вот отвернуться от взгляда врача, от его всё усиливающегося густого сладкого запаха – этого Васе сделать никак не удаётся.

– Василий, сдавайся по-хорошему! – миролюбиво предлагает врач и расстегивает свой халат. Затем переходит к рубашке, и кожа под ней, как и на шее, губчатая, рыхлая и пористая, а ещё там крупные ворсинки, такие, какие бывают на заношенном свитере, только у врача они живые и шевелятся, извиваясь, как червяки.

Васе становится жутко, и от этой накатившей крепкой жути у него немеет тело. А язык становится во рту огромным и неподвижным. Он едва ворочается, чтобы выговорить практически по слогам:

– Зачем вы так со мной? За что?

– Я же ради таких, как ты, бесполезных для общества людей стараюсь. Облегчаю ваши страдания и этим кормлюсь, а вы себе потом мирно уходите во сне, пустые внутри своей черепушки, но кто это проверять будет? – хихикнул врач, и

Вася понял, что сегодня ему никакой пощады не будет и никто не поможет. Иначе тот бы не стал откровенничать.

Вася тоскливо посмотрел в окно. Разом стало грустно и обидно как за себя, так и за других, убитых врачом. И подумалось с надеждой: может, стоит потянуть время, до утра как-нибудь продержаться, до обхода Камелии Ахмедовны?

Терёхин вздохнул, усмиряя свой порыв. Глупость какая, не получится у него подобный трюк повернуть. Словно чувствуя его смятение, врач заполнял комнату всё более удушливым запахом, сладким и в своей сладости омерзительным до тошноты. Вот Васю и вырвало прямо врачу на колени, тот вскрикнул с удивлением и злостью, вскакивая со стула, направившись к раковине. А Вася вдруг рассмеялся своей маленькой победе и краткой отсрочке смертного приговора. Оттого сразу легче на душе стало и сил словно прибавилось, чтобы вернувшемуся врачу, в замытых штанах и халате, сказать:

– Я ничего не буду рассказывать!

– Посмотрим!– пригрозил врач, протягивая свои руки к Васиному лицу.

Вася закричал, потому что на ладошках врача тоже выступили ворсинки. Они извивались, как черви, и тянулись сами к Васиным глазам и носу.

Внезапно окно распахнулось – и палату наполнил холод и снежный ветер, уничтожая сладкий запах. Врач мгновенно опустил руки, оглянулся и выпалил в ошалелом недоумении:

– Кто посмел?

Сердце Васи неожиданно кольнуло от предвкушения грядущего чуда и, что совсем необъяснимо, от надежды. Чувство это было таким сильным, как поутру после сна.

Вася громко засмеялся, захохотал от распирающего изнутри счастья, когда рассмотрел две фигуры возле распахнутого окна. Одна – высокая, в красном костюме, белобородая, в шапке с помпоном на голове и красным мешком в руке.

Вторая фигура лишь доставала до пояса первой, в своём голубом платье, подбитом по краям белым мехом, и с белой длинной косой – это, вспомнил Вася, был папин громоздкий парик для праздничного образа «снегурочки». От радости, смешанной с неверием, словно всё ему снится, Вася слегка приподнялся и крикнул:

– Мама! Папа! – словно опасался, что происходящее ему на самом деле именно снится и надо кричать громко, чтобы слышали наверняка.

– Сына, родной! Не бойся, мы пришли за тобой! – прозвучало в ответ гулко и в один голос.

Внезапно снег стал валить прямо с потолка. И эти крупные пушистые белые снежинки вызывали у Васи детский восторг.

– Что за шутки? Отвечайте! – грозно крикнул врач, ёжась от ветра и оставаясь на месте.

Мама с папой передвигались рывками, чудным образом, словно по воздуху плыли, а ещё они громко сопели по-звери-

ному. Оттого, вероятно, врач начал пятиться спиной к двери, но снова подул ветер, дохнув роем снежинок врачу в лицо, и он замер на месте, ссутулившись и наклонив, пряча от ветра, голову.

– Кто тут у нас? – звонким голосом «снегурки», как бывало на выступлении, спросил папа.

Мама уже находилась у врача за спиной. Она шумно задышала, засопела и, принюхиваясь, провозгласила:

– Чую, пахнет гнильцой! – Прозвучало тоже, как бывало на выступлении, гнусаво, по-мужски.

– Ага! – звонко подтвердил папа и подмигнул Васе (мол, смотри, что сейчас будет).

– Давайте разберёмся! Хорошо ли он себя вёл? – спросили, окружая и тесня врача собой так, что тому и с места было не сдвинуться.

Врач покачал головой, будто стряхивая наваждение, а затем выпрямился, став сразу выше ростом, и с уверенностью в голосе сказал:

– Сейчас вам обоим не поздоровится, глупцы!

– Ай-яй-яй! Какой нехороший мальчик! – пожурил папа.

И мама подтвердила:

– Гнилой он. Полностью.

– Значит, накажем! – в звонком женственном голосе мамы сейчас прозвучала сталь.

– Я вас на куски порву и сожру! Не на того полезли! – разъярился врач, и тут в одно мгновение его халат треснул, шта-

ны лопнули по шву, свитер разорвался. И вот уже мама с папой окружают настоящее страшилище.

От былой человеческой внешности врача осталась только голова, на которой рот растянулся, словно резиновый, образовав пасть, полную тонких и острых зубов. А тело всё раздулось, набухнув, как на дрожжах, и извивались на коже ворсинки, резко потянувшиеся в сторону мамы и папы, опутывая их сетью из плотных и длинных ворсинок—червяков.

– В мешок его, живо! – приказал папа голосом звонким, но твёрдым и совершенно мужским.

– Ага! – поддакнула мама и чихнула на облако жёлтой пыли, что исторгла из себя сеть ворсинок. Затем разорвала её руками. Папа сделал так же.

Существо-врач на это освобождение из сети расстроено взвыло:

– Почему? – видимо не ожидая, что пахучая субстанция из его тела на пришлых совершенно не подействует. Мама открыла мешок – и уже было набросила его на голову врача, как папа сказал:

– Погоди-ка милая! – и посмотрел на Васю, который отчаянно пытался не отключиться, лежал на спине, на постели, и тяжело дышал. На него-то огромная доза ядовитой сладости из ворсинок на теле врача подействовала.

– Куда собрался, мразь! Не отпускали тебя!

Папа подпрыгнул, вцепился в шею врача – и давай его душить. Врач изо всех сил сопротивлялся, извивался, испускал

сладкий, тошнотворный запах, но тут резво подключилась мама, стиснула его за плечи до хруста, пока врач сам ещё больше не хрустнул. Сжался, побеждённый, и закрипел, подыхая, истекая желтым соком.

Папа крикнул:

– Сына спасай!

Тут уже Вася отключился, но перед тем ещё успел увидеть, как мама лихорадочно раздирает руками останки врача и что-то ищет у него внутри, а затем с найденным «нечто», сияющим белым светом, стремительно направляется к нему, к сыну Васе.

Вася закашлялся и открыл глаза. Он лежал на снегу, которым по самый подоконник была завалена его палата, так что и кроватей не видно. С потолка сыпал снег, рядом сидели папа с мамой в своих новогодних костюмах, и ему, вопреки снегу, совершенно не было холодно.

– Я сплю или умер? – спросил Вася, чувствуя небывалую лёгкость и энергию в теле, а ещё непривычную ясность в мыслях.

– Ты жив, сына, – ответила мама и поцеловала в лоб холодными серыми губами.

– Тсс, вставай, – добавил папа и улыбнулся, помогая ему подняться.

Вася покачал головой: наваждение не проходило. Но, похоже, его это не волновало, ибо Вася снова мог ходить, и пальцы на его руках стали подвижными, как прежде. И во-

общее выходило, что Вася сейчас был голый, а собственное тело как будто всё ещё оставалось странно чужим, хоть с виду оно совершенно здоровое и крепкое. Не такое, как раньше: тощее и немощное.

Словно читая его мысли, мама достала из своего красного мешка сначала бельё, потом джинсы, майку, свитер, ботинки и зимнюю куртку с шапкой.

– Бери, надевай, сына!

И Вася, всё ещё офигевший от происходящих чудес, с радостью предложенные вещи надел, попутно глядя, как мамин мешок всасывает в себя, словно пылесос, останки врача и с жадным урчанием чавкает, как какое хищное животное.

«Брр, – мысленно сказал себе Вася, – ну и дела здесь творятся». Решил, что если и спит, то лучше больше не просыпаться, потому что во сне он находится или наяву – это не важно. Главное: он снова здоров и может ходить – и оттого счастлив.

А мама с папой стоят в коридоре, торопят идти за ними, и Вася спешит. Теперь они вместе не то идут, не то летят. Всё с Васей происходит как в волшебном сне, где с потолка кружит сам по себе крупный белый снег, а стены, пол – покрываются коркой льда и изморози. Свет в лампочках на потолке тоже словно замерзает, становится тусклым, серым...

– Сейчас наведём здесь порядок, а потом будет тебе, Вася, подарок! – в снежном ветре проступает шёпот, и вот – не успел Вася моргнуть, как они оказываются возле поста мед-

сестры, где громко храпит за столом Камелия Ахмедовна.

– Чую, она тоже гнилая! – хихикает, как девчонка, мама и снимает мешок с плеча, командуя тому: «Фас!»

Затем всего на мгновение Вася видит в очертаньях мешка красную крупную собаку, с виду мастиффа, а потом снова обыкновенный мешок. И тот вдруг сам по себе в прыжке перелетает через постовое стекло и буквально проглатывает медсестру, надеваясь на её голову и растягиваясь всё больше и больше, пока Камелия Ахмедовна полностью не оказывается внутри. Тогда мешок успокаивается и замирает, а изнутри его слышатся ярые приглушённые вопли и крики, которые внезапно становятся громче, но вскоре стихают совсем, когда мешок громко чавкает и крепко сжимается.

– Не плачь, сына! – ласково говорит мама. Так надо поступать, чтобы польза была остальным с этой гнили...

Вася в ответ хлопает носом, он сам не знает – почему, но медсестру ему жалко.

Мешок вскоре уменьшается до нормального размера, только теперь он толстый, словно внутри лежат подарки, и мама ловко перекидывает его через плечо.

– Поторопимся! – бодро говорит папа, и они все вместе снова то ли идут, то ли летят, но на этот раз останавливаются возле каждой закрытой двери палат, где папа с мамой принохиваются и прислушиваются. А затем они улыбаются и открывают мешок, чтобы через тонкую щель под дверью, впустить туда из мешка белый свет, поясняя, что он прине-

сёт кому полное исцеление, а кому даст умереть во сне легко и без мучений.

Так они обходят всё здание, не пропустив ни одной палаты с больными внутри, пока мешок не пустеет.

Затем, взявшись за руки, все вместе вылетают из окна в коридоре и так летят далеко-далеко, а внизу, на городских улицах, люди до самого утра празднуют Новый год, взрывают шумные хлопушки, петарды и устраивают фейерверки.

– Эх, как же время быстро летит, сына, – говорит, приземлившись на мосту за городом, папа.

– Ну, ничего, у тебя теперь ещё много праздников будет, Вася. Ты снова здоров и можешь начать жить сначала – так, как того сам захочешь! А нам пора прощаться, – говорит мама, и её голос дрожит.

Слёзы застилают Васе глаза, потому что он узнаёт этот мост и замёрзшую речку под ним. Здесь давным-давно погибли его родители.

– Вот, держи! – протягивает сыну мешочек с драгоценностями папа. – Хватит и на новые документы, и на всё остальное с лихвой.

– Иди через лес, там недалеко будет деревня, где люди ещё не прогнили. Они тебя приютят.

Низкорослый папа обнимает спереди Васю за пояс, мама со спины крепко, с чувством стискивает его плечи.

Он догадывается, что мертвые плакать не могут и что больше они никогда не увидятся. Вася плачет за всех, всхли-

пывает, ведь ему так хочется, чтобы родители остались.

– Не смотри! – шепчет папа и первым уходит к краю моста, чтобы исчезнуть.

– Прощай, сынок! – говорит мама и идёт следом за ним.

Вася сжимает в руках мешочек и медленно, с неохотой отворачивается. Он смотрит в сторону леса и думает: забудет ли он обо всём когда-нибудь и сможет ли вообще забыть? Но точно знает одно, что теперь будет жить по-настоящему.

Когда пришла снежно – белая жуть

Гудение – и ярко-белый свет бьёт из всех щелей. Пол дрожит под ногами. Стены шуршат... Коридор упёрся в тупик с лазом, узким – наверное, и Варюша не пролезет. Но другого выхода нет.

Снимаю прибор с запястья, и лампочка-глаз обнадёживающе вспыхивает зелёным. В слезах глажу дочку по голове. Объясняю: надо влезть в эту дыру – и ползти, пока не найдёт тёмное место.

От моих слов глаза Варюши в панике расширяются. Она умоляет:

– Мамочка, не надо... Не хочу туда одна, мамочка!..

Худенькие плечики дочки сотрясаются от рыданий. Я сглатываю ком в горле и настаиваю:

– Варя, послушай, ты должна... ради меня, родная...

Обматываю тоненькое запястье ремешком прибора.

... Суббота, ясное погожее майское утро. Совсем не хочется спать, да и улица зовет погулять. Варюша, четырёхлетний жаворонок, просыпается ровно в шесть и сразу бежит в нашу с мужем спальню и ищет папу.

– Вафельки с черничным вареньем будешь? – зеваю.

Малышка забирается на кровать. Каштановые волосы спутаны, словно дочка всю ночь не спала, а носилась без оглядки.

Пижама Варюше коротковата – подмечаю и снова объясняю ей: папа вернётся из командировки завтра, а сегодня мы пойдём гулять в парк, будем есть мороженое, покормим уток в пруду. Дочка расплывается в проказливой улыбке, точь-в-точь как у папы; на щеках проступают ямочки, и она кивает.

Лёшка смотрит точно так же. Гляжу на неё и думаю: наверное, за тёплый взгляд мужа и полюбила.

... Мы шли мимо торгового центра. Варваре приспичило в туалет. Возможно, это и спасло нас... Забежали в торговый центр. Едва успели сделать свои дела, как под ногами вздрогнул пол. С треском подскочила плитка, туалетные кабинки закачались и сложились, как карточные домики, – мы, испуганные, с криком бросились к стене, а там... За узким окном вспыхнул яркий свет – и голубое небо выцвело до белизны.

От ужаса прижала к себе пискнувшую от резкого жеста Варюшу... В помещении что-то щёлкнуло – я резко оглян-

лась. Лампы замигали и потухли. Ужасающая тишина разом впитала все звуки.

Снова обернулась к окну. Крохотное, у самого потолка. Потому и видно: с неба падают идеально круглые снежинки. Но... это не снег! Касаясь стекла, они шуршали и потрескивали, как гремучая змея перед броском.

Дочка не хныкала. Замерла, глядя на окно, а потом прошептала: «Мама... почему снег шуршит?»

Я открыла рот ответить – и шарахнулась в угол помещения. Зубы непроизвольно застучали от резких и пронзительных воплей и визга снаружи, на улице. Так могли кричать лишь обезумевшие от боли и страха звери. Вскоре дикие вопли били по нервам, вспыхивая уже гораздо ближе, за дверью в туалет, внутри торгового центра... И затихали – один за другим.

Что дальше – помню плохо. Разве только, что сидели с дочкой в углу, сбоку от раковины, крепко обнявшись.

Потом крики стихли. Но очнулась я не сразу... Свет не работал. Вообще. Телефон превратился в бесполезный кусок пластика.

Позднее (наверное, уже вечером) мы брели по торговому залу в темноте, почти на ощупь: огромные окна центра отражали лишь неровный мрак. Подошвы то и дело отвратительно скрипели на чём-то шершавом и хрустком. Повсюду валялись разбросанные вещи, а на кафеле застыли липкие и скользкие лужи черноты, напоминающие о крови. Желудок

крутило, желчь раз за разом подкатывала к горлу. Я вспоминала мужа, представляя, что он живой и всю ищет нас, и брала себя в руки, сжимая ладошку дочери и внушая себе, что всё будет хорошо.

Постояли у окна. Кое-что видно. На улице всё ещё сыпались белые шарики. Низкое небо цветом и формой напоминало вату, пронзаемую болезненно яркими, белоснежными молниями.

Мы с опаской спустились по мёртвой лестнице эскалатора на первый этаж. Вокруг густая и злобная тишина, наполненная сумеречно-белым светом. Вонь аммиака и серы... Варя испуганно встала у шкафов для хранения вещей. Я проследила её взгляд и поёжилась.

Прозрачные входные двери зажали тело. В проём медленно, но настойчиво влетали, рассыпаясь по полу, белые шарики.

Мы приблизились, и я резко дёрнула к себе Варю: та, точно зачарованная, нагнулась – потрогать белую кучку.

– Не надо! – пробасил кто-то сиплый.

Из продуктового отдела вышел высокий лысый мужчина в униформе охранника... В руках, обтянутых резиновыми перчатками, горит свеча. Квадратное лицо с резкими чертами, высокий морщинистый лоб. Кустистые седые брови. Жёсткие глаза осматривают нас внимательно, оценивающе. Несмотря на внешнее спокойствие, на лице мужчины – печать ужасного потрясения. В глазах проглядывает страх, от-

чего у меня мороз по коже.

... Жора Иваныч попросил меня помочь закрыть двери. На всякий случай... Из кармана куртки вынул пакет с резиновыми перчатками и с парой дождевиков. Велел надеть из предосторожности.

Я присела перед дочкой и попросила её оставаться на месте, пока взрослые поработают. Варюша кивнула и, обхватив себя руками за плечи, стала смотреть на улицу.

Пока оттаскивали в сторону тело старика в спортивном костюме, едва дышали, а я не могла оторвать взгляда от гнойных язвочек на коже трупа. Глаза ему полностью закрывала белёсая плесень, гнездившаяся на лбу.

– Это точно от небесного пенопласта, – хмыкнул Жора, поёжившись, и рассказал, как пару часов назад пытался остановить людей, ринувшихся из магазина к своим машинам. И как многие упали там, на улице, как истошно кричали от боли, как пытались вернуться, но... А ещё он рассказал, как группа людей мгновенно исчезла во вспышке молнии, после чего откровенно струсил и заперся в подсобке... Он говорил и дрожал, не замечая слёз.

Двери закрылись. Пару минут мы тупо наблюдали: белые шарики медленно проедают наши защитные дождевики и резиновые перчатки, брошенные в углу, возле тела старика.

... – Мамочка, я хочу пить!

Варя затормошила меня за рукав ветровки. Жора кивнул и повёл нас в буфет для персонала.

Коробка со свечами на столе охранников – настоящее со-
кровище! Фонарики-то не работали.

В буфете мы ели круассаны, запивая их молоком. Обсуж-
дали разные варианты причин произошедшего... Варюша
вела себя тихо, но я видела – ей страшно. Жора показал ей
табельный пистолет и обещал защитить от любой напасти.
Варя слабо улыбнулась.

В торговом центре мы просидели дня три. С настенным
планом в руках обследовали все помещения. Живых не на-
шли. Странно: или в плане ошибки, или мы и правда не до-
считались пары десятков помещений, вместо них натываясь
на глухие стены и тупики.

Устав ждать помощи, терзаясь догадками и сомнениями,
набили сумки необходимым и засели в офисе бухгалтерии,
где снова впустую строили теории о причинах катастрофы:
биологическое оружие? Инопланетная угроза? Рассказыва-
ли о себе и порой даже вымученно шутили.

Несколько раз торговый центр трясло. От взрывов снару-
жи закладывало уши.

... – Мамочка?! – пискнула Варюша, показывая на побе-
левшую от свечения стену в коридоре.

Жора вынул из кобуры пистолет, и мы несколько секунд
сидели, как в стене, вспучиваясь, проступают безглазые че-
ловеческие лица.

Крадучись, не спуская взгляда со стены, мы попятились к
лестнице – и побежали. Свечение же медленно и настойчиво

следовало за нами.

Инстинктивно мы прятались от него в технических помещениях, спускались на подземную автостоянку, убегая в шаткую безопасность темноты, отчаянно надеясь, что свечение обойдет нас стороной.

Удача нам благоволила. Поколебавшись у двери на парковку, свечение замигало и истаяло. Мы дружно выдохнули.

Варюша первой заметила, что снег закончился. Решили отправиться на разведку. Вернувшись на второй этаж забрать оставленные в бегстве сумки, мы упёрлись в тупик – в глухую металлическую стену, зловеще поблёскивающую белым инеем.

Боже, пришлось разделиться и бежать в продуктовый отдел, чтобы набрать еды и питьевой воды.

Глухой звук, толчок, вибрация – пол вылетел из-под ног. В панике вскочили на ноги. Я подняла Варюшу, шипя на её вскрик: «Мамочка, больно!» Жора лихорадочно запихал все пакеты в сумку, поглядывая на потолок в сети трещин и на молочно-белый свет, ползущий со стен.

Даже улица, белая от ядовитого вещества, пугала меньше, чем происходящее в торговом центре.

Варюша на моих руках. Жора перекинул на плечо ремень отяжелевшей сумки, и мы, обутые в резиновые сапоги (единственное, что придумалось для бега по улицам с белым ядом), понеслись к выходу.

Снаружи ориентиром служат остовы фонарей. Машины

исчезли, лишь колеблются призрачные контуры зданий. От белого вокруг уже тошнит... В груди от бега спирает, в боку колет. Но остановиться нельзя. Инстинкт вопит: остановка – смерть.

Под подошвами скрипит псевдо-снег, ноздри опалает и раздражает аммиачная вонь. Остаётся позади ТЦ, скрежет и вой. Ватные небеса часто режут насквозь зигзаги молний. Почему же не гремит гром?!

Задыхаясь, я обернулась. Колени подогнулись, мороз прошёлся по позвоночнику. Варюша вцепилась мне в шею, дрожа и всхлипывая.

Горизонт везде одинаково дымчато-белый! Торговый центр исчез!

Холод упал – и снова начался снег. Дикая паника. Оглядываемся и бежим, лишь наугад, чудом наткнувшись на вход в подземный переход. В глубине перехода – тишина, плотная, практически осязаемая, только слышен шелест нашего дыхания, да режет нос запах аммиака. Темнота, и боязно сделать шаг вперёд, ибо... вдруг там притаилось что-то неведомое?

Мяуканье, жалобное. Настоящее.

– Мамочка, где котики?! – возбуждённо шепчет дочь. Я облегченно вздыхаю, оглядываясь на Жору, запалившего свечу. Пламя ровное, яркое.

В глазах мужчины уверенность: мяуканье – в переходе безопасно. Снова мяуканье – Варя отпустила мою руку, что-

бы побежать вперёд.

– Дочка, стой, подожди! – крикнула я и побежала за ней. Жора за мной.

Разбросанные книги и детские игрушки под ногами, растоптанные цветы и лотерейные билеты. Разбитое стекло в газетном ларьке. Снова «мяу» – явно из раскрытой двери магазинчика, и Варя первой заскакивает внутрь.

Грязная, измученная старушка с двумя неопределенной породы кошками явно не в себе, что-то лепеча. Острая вонь мочи и фекалий. На полу две сумки для переноски животных.

Старушка хрипловато попросила воды.

Тощие, с узловатыми пальцами руки, обтянутые сухой кожей, дрожа, поднимаются. И – голос Жоры, резкий, предупреждающий: старушка и так не жилец, а вода ещё пригодится.

Он отступил к дверям, а мне хочется плюнуть. Как же так?! Я покачала головой, игнорируя уговоры и пристальный, неприятный взгляд Жоры.

– Дай сюда воду, Жора. Мою бутылку с водой.

Он поджал губы, глянув с лютой злобой, и кинул бутылку на пол.

Старушка с трудом отпила, вода лилась по подбородку. В глазах на мгновение появилась искра жизни.

– Спасибо, дочка, – схватила меня за руку. – Возьми кошек, пригодятся.

Закрыла глаза, вздрогнула и обмякла... Во взгляде Жоры укор: я же говорил!.. Кошки ластились к ногам. Я покормила их, открыв пакет с сыром. Обе без проблем дали посадить себя в переноску.

Жора мерил шагами подземный переход и, думая, что я не замечаю, прикладывался к пол-литровой бутылке.

Снег кончился резко: просто в один момент исчезло шуршание падающих снежинок о ступеньки.

Ватное небо местами позеленело, вспыхивая молниями, бьющими по глазам. Контуры зданий колеблются в туманной дымке. Казалось, ватные облака лижут стены высоток. Ориентироваться практически невозможно. И вокруг опостылевшие, неестественно ровные горки белого псевдо-снега.

С каждым шагом идти всё тяжелей.

Белые шарики под ногами потрескивали, рассыпаясь и снова прилипая друг к другу. Безветренно, и оттого непонятно, откуда идёт аммиачно-сернистый дух, раздражающий глаза и ноздри.

Мы заходили в подъезды, стучали в двери квартир, но никто нам не открыл. А заглянув в окна первого этажа, мы оцепенели: везде блестящие металлическим блеском стены, идеально ровный пол, точно покрытый белым листом, напоминающим нержавеющей сталь.

Жора взял меня за руку. У него неприятно холодные, липкие от пота пальцы, но от их касания стало спокойнее. Я

поёжилась. Не нужно слов: инстинкты требовали как можно скорее уходить, ибо здесь нет живых. Здесь теперь чужая территория. Но... куда идти?

... Я несла кошек, Варя шла чуть впереди, всё чаще сипя с одышкой. Пот пропитал одежду насквозь, от усталости хотелось просто сесть. Жора то и дело ругался сквозь зубы, не стесняясь в крепких словцах и выражениях.

Спальный район позади. Белые холмики напоминают минное поле. Белый квадрат впереди. Возможно, то пустая парковка?

– Кажется, огонек вон там, в окошке! – махнул рукой Жора.

Снова пошёл снег. Жора с энтузиазмом помчался к зданию. Я не спешила, всё с дрожью думалось о минном поле.

С чертыханьем он поскользнулся и, по-глупому размахивая руками, видимо пытаясь удержаться на ногах, упал, а затем начал с криком проваливаться в «снег», словно тающий под ним. А рядом с пшиканьем взорвался холмик. Белые шарики взмыли вверх и стали оседать на тело Жоры. Я успела схватить охранника за руку – и увидела, как шевелятся на его волосах, тихо поскрипывая, белые шарики, перебирая лапками, точно жучки.

– По... моги!

Жора кричал, захлёбываясь, а они лезли в его рот. В глаза. Забивали ноздри. Уши и кожа точно таяли, покрываясь тонким белым налётом.

... Отчаянные вопли кошек и толчок Вари в спину... Грудь сдавлена страхом и безнадёгой. Скользкие от пота пальцы разжались сами... Глаза щипало от слёз. Я отступила в сторону от белого месива, оставшегося от человеческого тела: оно мягко растекалось по дороге, прикрываемое, до-едаемое падающими с неба шариками.

... Несмотря на страшный «снег», мы, осторожничая, добираемся до приметного здания, посматривая себе под ноги и на холмы. Я уже не думаю о том, что нас ищет Лёшка. Я боюсь закрывать глаза, потому что вижу не Жору, а мужа – умирающим под падающим псевдо-снегом...

... Каштановые локоны Варюши спас капюшон ветровки. Ту выбросили, едва мы очутились в доме с людьми, осторожно окликнувшими нас с дороги. Часть же моих волос осталась на плечах (мою ветровку тоже выбросили). Кожа чесалась, хотя нас протёрли прокисшим молоком, поясняя: средство проверенное. А кошки – удивительное дело! – не пострадали.

Командовал здесь высокий, широкоплечий Герман, в камуфляжке, с военной выправкой в движениях. Толстая женщина, с усталым отёкшим лицом, Зинаида Михайловна, готовила, а двое вызывающего вида ребят, с пирсингом на лице, крашеными волосами и агрессивными татуировками на тощих руках и шеях, глядя на нас исподлобья, тасовали карты.

Кошкам обрадовались все. Люди улыбались, хоть и неуве-

ренно, но атмосфера потеплела, а кошек поочерёдно гладили до довольного урчания.

Неожиданно самым разговорчивым и дружелюбным оказался Герман. Он дал нам спальные мешки и показал общую спальню в помещении без окон. Предупредил: ночью держаться вместе, поскольку стены постоянно двигаются и помещения изменяются, то исчезая, то расширяясь. Экскурсию по жилищу и наше обустройство мужчина поручил Зинаиде Михайловне. А Варюша, по-детски любопытная и дружелюбная, пошла знакомиться с ребятами, игнорируя их вновь хмурые и неприветливые лица.

В первую очередь мы помылись, пусть и холодной водой: из-за кислого молока от меня и Варюши неприятно пахло.

Здесь готовили пищу на походных спиртовках. Вышло довольно неплохо, был даже кофе, хоть и растворимый. От тёплой пищи потянуло в сон. Засыпая, крепко прижимая Варьку к себе, заметила необычный прибор на запястье Германа и то, что подле двери бодрствовал один из ребят.

На кошек общие приказы и правила не распространялись, но мы с дочкой присматривали за ними.

Утром кормили овсяной кашей и чаем с черствым печеньем. Готовила Зинаида Михайловна, сразу поинтересовавшись, есть ли у меня припасы. Консервам обрадовалась. Водой-то они запаслись, разместив бутылки и канистры в спальне.

Герман после завтрака провёл подробный инструктаж:

в одиночку – никуда. Ибо здесь заблудиться – раз плюнуть. Затем нас разделили на группы: для обхода жилых помещений, для наблюдения из окон на лестничной площадке. Ребята хмурились, но не спорили, уходя на обход территории, а нас с Зинаидой Михайловной поставили на дежурство ночью и днём наблюдать за улицей.

Смотреть в окно с лестничной площадки жутко: от белизны болели глаза. А дочка хотела играть, и уговорить её не получалось, пока Зинаида Михайловна не предложила Варю порисовать да посмотреть книжку с картинками, которую вытащила из своих вещей, – и неожиданно так расплакалась, что и мне горько стало.

– Ну, что вы, не надо так...

Подошла и обняла её. Даже Варя рядом встала, за руку женщину взяла и тихонько сказала:

– Тётяшка Зина, не плачь...

Та шмыгнула носом, через силу улыбнулась, ласково посмотрев на Варю, и, погладив её по голове, рассказала, как поехала за продуктами, оставив беременную дочку дома, и теперь знать не знает, жива ли она...

– Знаю, глупо надеяться, но так хочется верить.

Она утёрла слёзы. А я взяла и с юмором рассказала про свою никогда не унывающую свекровь. Настроение нам обоим подняла. Сказала ещё, что сдаваться нельзя. Мы ведь не знаем, что в мире происходит. Может, проблему, какой бы она страшной ни была, решили и идут нам на помощь?..

– Оптимистка ты, однако, Лена. Но убедила, – хмыкнула женщина.

Так и стояли у окна, делясь только хорошими воспоминаниями. Варя на полу цветными ручками рисовала дремлющих рядом кошек да солнце, большое и ярко-жёлтое.

Всё хорошо поначалу и даже спокойно. Обыденный день, чередование дежурств, и на миг можно притвориться, что за окном зима, а мы здесь в вынужденном заточении. Тревожило только всё возрастающее беспокойство на лице Германа, его загадочная оглядка на крохотный наручный прибор и то, что продуктов мало. На воде-то долго не выстоять.

Варвара успела подружиться с ребятами, хихикала с ними, играла в прятки, не покидая безопасных мест. Кошки поначалу разбрелись, изучая территорию, но вскоре вернулись, инстинктивно держась ближе к людям.

От дочки я узнала, что у дядечки военного волшебный датчик, который приведёт нам помощь. А Зинаида Михайловна намекнула на некий секретный план, сказав, что Герман просил продержаться всего две недели. По её честному взгляду я поняла, что женщине большее неизвестно – она не из тех, кто задаёт вопросы. Я же, когда урезали рацион, когда Варя и голодные кошки привычно просили есть, а наши консервы и запасы еды закончились, подошла к Герману и потребовала объяснений. Он отложил в сторону тарелку с жидкой овсянкой, встал, возвышаясь надо мной горой.

– Послушайте, Елена Витальевна... – Показал на руке

приборчик в форме пирамидки, с зелёной точкой в центре и кнопками сбоку. – Это маячок. Он работает – значит, с руководством всё в порядке. Значит, нас найдут. Сигнал бедствия активирован в начале события. Не паникуйте, осталось продержаться несколько дней.

В голосе Германа спокойствие, в глазах – убеждённость.
– Хорошо! – выдохнула я.

А он неожиданно дал добро на моё участие в завтрашней разведке и сухо улыбнулся одними губами.

За Варварой и кошками обещала присмотреть Зинаида Михайловна, назначенная как всегда на дежурство у окна, почти до середины заметённое псевдо-снегом.

... Впереди шагал Герман, за ним паренёк с фиолетовыми прядками в модно стриженных волосах. Петя. Второго, с зелёными прядками, звали Женя. Он проверял ближайшие комнаты. Я плелась в хвосте с сумкой в руках и нещадно чадящей свечой.

– Ты только не паникуй, если не по себе станет. Здесь с каждым днём всё слегка по-другому, – шепнул мне Петя.

На третьем этаже в стене оказалась дыра, из неё привычно светлело. Резко пахло аммиаком, на стенах местами проглядывали трещины, а на полу потрескивали редкие белые шарики.

Интересно, откуда они взялись? Шагая по бесконечному коридору, увидела: шарики сыплются из решётки вентиляции и падают ровно один на другой, образуя крохотную бе-

люю горку. Поёжилась.

Мороз пробирал по коже от пустых, будто бы вытравленных стерильным белым цветом помещений. Петя чертил что-то на самодельной карте, за следующим поворотом оказалась ещё одна дыра, и стало уже интереснее. Любопытство вытеснило страх. Ведь одно дело, когда рассказывают, а тут всё видишь воочию.

Мы попали в многоквартирный дом, сверкающий от белого цвета: «иней» на полу, на ступеньках и стенах – такой же скользкий при соприкосновении. Только вот двери всех квартир оказались заперты, а в те, куда удавалось войти... лучше бы мы не заходили.

Белые стены, с крошечком сползших до пола обоев, точно набухли разогретым пластилином, а в них застыли недоформированные человеческие лица. И – будто наблюдают, безглазые, стоит отвернуться.

Увы, мы ничего не нашли: ни банки консервов, ни заплесневелого хлеба. Вода из кранов не шла, лишь жутко клокотало в трубах нечто.

Вернулись, когда у Германа лампочка-глаз на приборчике стала мигать, наливаясь красным, что недопустимо. Петя на карте отметил новые дорожные разветвления и, видимо, пустые квартиры... Как же устали ноги, как же хотелось есть! Но получили только ложку каши, а ещё кипячёную воду или чай без сахара – хм, сколько захочешь. Я поделилась своей порцией с кошками, не могла смотреть в укоряющие глаза

животных.

Зинаида Михайловна легла пораньше, сказав, что чувствует себя нехорошо. Варюша щебетала и показывала рисунки – как свои, так и Женьки, такие же корявые, только мрачные, в чёрно-белом цвете.

Дочка рассказывала, как провела день, и меня спрашивала, куда ходили, но я отмалчивалась. Тогда Варечка и оговорилась про разбитое стекло, про подвижный снежок на полу и про зашипевших кошек. Тут же пальчиками коснулась рта, виновато опустила глаза, умоляя не ругать её за то, что рассказала чужой секрет. Секрет тёти Зины, кого же еще. Сердце кольнуло тревогой. Я со вздохом прижала родную к себе крепко-крепко, поцеловала в лоб и, пообещав не ругать, запела колыбельную. Дочка заснула, а мне не спалось – не давала покоя растущая тревога. И кошки вели себя странно: фыркали, принюхивались и шипели.

На дежурство вместо ребят я напросилась сама: спать не могла.

Я мерила шагами коридор, когда подбежали кошки и, глянув в глаза пронизывающим, ошалелым взором, мявкнули и пулей рванули в темноту.

Резкое шипение уложило на колени: от этого звука заныли кости, в ушах точно работал бур, но я ползла, что-то кричала. Все мысли только о дочери. Помню, как невыносимо бело оказалось в спальне. Как жужжали, корёжась, стены. Как переливался свет, гипнотизируя.

Лицо Зинаиды Михайловы покрылось чем-то вроде белой коросты, и голова стала похожа на огромное осиное гнездо. Она, явно ничего не видя, расставив руки в стороны, покачиваясь, направлялась к стене.

Булькающий звук, хрип и низкое дребезжание, похожее на злобный смех. Я схватила дрожащую Варю, леденя от ужаса.

Возня. Шум. Чьи-то крики, чьи-то руки. Женщина шагнула в стену, и её с жадностью проглотили.

Женька пытался оттащить женщину, но его руки мгновенно втянуло в стену... Сотни улыбающихся лиц со стены смотрели пустыми глазами. Я ахнула: среди них был мой Лёшка! И завопила...

Но и сбоку продолжали кричать от ужаса и боли. Петя-ка-то подоспел на помощь другу. Но что он мог сделать? А Женька орал и уходил в стену.

Герман кричал бежать и заблокировал входную дверь спальни шкафчиком для одежды. Помню, как пол раскалился, став магниево-белым, помню, как побежала к двери, прижимая к груди дочку, шепча: «Только не смотри, милая, не смотри!» Лёшку она не должна видеть!!

По щекам слёзы, жаркие, в груди сбитое дыхание. Видела лишь спину Германа. Бесконечный коридор, такой спасительно тёмный; где-то впереди отчётливо шипели кошки. И я всё бегу, пока не падаю, от грохота, скрежета, крошащего зубы и кости. Варюша кричит...

... Пришла в себя, чихая, отпихивая в сторону кошку, напуганную, покрытую побелкой и пылью. Это её хвост юркнул у меня под носом. Варюша настойчиво пытается её поймать, зовя Муркой, но кошка упирается.

В углу лестничной площадки сидит Петя, с зажженной спичкой в руках и ухмыляется. Шея и лицо мальчишки, даже в тусклом освещении, в синяках. На ноге явно рваная рана с торчащим из неё осколком стекла. Отрешённый взгляд в никуда. Но рядом маленькая канистра с водой, обнимаемая второй рукой Пети, точно сокровище. На коленях – раскрытая коробка со спичками.

В голове звон. Во рту сгусток крови, и десну дёргает от выпавшего зуба. Варя гладит кошку Мурку. Я вытаскиваю осколок из раны мальчишки, а он всё так же жутко улыбается, без единого хрипа и стога. Промыв, перевязываю рану, используя его же длинную футболку. От вида крови подташнивает, но больше пугает отсутствие антибиотиков. Жадно пью воду, наливаю в крышечку на пару глотков Варю. Это только, кажется, что канистра большая и воды хватит надолго. Уж лучше обезопасить себя и расходовать воду экономно.

Петя молчит. Я вздыхаю, решившись уйти на разведку. Кошка мирно посапывает на коленях у дочки. Мы пока... в безопасности?

Нашла Германа этажом ниже. Он лежал в коридоре, подле – небольшая сумка, ниже лестничный пролёт обрывался стеной, искрящейся белым.

– Очнись, очнись же!

Хлопала мужчину по щекам, пока не пришёл в себя. Вскочил, как ошпаренный, осмотрелся, панически засучивая рукав свитера и облегчённо вздыхая. Прибор на месте.

Герман тоже плохо помнил, как сюда попал, но в его сумке нашлась рукописная карта Пети, а также сухой паёк: вяленое мясо, консервы и несколько плиток шоколада. И щедрый запас свечей, несколько зажигалок, маленькие пакетики с соком.

Герман сделал запас втихаря, а мы всё это время голодали. На мой укоряющий взгляд мужчина только пожал плечами, явно не испытывая ни чувства вины, ни сожалений.

Затем Герман повозился с прибором, поджал губы, когда вместе с зелёной точкой стала проступать красная, – и кивнул: нужно двигаться. Ремень сумки через плечо, разломил шоколад на части, поделился со мной.

Варя с кошкой на руках ждала меня на ступеньках. Волосы прилипли к потному лбу. Испуганные глаза вытаращены... На все вопросы только сильнее закусывала губу и качала головой, тихонько приговаривая: «Не надо, мамочка, не ходи туда...» Я бы послушала дочь, но Герман, со свечой, целеустремлённо поднялся первым – видимо, за канистрой.

Петя лежал лицом в луже смердящей чёрной блевотины. По волосам и шее расползались белые щупальца, напомнив труп в дверях ТЦ. Разом бросило в жар и холод. Увидела рядом стекло из раны. Всё в белесой изморози.

Канистра чуть в стороне от тела – только руку протянуть.

Вдруг Герман так глянул, что думала – попросит об одолжении, но он лишь глубоко вздохнул и отдал мне свечу. Петья дёрнулся, едва ладонь Германа коснулась ручки канистры. Мои руки задрожали, пламя заколебалось. С тихим шорохом парнишка стал приподниматься на руках; нескладно, как резиновая кукла, зашевелился, намереваясь ползти.

Герман замер на месте, поглядывая на меня, – и я швырнула свечу в сторону. Тело как выстрелило, взлетев над полом, – и спружинило в сторону упавшего предмета. Мой крик тугим комом застрял в горле. Вместо лица мальчишки – сплошная белая опухоль, слепленное шариками осиное гнездо, вздымающееся и опадающее. В затухающем пламени свечи я увидела жест Германа: беги! И побежала на лестницу, за мной – тяжёлые шаги Германа, за ними – едва слышное неторопливое шуршание. Оно преследовало нас.

Кошка вырвалась из рук Варюши и побежала наверх. Дочку я подняла, как пушинку. Не чувствуя ног, неслась, перескакивая ступеньки. В ушах грохотал пульс, пот стекал со лба, обжигая глаза.

Остановились, когда очередной пролёт лестницы закончился тупиком. Герман и я тяжело дышали, руки Варюши удавкой вцепились в мою шею. Она, зажмурившись, что-то бессвязно лепетала. Ноги горели огнем, как и бок, а лёгкие просто пылали. Хотелось упасть на ступеньки и лежать так вечно, но всё, что я сделала, это присела. Варюша хныка-

ла, оглядываясь по сторонам, разыскивая кошку. И мне пришлось прикрикнуть на неё.

Герман чуть ли не за шкуру приподнял меня, велел двигаться дальше. Когда приказ не помог, обнадёжил, что нам надо ещё несколько дней продержаться. Но я, не поднимаясь, потребовала рассказать всё или убираться прочь. Сама не знаю, что на меня нашло, скорее всего – усталость обездвижила.

Он вздохнул, прислушался – и рассказал: до выхода на пенсию служил он во вневедомственной службе контроля и изучения паранормальных явлений. Там-то и получил инновационный прибор, своеобразный маячок на случай ЧП. Объяснил: маяк будет работать в течение месяца, даже если вся техника выйдет из строя. В теории сигнал отследят и найдут владельца.

– В СКИПЕ (аббревиатура агентства) никогда своих не бросают, – грустно усмехнулся Герман. Даже пошутил, что теперь за разглашение информации ему следует меня ликвидировать.

Я кивнула и нашла в себе силы подняться. На фоне диких событий рассказ не удивил, а выглядел более чем реальным.

Мы спустились этажом ниже. Темно – значит, временно безопасно. Но в пути за каждым поворотом, в каждой комнате находили сюрприз за сюрпризом... Очередная дыра в стене приводила как в пустые квартиры, так и в торговые ряды магазинов, где, кроме безликих манекенов и модных тряпок,

ничего полезного нет. За снежно-белыми окнами рассмотреть ничего не удавалось, а открывать их слишком опасно и страшно.

Вскоре наш запас свечей сократился вдвое. Нужно остановиться, вот только где?

Перекусили на очередной развилке. Варвара дремала у меня на руках. Я так сильно устала, что колени дрожали, а в глаза будто песка насыпали. За дырой в стене был лифт, дальше – двери квартир.

Возвращаться назад, в помещения торгового центра, нет сил, и мы попытали удачу здесь. Герман выломал квартирную дверь, и мы попали в обитель пенсионеров, с мебелью советских времён, покрытой пылью, с фотографиями на комодe, с кружевными скатертями на столиках и на телевизоре. Сами же хозяева однушки почили в вечном сне, взявшись за руки. На коврике лежали пустая баночка из-под снотворного и стакан. В закрытом графине ещё оставалась вода. Понюхала, попробовала – чистая.

Удивительно, но трупного запаха нет, только пыль и лёгкий дух аммиака. Варюшу я сразу завела на кухню, уложила на чахлый диванчик. Герман же поставил выломанную дверь на место и заблокировал её трельяжем.

В ванной в трубах вместо воды гуденье и свист. В стационарном телефоне мёртвая тишина. Удивительно, но газовая плита работала, и мы сварили кашу быстрого приготовления. В шкафчиках чай с сахаром и початая бутылка коньяка. Тёп-

лое питьё с долей коньяка согрело, как ватное одеяло. Ком в груди рассосался, тревога ушла, всё тело накрыло одуряющее облегчение.

Во сне приходил Лёшка. Он злобно кривился и вёл себя совсем не так, как в жизни. Проснулась с полным мочевым пузырьём и неприятным вкусом во рту. Свеча в банке на полу превратилась в огарок и еле тлела... По позвоночнику прошёл холодок, я обернулась. Герман спал у окна. Варюша едва слышно посапывала на диване. Всё вроде спокойно. Но почему сильно печёт затылок, как будто кто-то смотрит?

В углу белело кое-что постороннее, чего раньше не было. Некое вздутие наподобие шарика.

На цыпочках прокралась к Герману, разбудила. Он чертыхнулся тихо, но больше не издал ни звука, встал, схватил сумку. Варю же взяла на руки я, зажав ей рот ладонью. Крадучись выбрались в узкий коридор. От аммиачной вони запершило в носу. Герман щёлкнул зажигалкой. Мы замерли: на стенах – клочья облезших обоев, свисавшие до пола. А вздутых белых шаров – как на кухне, так много, что страшно повернуться. Вдруг ненароком заденешь – и, наверное, сразу кирдык...

Герман молчком передал мне сумку и отодвинул трельяж от двери. Зажигалка не понадобилась, ибо белый цвет отсвечивал, неспешно ползя разлитыми чернилами по стенам, потолку, полу.

Выбежали из квартиры под сухой взрыв шуршащего «пе-

нопласта», оставляя за собой резкую вонь аммиака и круговерть мелких шариков.

Он ожидал нас в коридоре – мой Лёшка! Точнее – белая фигурка с его лицом, в рост человека. Варя захныкала, завизжала. Он заступил нам дорогу, а по белому потолку что-то скреблось. И вдруг, как сквозь плёнку-мембрану, изрыгнуло Петю – то, во что он превратился, со своим осиным гнездом вместо лица и по-молочному белым телом.

Куда же нам бежать? Что же делать?!

– Давай! – подтолкнул вперёд Герман и замахнулся на пародию моего мужа сумкой. Ударил – и сумка отлетела в сторону с частью плеча псевдо-Лёшки. Всё-таки они мягкие, как из пластилина.

Я чудом увернулась от «Пети», спикировавшего с потолка. Варя от ужаса билась в моих руках, сорвав голос от крика.

Герман вовремя подтолкнул. Мы поползли под набухшим шаром, грозящим исторгнуть ещё одну пародию на человека.

А Герман – зашипел от боли. Оглянулась. «Петька» клещом вцепился в его ноги, давя их руками, как заправский питон. Всё, что я смогла придумать, – это вырвать из сумки зажигалку и бутылку водки, плеснуть на «Петю» и подпалить. Вспышка, визг, отвратительный запах – и «Петя» вертявкой змеюкой уполз к стенам. Герман, стянув свитер, сбивал пламя с горящих джинсов.

А дальше очередной коридор и бег без оглядки в поисках безопасности и темноты.

Больше в комнатах не спали, дремали поочерёдно на лестничных площадках или в коридорах.

Ноги Германа покрылись волдырями от ожогов, кожа натянулась, и от боли он так часто сжимал зубы, что они стали крошиться. Вообще, не знаю, как он смог бежать с такой травмой.

Еды очень мало, как и воды. Герман выглядел плохо, его тошнило и лихорадило. Гнойники на ногах вскоре взорвались белой плесенью, быстро и жадно облеплявшей кожу.

– Сейчас бы снотворное или пистолет. Не хочу превратиться в одну из тварей... – рычал он от боли.

Утешать, обнадёживать мужчину бесполезно, я молчала и слушала, а внутри всё горько сжималось и выло.

Вскоре Герман мог только ползти и всё чаще срывающимся голосом умолял найти ему что-нибудь острое.

Скрепя сердце, я принесла ему осколок зеркала, проклиная все эти словно клонированные отделы с бесполезными шмотками и бижутерией. Герман криво улыбнулся, разом похудевший и постаревший, затем отдал мне прибор и наказал только одно: спастись.

Оставлять его невыносимо тяжело, но я это сделала.

... От голода кружилась голова, я кормила крохотными кусочками Варюшу. Воды уже нет, и мы по глотку из трубочки пили яблочный сок с мякотью.

Неожиданно к нам прибилась кошка Мурка: худюшая, шипящая, с диким взглядом, но живая. А Варя радовалась

её появлению и втихоря делилась с ней сухариками.

Я же, когда дочка спала, гнала кошку прочь, но она не уходила, наглая морда. Ох, наглая.

Утешало, что зелёный огонёк на приборчике разгорался всё ярче.

Как-то Мурка принесла птичку, маленькую жёлтую канарейку. Выпустила из пасти тушку и самодовольно смотрела на меня: мол, угощайся, я не против. А Варька грозила ей пальцем, ругала и плакала, прижимаясь ко мне: «Мамочка, так птичку жалко...»

Ой, ёлки, туго же я от голода соображаю. Откуда здесь может быть птица? Конечно же, из зоомагазина. Я внимательно смотрела на сытую умывающуюся лапой кошку и, как в бреду, приговаривала: «Мурка, Мурка, выведи нас туда, где есть пища». Мурка и вывела – точнее, мы за ней пошли.

Пришлось невероятно долго ползти в местах, где потолок почти соприкоснулся с полом, да петлять в коридорах, щемиться в узких дырах в стенах, воняющих аммиаком и гнилью.

Там действительно нашёлся отдел с зоотоварами. Рассыпанный на полу корм я жрала горстями, и Варюша, распробовав, лопала, не брезговала.

Жаль, в аквариумах вода заплесневела, и вся рыба плавала кверху брюхом. Птичья клетка открыта настежь, вторая клетка тоже, на полу – обглоданные кости и яркие перья. Мурка поохотилась на славу.

В крохотной каморке, за стеллажами с товарами, пряталась стол, электрочайник и практически пустой кулер с водой. А электрочайник, к нашей радости, полон! Вот и не говорите мне, что не бывает чудес на свете.

Кошка улеглась у кассы, мы с Варькой – в подсобке. Наконец-то напившись и наевшись, от сытости на ногах стоять не могли, задремали.

... Гул давил уши, ныли кости, стучали зубы, из носа капала кровь – и казалось, что от запаха аммиака мы задохнёмся. Белый свет окружал со всех сторон, ослепляя. Глаза слезились, сердце бухало в груди. Стены сдвигались. Пол объели белые язычки пламени.

Варюша, крича, залезла на стол. Я сиганула за ней, в панике щурясь и пытаюсь схватить дочку, чтобы взять на руки. – Мамочка, где Мурка, мамочка? Мурочка...

Варюша, прикрыв ладошкой глаза, выла в истерике. –Тише! Успокойся...

Пришлось встряхнуть дочку, чтобы привести в чувство. Она затихла, чтобы снова тут же захныкать.

Выскочила из подсобки – и обомлела. На стенах шары, огромные, вспучивающиеся от толчков изнутри. Нет... Нет. Нет!.. Снова вижу в одном шаре натянутое лицо Лёши, затем Зинаиды Михайловны, Пети и вот уже Германа.

Слюна вязкая, не сглатывается, а сердце колотится, собираясь вот-вот из груди выпрыгнуть.

Мы ползли по полу и всё равно застряли. Шар лоп-

нул, освобождая в вихре «снежных» шариков белое тело с обезличенным лицом, безглазое, с одним только раскрытым ртом, в котором шевелилось что-то такое белесое, острое, изогнутое... Мерзость.

Никогда не молилась Богу, а сейчас прошептала: «Боже, помоги... Спаси дочку!»

Толкаю Варю вперёд. Дальше маячит открытая дверь. Там, к моему ужасу, тоже бело, там шуршит падающий псевдо-снег. Внутри меня зреет истерический крик, волосы вздыбились. И крик вырывается, когда «оно» хватается за ногу.

Отбиваюсь изо всех сил, лягаю существо. Удаётся достать, но теряю сапог. В него намертво вцепились белые гибкие пальцы. Как же холоден пол – через носок. Вовремя пригибаюсь, потолок снижается, и лампа задевает спину. Ещё один шар взрывается. Ещё одно тело со знакомым лицом прислушивается к звукам, ищет нас.

Варюша ползёт к выходу. Я, распластавшись, – следом.

В коридоре практически всё в мелких белых шариках. Стены, потолок. Только пол обычный, всё ещё видна плитка. Шарики шуршат и шевелятся. Звук играет на нервах, проникает под кожу болезненным зудом... Прикусила язык, лишь бы не кричать. Оборачиваюсь – фигуры стоят. В ожидании? Не решаюсь закрыть дверь.

Наконец поднимаемся на ноги. Белый коридор бесконечен. Куда идти – непонятно. Тёмных безопасных мест, дыр

в стене, как и поворотов, нет.

Незаметно на полу всё чаще появляются белые крупинки, как очаги чужеродного заражения. С каждым пройденным метром их всё больше, и это настораживает. Не в ловушку ли идём? Но возвращаться поздно.

По тихому поскребыванию да шуршанию позади знаю: нас преследуют.

Стараюсь идти быстрее, но впереди коридор сужается, потолок нависает белыми наростами «снежных» шариков, стены всё толще, всё плотнее, облепленные теми же шариками.

Гудение – и белый свет бьёт из всех щелей, одуряюще-яркий. Пол дрожит под ногами. Стены шуршат. Впереди – тупик. Почти. Пространство узкое, наверное, и Варюша не пролезет. Но другого выхода нет.

Когда снимаю прибор с запястья, лампочка-глаз обнадёживающе ярко вспыхивает зелёным. Глажу Варюшу по волосам, в слезах объясняю дочке, что она должна ползти в проход – и ползти, пока не обнаружит тёмное место.

От моих слов глаза Варюши в панике расширяются. Она умоляет:

– Мамоchка, не надо, не хочу туда одна, мамочка....

Худенькие плечики дочки сотрясаются от рыданий. Я сглатываю ком в горле и настаиваю:

– Варя, послушай, ты должна, ради меня, родная....

Обматываю её тоненькое запястье ремешком прибора. Она с молчаливым укором оглядывается, начиная путь, но

ползёт дальше.

Я вздыхаю. Дышать трудно от запаха аммиака. Лежу на полу. Стены сжимаются словно нарочито медленно. Сзади что-то шуршит, приближаясь. Сжимаю кулаки и зубы, ибо буду биться до последнего. Оборачиваюсь, чтобы посмотреть... Готова ударить – и вижу Мурку. Глаза кошки вытаращены, шерстка дыбом. Проносится метеором прямо по моему телу, а затем скрывается в проёме, куда ушла Варюша. Не хочу знать, что напугало кошку. Челюсти от страха свело, инстинктивно начинаю ползти вперёд: вдруг всё же протиснусь?

Кашляю, из ноздрей капает кровь. Чувствую в волосах копошение. Пол сквозь одежду жжёт холодом кожу. Пальцев на руках не чувствую: содрала ногти, срывая с пути шапки живого пенопласта. «Ну же, ещё чуть-чуть,—уговариваю себя. – Ещё чуть-чуть подтянись, девочка, давай, ты сможешь». Застреваю.

Сзади что-то хватает меня за ноги, резко тянет назад. Слишком узко, чтобы ударить. Все попытки извернуться тоже ни к чему не приводят.

От удара головой перед глазами мельтешат точки. Тошнит.

... Его пасть идеально круглая, внутри беззвучно движутся серебристо-белые лезвия. Толстые и тонкие вперемешку. Смотрю до боли в глазах, до спазмов рыданий, до ора. Пасть на лице Германа. Моргаю – пасть уже на лице моего мужа.

Смыкается, растягивается, всасывая обе мои ноги по колено, перемалывая в фарш вместе с костями, мышцами и сухожилиями. Срываю голос до хрипоты, горячая моча пропитывает джинсы. Боль взрывает мозг испепеляющим жаром крематория.

И, кажется, слышу на периферии сознания всхлипывания Варечки, мужские голоса и невероятно радостное мурлыканье кошки. И оттого, наверное, верится: Бог услышал мои мольбы. Отчаянно надеюсь – мою дочку спасли.

Таинственная хозяйка башни

Туман стелется подле её ног, вызывающий гадливость, сыркой. Деревья прячутся в серой, отдающей зловонием дымке, исполинским змеем тянущейся с болот. Охотиться в такую пору практически бессмысленно, но голод режет, крутит болезненными спазмами нутро – и кровь девушки горит, и ноют зубы, заставляя подниматься и идти в поисках добычи.

Темнота в лесу ей не страшна, а вот тишина, когда слышишь только вязкое чавканье листьев, влажных, утопающих в прелом мху, расползающихся под босыми ногами, не сулит ничего хорошего. Зря она сюда забрела, свернув с привычной тропы. Но что делать: в холодную пору вся живность пуще прежнего бережёт свои шкуры. Зато ближе к болотам в норах вдоволь гадюк, их не так жалко, как остальных пушистых и теплокровных зверьков, в глазах которых, перед

смертью затухающих в краткой вспышке боли, всегда кроется молчаливый упрёк. Вот вспомнила – и сразу же бросает в дрожь, играющую на коже мурашками. Возникшие ощущения мучительно сладкие, как пряная, солоноватая горячая кровь, растекающаяся по нёбу.

Лёгкий ветерок наполнен удушающе тлетворными испарениями. Ноздри девушки раздуваются, и чутьё, и вспученные корни деревьев подсказывают верное направление.

Болотная жижа вбирает в себя ступни, холодная и неприятная, но холод не доставляет неудобства и не наводит на мысли о том, что ноги придётся мыть, отскребать песком, чистить щетиной кабаньей шкуры, как и когти на руках, вбирающие в себя грязь.

Наконец появляются островки деревьев, где среди корней скрываются змеиные норы. Она хватается за длинные упругие ветви – острые когти намертво цепляются в кору – и ловко перепрыгивает с дерева на дерево, вся превратившись в слух и чутьё... Где же послышится шуршание, где же запах выдаст змеиное гнездо?

От предвкушения слюна наполняет рот, удлинившиеся зубы болезненно впиваются в нёбо и губы. Руки проворно взрыхляют почву, убирая настил из мха, прорывая дорогу в змеиную нору... В норе самка греет телом яйца. Двойная удача.

Мгновенно оторвав змее голову, она высасывает кровь и

лакомится мясом, яйца же аккуратно укладывает в сплетённую из коры и сучьев корзину, перекладывая для сохранности листьями с соломой. Голод сменяется приятным теплом сытости, но всё равно девушка ещё не наелась, да и корзину следует наполнить про запас. Ведь с каждым днем, похоже, как ни терпи, есть хочется всё больше.

Пока наполняла заплечную корзину, вся перепачкалась в грязи. Пора бы уже возвращаться, но ветер донёс резкий запах крови. Человеческой крови – обволакивающей ноздри, такой невыносимо сладкой и пряной, что сразу кишки свело. Она сглотнула слюну, заставляя себя пересилить инстинкт тут же ринуться на источник запаха. Тихий звук коснулся ушей, приподнимая волоски на затылке. Кто-то стонал, и девушка понеслась в сторону звука, следуя за тонким шлейфом запаха, едва пробивающегося сквозь паточно-вязкую вонь гнилой болотной воды.

Несколько раз она с головой уходила под воду, вымокла, ободрала локти и ступни о кору и сучья с кореньями, пока добралась до маленького островка. За ним плескалась не слишком широкая полоса чёрной болотной воды – такую и лодка запросто переплывёт.

Здесь воздух отдавал холодом и сыростью, а туман вздымался ввысь, невероятно густой и плотный. Сквозь толщу тумана проступали только очертания каменного монолита с рогатой головой, высокого и громоздкого, точно заправского хозяина острова.

От холода и внезапной тревоги пробрало, и девушка поёжилась, замерев на месте, на стыке низких ветвей старого раскидистого дерева. Инстинкт, подсказавший об опасности, не победил любопытства. До островка оставался один прыжок. Вновь раздавшийся стон нёс в себе боль и горькое отчаяние, и её сердце на миг сжалось. Она прыгнула. Пальцы взрыли влажный мох, обзор полностью поглотил туман.

Это походило на огромный извивающийся липкий комок чешуи, сплетённый и переплетающийся, сворачивающийся кольцами, к тому же издающий тихое шипение.

Чувство опасности обострилось до колкого льда в крови, до ощущения каждого вдоха и биения сердца, до едкого змеиноного запаха, перебившего гнилой смрад болот. И внутренней вспышкой она видела под извивающимся клубком очертания человеческого тела, подрагивающего от боли, ибо его нарочито неспешно поедали заживо.

Время замерло – и каждая из змей внезапно подняла голову, глаза каждой уставились на нее, скалилась каждая пасть. А из горла каждой родилось шипение, резкое, предупреждающее. Так предупреждает о нападении хищник, заявляя право на своё.

Звук снова привёл время в движение. Девушка напряглась, приготовившись к нападению. Уверенность в победе жгла желанием вкусить крови, разорвать соперниц (так инстинкт определял змей в клубке) и победить. Клубок медленно, точно нехотя, распался. Из его центра выползла тол-

стая, светящаяся в темноте, белая, как снег змеюка. Злобный красный глаз кусал разум девушки, точно ярый мороз. Во рту щёлкнуло – и она напала первой, насквозь пробивая когтями шею змеи, упиваясь победой и кровью, не обращая внимания на то, как спасались бегством, бросаясь в воду, остальные рептилии.

Девушка не могла себе объяснить, зачем так поступила, но это было сродни потребности, смешанной с жалостью, когда она осматривала израненное тело юноши, когда пальцы ощупывали его обожжённые, покрытые волдырями веки и зашитые губы, когда перевязывала укусы и жеванные раны, разорвав подол своего одеяния, едва напоминавшего женское платье.

На что она надеялась, когда тащила его в свою башню? Какому следовала порыву? Ведь шанс, что напитанное ядом тело юноши может восстановиться, был сродни чуду.

Всё же труднее всего было игнорировать запах человеческой крови, когда как можно бережней и осторожней отсасывала она яд из его ран. Когда сплёвывала в плоскую кровь, когда распарывала своими острыми, как бритва, когтями нитки, скрепляющие губы, и поила его водой из ручья, а затем обрабатывала раны лесными травами, которыми ранее интуитивно лечила свои порезы.

Ему было холодно, и юноша дрожал, даже завёрнутый в её одеяло, лежа на подстилке из соломы и мягких сухих листьев, а головой на её любимой подушке, набитой перьями и

пахучими травами, сшитой девушкой собственноручно.

Ради него она зажгла очаг, чего долгое время не делала раньше, ибо с каждым прожитым годом в ней всё возрастала устойчивость к холоду.

Юноша бредил, говоря что-то невнятное, отрывистое и пугающее. Янтарно-красное пламя в камине ревело, жадно пожирая сухой хворост и поломанное кресло со второго этажа. Золотистые искорки света блестели в его высохших каштановых волосах.

Она боялась лечь рядом, чтобы согреть тело юноши своим слабым теплом. Несколько раз собиралась уйти на второй этаж, но так и не ушла, всё смотрела на него, пока не задремала в углу.

Во сне она была маленькой девочкой, счастливой и беззаботной. Она бегала в цветочном саду, в красивом платье и туфельках с бантиками, любовалась цветами и бабочками. Ветер трепал золотистые волосы, а мама ласково звала её своей принцессой.

... Юноша то и дело стонал и то дрожал от холода, то горел в лихорадке, и девушке приходилось снова и снова идти к ручью, чтобы охлаждать его тело, холодными влажными тряпками из порванных на ветошь старых платьев, из которых она выросла. Перед рассветом она разбила яйца и выпила их. Насытившись, обработала змей, развесив их вялиться на втором этаже. Ему же только смачивала губы да меняла повязки на ранах, слушая ровное и тихое биение сердца, ра-

дуясь, что лихорадка спала.

Затем, искупалась в ледяном ручье, смыв струпья с заживших ранок и вычистив когти, постирала грязное платье и повесила сушиться на ближайших камнях.

Туман исчезал, гонимый прочь тёплым ветром, и девушка нежилась в сумраке исчезающей перед рассветом ночи, пока не увидела взмывших ввысь белоснежных птиц, переливающихся в слабом свете утра, подобно хрусталу. Вот они, чудесные, описали круг, облетев её обитель – заросшую мхом каменную башню, и исчезли, точно призраки. От их красоты каждый раз у неё захватывало дух и точно сваливался тяжкий камень с души. Девушка верила, что неведомым образом птицы помогают ей не потерять последние остатки человечности, не давая забыть прошлое.

Весь день она проспала на прохудившемся ковре, между полками с зачитанными до сальных пятен на обложках книгами, и резко проснулась, как всегда, на закате.

Из горла вырывался стон и рёв, удлинившиеся зубы резали губы и язык; тело, как пружина, было готово к охоте. Ноздри расширились, унюхав запах человека.

Как оказалась подле него, она совсем не помнила, как не помнила, что жадно нюхала его раны и покрытую потом кожу.

Юноша пришёл в себя, заметался на матрасе. Он, слепой, резко ухватил её за плечи, стал ощупывать, недоумевая, кто перед ним. И тут же рухнул на подстилку и в изнеможе-

нии затих. Эти прикосновения отрезвили её, напомнили, что тоже когда-то была человеком, и даже сейчас человеческое внутри рвалось наружу.

В спешке покинув башню, она понеслась, прыгая с ветки на ветку, с дерева на дерево. Кровь в её венах горела, и пробудившийся от человеческого запаха голод жаждал только тёплой крови. Как можно больше.

Девушка поймала белку, выследила кролика, разорвала на части несколько мышей и, только напившись крови совы, наелась, успокоившись.

Перед тем как войти в башню, она снова вымылась в ручье, с сожалением отмечая, что чешуек на коже стало больше и многие из них приобрели оттенок меди, отвердев.

Когда вернулась, юноша сидел, из его обожженных глаз текли слёзы.

– Хочешь, есть? – вопрос вырвался гортанным, низким звуком. Так говорило бы животное, но не человек. Сердце сжалось, ведь она так боялась, что со временем и вовсе разучится говорить.

Он кивнул, что-то прошептал, но слабость, выдающая себя печатью бледности на лице, не давала ему задавать вопросы.

Пока закипал бульон с кореньями и целебными травами в котелке, нарезала туда змеиного мяса. И горько было оттого, что пряно-сладкий запах варева больше не вызывал аппетита. Как же долго она ела только сырое мясо и пила кровь жи-

вотных и рептилий!..

Губы всё-таки сложились в улыбку, и девушка заботливо кормила несчастного с ложечки, как мать кормит сына.

– Дитрих, – прошептал он своё имя, видимо ожидая ответа.

Но её собственное имя затонуло во тьме одиночества, целую вечность назад. Горечь опекла сердце, точно ожог, вызвав внутри смущение и зверя: она выронила ложку, бросила миску в угол и с рычанием, клокотавшим в горле, скрылась на втором этаже.

С полок полетели на пол сброшенные книги. Девушка заметалась по комнате, потом остановилась. Выдохнула и собрала книги. Выбрав одну наугад – стала читать. Её светящимся в темноте глазам совсем не нужно было света. Сон подкрался незаметно.

Всё же каждый день теперь превратился в праздник, скрашенный присутствием юноши. Пусть медленно, но верно он шёл на поправку. День за днём у Дитриха улучшался аппетит, исчезали гнойные выделения из ран, сменившись запёкшейся корочкой, щеки окрашивались лёгким румянцем.

Помимо воли она всё чаще любовалась им, задерживая дыхание, коря себя за радость, что юноша не может видеть её облик. А он глупец, непрестанно её благодарил.

Дитрих рассказал, что родился в семье пастухов и за измену матери его отчим принёс юношу в жертву змеиному богу, которому в их поселении раз в полгода скармливали

осуждённых на смерть. Никто не оспаривал приговор отчима, ибо суровый закон позволял главе семьи распоряжаться жизнью и смертью как жены, так и её детей.

Тогда, во время весны, ублажённый человеческой жертвой змеиный король в час, когда его зрелые отпрыски расползались в поисках пищи, нападая на соседние поселения, наказывал обходить их село стороной.

Вскоре Дитрих смог встать на ноги, и она, возвращаясь с охоты в предрассветные часы, водила его вокруг башни да к ледяному ручью, где под её надзором юноша мог искупаться.

Но чаще всего девушка запиралась на втором этаже и читала свои книги, унаследованные от старика, хижину которого по её вине сожгли дотла, вместе с ним, жители одной деревушки, случайно в предрассветный час узревшие её истинный облик.

На страницы капали слёзы. Все, что она узнавала о себе, следовало ценой горьких ошибок и смерти невинных людей.

Так было с подслеповатым седым, как лунь, стариком, приютившим её у себя, совсем ещё крохой, не ведавшей, что днём она прячется от света в подвале, что помимо предложенной еды кормится ещё лесными птицами и мышами.

Старик, порой приходил к ней во сне, с обрывками прошлой жизни, когда из родного замка её утащило что-то страшное, чешуйчатое и зубастое. Укусило, насквозь пробив длинными зубами плечо, а потом, притащив в своё логово в башне, видимо, пощадило или оставило умирать. И она ле-

жала, сгорая в огне боли и судорог ледяных спазмов, чередующихся со спасительным забытьём.

Когда существо вернулось, она то ползала по каменному полу, то ходила прямо, изучая башню новообретённой способностью видения в темноте. Зашипев, оно бросилось к ней и замерло, забив хвостом, учуяв изменившийся запах, а затем медленно подползло, обвивая её тело чешуйчатыми кольцами по-матерински заботливо и нежно.

... Вскоре Дитрих уже мог самостоятельно передвигаться. Он изучал башню на ощупь, но на второй этаж она запрещала ему подниматься. Юноша хотел быть полезен, и девушка позволяла ему снимать змеиные шкуры со своей добычи, пока он не ранил в кровь пальцы. Он стискивал от боли губы, но не прекращал своего занятия, пока девушка не отбирала тонкий нож, а затем перевязывала его раны.

Как-то Дитрих услышал, как девушка читает вслух книгу, и, осмелившись, попросил почитать ему. Сказал, что ему никто никогда не читал, добавив, что ему нравится её голос.

Множество раз юноша пытался задавать вопросы, и девушка злилась, не отвечала, едва сдерживаясь, чтобы не убежать или того хуже – не ударить его.

... Луна полнела, и она беспокоилась всё больше, ибо к полнолунию, с течкой, зверь в её теле полностью побеждал здравый рассудок. Тогда она, утратив контроль над собой, просто разорвёт Дитриха на части. А он ведь такой ласковый, доверчивый и глупый, совсем её не боится. Даже крохотная

мышка, птичка – и те впадали в панический ужас при виде девушки в это время. Чувших её запах животных нельзя провести.

Юноша сказал, что не помнит, где находится его деревня. При этом запах кожи менялся, что значило: сказанное Дитрихом – ложь. Он всё прекрасно помнил, но отчего-то молчал.

Сколько раз её бросало в жар от его случайных прикосновений, а Дитрих точно не замечал грубой чешуйчатой кожи, жестких, как проволока, волос. Все шептал, что девушка прекрасна, и называл, как её мама, принцессой.

Как же избирательна была её память в такие моменты, отринув истину, которая открылась во время очередной охоты. Схватив забившегося под куст ореха ежа, впившись зубами в мягкое брюшко, девушка наслаждалась горячей кровью и агонией зверька, когда вдруг вспомнила, что такое уже случилось с ней раньше...

Подслеповатый старик, приютивший её, обучивший чтению и письму, тоже говорил, что она вырастет настоящей красавицей. Восхищался её золотистыми волосами. Но она-то видела чёрные, как дёготь, жесткие и едва поддающиеся расчёсыванию пряди и не понимала, зачем он такое говорит. Однажды взяв в руки крохотное зеркальце от покойной стариковской жены, она увидела вместо своего лица тёмный туман. Охнула, а зеркальце выпало из рук и разбилось.

И только в пруду, куда она побежала, хныча от ужаса и го-

ря, узнала истину. В прозрачной, как слеза, воде в предрасветный час всего на секунду отражалось бело-золотое небо и её миловидное личико, с большими глазами и вьющимися золотыми волосами. Облик, сотканный воспоминаниями. Но, как только солнце взошло, то, что она увидела, сжало её сердце клещами, стиснуло гортань от невозможности вдохнуть.

Местами чёрное, как деготь, существо лишь телесными очертаниями напоминало девочку в ветхом и грязном платье. На светлых участках кожи разрасталась красноватая чешуя. Она пронзительно закричала, и птицы с ветвей берёзы взлетели в воздух. Забывшись себе на беду, побежала в сторону поля сломя голову. Тогда-то её и увидела женщина у колодца, завопив во весь голос: «Чудовище, чудовище!» В редком лесу было слишком светло, и она развернулась, чтобы привычно спрятаться до темноты в подвале. Кто же знал, что крестьяне вечером устроят облаву, что собаки учуют её запах, что святая вода, выплеснутая в лицо, обожжёт кожу и что старик вопреки всему будет защищать её ценой собственной жизни?.. А она, ведомая инстинктом, всё же сбежит, и собаки уже не помешают ей, распоротые до кишок враз выросшими длинными когтями и острыми зубами.

Намазавшись пахучей тёмной мазью из сока грецкого ореха, толчёной коры и трав, девушка взяла Дитриха поутру на рыбалку в помощники. Обрадованный юноша с улыбкой заверял, что будет стараться и не подведёт. Это щенячья ра-

дость, передавалась и ей, но всё же как хорошо было, что он не видит её лица, не чувствует ложь.

Возможно, сработало чутьё, и, углубляясь всё дальше в лес, юноша что-то заподозрил. Не раз она хотела оставить его в лесу, не желая сожрать, когда полная луна взойдёт на небосводе.

Внезапно Дитрих остановился, сказав, что дальше никуда не пойдёт. И вдруг упал на колени, ухватившись за подол её платья, упрашивая не бросать его здесь, а вернуться домой.

Почему он называл её башню домом? Ведь у него был свой дом.

С рычаньем отбросив его руки, вздохнула, отступив в сторону, задумавшись, не зная, как поступить. В лесу не место беспомощному слепцу... Он заплакал, не издав ни единого всхлипа.

– Хорошо, – хрипло проговорила она, сдавшись и не выдержав немого укора и слёз. Взяла за руку и повела обратно в башню, решив, что если он переживёт полнолуние, то она найдёт способ, как вернуть его в деревню, к людям.

Полнолуние близко. Девушка чувствует его нутром. Его зреющий свет в небе, даже сквозь тучи ласкающий чешуйки, наполняет сердце сладкой истомой. Дитрих забыт, отвергнут, ибо быть с ним рядом – это пытка, вызывающая первобытный голод... Поэтому она устрашает его недовольным рыком, периодически бросая ему под ноги вяленое мясо и оставляя в кувшине воду, чтобы не подох с голоду.

Башню покидает с закатом, возвращается на рассвете, отпугивая его своим рычанием, а Дитрих всё равно ластится, просит прощения, сам не зная за что. Она же в ответ рычит и гонит прочь, то и дело пиная...

На втором этаже корзины из ивовых прутьев полны живности, пойманной в лесу: пищат мыши, у птичек сломаны крылья; пушистая белка, с перебитыми лапами, с отчаянием в глазах, всё равно пытается поднять головой крышку корзины.

В день полнолуния девушка запирает крепкую дверь на ключ изнутри и выбрасывает ключ из окна, в груди тут же возникает недовольное рычание в последней здравой мысли, что изменившееся тело ни за что не пролезет сквозь узкое окошко, а поутру всё, возможно, снова будет нормально.

... На бёдра капает кровь, чешуйчатая кожа горит огнём, от голода урчит живот. Платье трещит по швам. На спине, между лопатками, прорастают кожистые охряные крылья. Она топает по полу и рычит, дёргает дверную ручку, снова и снова. Подпрыгивает и взлетает, затылком касаясь потолочных балок. От ярости волосы шевелятся на голове, мурашки бегут по коже, она врезается плечом в дверь раз за разом и недовольно отходит в сторону. Плечо неприятно ноет от ушиба. Дверь не поддаётся. Тихий писк и шорох в клетках отвлекают, и девушка вдоволь играет с живой добычей и мучает её, прежде чем расправиться с ней, осушить её досуха и полакомиться мясом.

Сытость вгоняет в сон, и она дремлет, а потом снова пытается выбраться из комнаты. Гневно рычит, стучит и кидается на стены, когтями цепляется за потолочные балки и так висит, вниз головой, обессилов.

Запах человека, шаги за дверью прогоняют оцепенение. Робкий стук в дверь. Она вскакивает и ложится на пол, шевеля ноздрями и вдыхая лёгкий запах пота, кожи, жадно обоняя сквозь дверную щель всего человека. От голоса юноши всё внутри трепещет, разливаясь по венам огнём и волшебством. Она хочет сожрать его, а зрелая самка внутри желает соития.

– Пожалуйста,пусти меня, прошу. Я больше так не могу, вдали от тебя. – В голосе страсть смешана с желанием, которое (она знает это!) возникло под наваждением её магической формы.

Её кривой рот и крупный язык раз за разом коверкают слова, она осмысленно выговаривает членораздельную фразу, но... она не сдаётся. Ведь его мольбы точно музыка в ушах.

– Ключ, найди ключ, снаружи! – каркает с придыханьем. Собственный голос пугающ и неприятен, но, похоже, ему всё равно.

Внутренний голос пытается что-то сказать, пытается завопить, но она его глушит, радуясь своей власти. Инстинкт принимает решения за неё, включая на полную мощь способности, дремавшие доселе, – и в голове возникает об-

раз, который она посылает ему раз за разом. Она уверена, Дитрих видит её красивой девушкой с золотыми волосами, отчаянно нуждающейся в помощи.

Его нет так долго, что она устаёт ждать. Когти царапают деревянные полки, крушат стулья, снова и снова переворачивают всё в комнате вверх дном. Голод то затухает, то разгорается с новой силой. Она рычит, пищит, стонет и мечется, сходя с ума от бессилия, оттого что не может выбраться.

Шорох, скрип ступенек вырывают из дрёмы. Дитрих за дверью. Его запах сводит с ума, желудок урчит, требуя еды. Вместо слов вырывается рычание. Он всё никак не может попасть ключом в замочную скважину. Она сопит и фырчит, затем успокаивается и посылает ему новый образ.

Дитрих просовывает ключ в щель под дверью. Ликуя, она открывает дверь и набрасывается на него, сбивая с ног, придавывая к полу. Сердце в груди ходит ходуном, от запаха здорового мужчины кружится голова, изо рта капает слюна. Дитрих даже не сопротивляется, подчинённый её воле; покорный, как ягнёнок, он ждёт своей участи. Она нарочно растягивает удовольствие, лижет шершавым языком его шею, щёки, нежась в запахе и аромате, мурлыча от тока крови в сетке вен и артерий под кожей, яростно желая, раскрывая пасть, щёлкая зубами. Когти впиваются в кожу плеча, резко пропарывают её, и язык жадно слизывает ярко-рубиновую кровь. От удовольствия выгибается спина. Она готовится к броску, чтобы впиться в лакомую шею.

Рассвет врывается в коридор, касаясь кожи мягкими лучами света. Она шипит и бросается в спасительную тень, хлопает закрытая дверь.

Вскоре тело трансформируется, исчезают крылья, и переход в подобие человека уже не так болезнен. Слабость накачивается волнами, приходит сон, чёрный и густой.

Вот и вечер. Она взволнованно выбегает из комнаты, не зная, жив ли Дитрих. В памяти пробелы, но она точно знает, что причинила ему боль.

Он лежит на матрасе. Грубо замотанная лоскутами рубашки, рана на плече гноится. Лоб юноши обжигает ладонь – горячий, как огонь.

«С ним одни проблемы», – твердит внутренний голос, но девушка отмахивается от него, как от назойливой мухи, готовит травяной отвар, про который узнала из книги, прикладывает ко лбу Дитриха холодную тряпку с отваром. Вина за содеянное терзает её до боли.

Она нарушила главное правило: вкусила человеческой крови. Решение, как поступить дальше, приходит легко.

Как только лихорадка Дитриха спадает, девушка посылает ему мысленный образ себя настоящей, такой, какую видела в озере. Дитрих кричит, сжимается в крохотный комочек, шепчет, что не верит, что всё сон.

Забавно, что, когда он узрел истину, её магия теряет над ним силу. Её голос для него больше не мягкий и ласковый, а жёсткий и грубый звериный рык, но всё же её слова юноша

понимает.

Дитрих избегает встреч с ней и, поди, теперь рад, что она охотится по ночам, оставляя его в одиночестве. Еду для него девушка бросает на пол и тут же уходит, запираясь на втором этаже. Всё уже решено: как только Дитрих окрепнет, она отведёт его в ближайшее поселение.

И через пару дней девушка берёт с собой запас еды и воды, из толстого сука мастерит посох для него, намазывается пахучей мазью, чтобы уберечься от солнца, и выдвигается в путь дорогу.

Идти долго, ведь её башня скрывается в чаще непроходимого леса, на поляне. Вокруг рыскают по своим охотничьим тропам дикие звери, а деревья так густо переплелись сучьями и кронами, что вокруг средь бела дня царит сумрак.

Идут быстро, ориентируясь по запаху и по звериным следам, редко делая привалы, чтобы Дитрих мог отдохнуть. Тогда он молчит, медленно ест и жадно пьёт воду. Он выглядит таким юным, совсем мальчишкой, с грустным и, несмотря на шрамы и ожоги, всё ещё красивым лицом.

Она смотрит и думает о своём. Воспоминаний краткие вспышки подобны мотылькам, залетевшим в огонь. После смерти старика она сторонилась людей, но всё же любопытство, жажда знаний, потребность хоть в чём-то, что поможет сохранить человечность, подталкивали её на рискованные поступки. Так девушка пристраивалась вслед движущимся в большие города торговым караванам. Незаметно пряталась

на высоких деревьях, зарывалась в землю на близлежащих холмах и следила, чтобы в подходящий момент воровством раздобыть себе книги, одежду и всё, что удастся стащить в предрассветную пору, когда на пару минут погружался в дремлю и самый строгий караул.

Читать для неё было единственной возможностью познать мир, возможностью пусть хоть в мечтах быть той, кем она всегда хотела быть – красивой принцессой с золотистыми волосами.

... Наконец лес редееет, и теперь даже слабый свет солнца режет её глаза, а кожу печёт сквозь корку мази, но от ожогов мазь всё ещё спасает.

Впереди запах дыма, жареного мяса, лёгкий колокольный звон; далёкий, как отзвук эха, раскатистый смех – всё это сообщает ей, что они выбрались к поселению. На открытом месте пыльная широкая дорога, уходит к холмам. Красуются зелёными побегамии пшеницы возделанные поля.

Наконец поля исчезли, вдалеке виднеются крыши домов. Девушка рычит, шепчет и, наконец, тихо и ясно выговаривает, чтобы Дитрих шёл прямо и не сворачивал. Вздрагивает, когда юноша с опаской берёт её за руку и благодарит.

Девушка вырывается и убегает в лес. На сердце, вместо облегчения, лежит непомерная тяжесть, к глазам подступают слёзы, и хоть ты тресни, но всё равно не понятно, почему на душе так печально.

В лесу она зарывается в землю и листья, сворачивается

клубочком и засыпает. Во сне девушка видит свою красавицу мать и отца, они дарят ей ларцы с украшениями, новые платья, игрушки и сладости. От счастья сердце трепещет, в улыбке матери и её нежных руках кроется целый мир, полный любви. Но вот сон превращается в кошмар, и девушка кричит, когда зубастое чудовище тащит её в своё логово. Рана на плече снова жжёт и кровоточит, а боль такая острая, что режет кости.

И вот снова она перерождается, и снова перед ней чудовище, кормящее и по-своему заботящееся, но как же она ненавидела его, всегда ненавидела его!.. И сколько раз, безуспешно пытаясь сбежать, клялась, что когда-нибудь убьёт его. Но с каждым прожитым днём в новой ипостаси привыкала к нему всё больше. Пока однажды чудовище не вернулось с охоты, упав от смертельных ран в лесу, тогда ещё девочкой, выследив его по запаху, она заглянула в глаза, наполненные нежностью и болью, и вся ненависть внутри вдруг рассыпалась на кусочки.

Слёзы выстлали на щеках горячие солёные дорожки, со всхлипом она прижалась к чешуйчатому телу, прозрев, что ведь чудовище всегда было таким одиноким, непонятым и отличным от других зверей, проживающих в лесу.

... Проснувшись глубокой ночью, в тревоге и беспокойстве не решалась уйти. Впечатления от снов ещё свежи, но сердце девушки чувствует: причина беспокойства не в этом. Она должна убедиться, что с Дитрихом всё в порядке, поэтому

отправляется в деревню.

В темноте люди ей не страшны, ибо им не увидеть её истинного облика. Иллюзорный морок всё скроет в ночи. Только вот собаки... Их не одурачить: как почуют, то залают.

Над головой серебрится россыпь звезд, и убывающий серп луны отбрасывает на хижины тени. Пахнет навозом, тихо блеют овцы в загонах, из печных труб вьётся дымок, остро пахнет едой и человеком. Лёгкий ветерок дует в противоположную сторону, и, к радости, собакам её не учуять.

Вдыхая свежий ночной воздух полной грудью, она чувствует себя неуязвимой и свободной...

В запахах, щекочущих ноздри, девушка пытается уловить ниточку аромата Дитриха. И вдруг замирает, услышав множество голосов. Слов не разобрать, но сердце предательски ёкает, точно знает, что происходит что-то нехорошее.

Темноту пронзает огонь разожженных факелов. Ругань и крики, шум толпы, как будто впереди собралась вся деревня.

Девушка крадётся между домами, с каждым шагом приближаясь к толпе. Она видит, как плотно набитый мешок, обвязанный у горловины веревкой, волокут по пыльной дороге, и все, кому не лень, тычут его палками, пинают ногами. Сплевывают, изрыгая проклятия. Мешок извивается, словно внутри заточено живое существо.

– Сюда его! – кричит толстый мужик в рубахе, подвязанной под заметно выступающим животом. Рядом с ним навалена куча хвороста в рост человека.

– Сжечь нечистого, сжечь! – в толпе вопит женщина с рас­трёпанными волосами.

В единственное мгновение тишины раздаётся едва слыш­ный стон. В этом горьком звуке боли она узнаёт голос Дит­риха. Внутри жжет так сильно, как будто ударили.

На смену боли приходит ярость, и, выпустив из пальцев когти, девушка задыхается. Дыхание хрипит в груди. Она расталкивает толпу и, выйдя вперёд, гневно кричит:

– За что?!!

Толпа замирает, недоумённо глядя на неё. На лицах недо­умение, но узнавание чаще: так ночью играет иллюзия в че­ловеческом разуме, создавая эффект знакомого лица.

– За что?! —повторяет она вопрос.

Какая-то женщина отгаскивает её в сторону, называя Аглафьей. Другая женщина кричит на неё, чтобы убрала ру­ки от её дочери. От происходящей несурязицы ей хочется смеяться и плакать... Первый окрик в толпе, как брошенный камень, и суд над Дитрихом продолжается.

Девушка бросается на землю и проскальзывает под нога­ми людей, пробираясь в первый ряд толпы, чтобы встать и узреть, как: юношу буквально вытряхивают из мешка, голо­го, окровавленного, обожжённого. Её Дитрих дрожит и что­то шепчет.

Пузатый мужчина зажигает огромный факел. Толпа лихо­радочно скандирует:

– Нечистый! Проклятый! Отверженный змеем! Он вест-

ник беды! Сжечь его, очистить деревню!

Старухи и бородатые мужчины в первом ряду сплёвывают в пыль.

Они связывают Дитриха по рукам и ногам и бросают на хворост, как свинью. В словах толпы – приговор, в кипящих лавой словах собравшихся людей – безрассудная вера и страх.

– Как вы можете, одумайтесь! Он не виновен! – Девушка выходит вперёд, примирительно поднимая руки.

– Еретичка! – лёгкий шепоток из глубины толпы рождает бурю возгласов.

– Сжечь её, искупить вину перед змеем! – в унисон гомонят женщины...

Пузатый бросает факел в хворост. Вспышка, хлопок – и огонь уже полыхает.

– Нет! – кричит девушка, бросаясь к костру. – Нет, Дитрих! Я не позволю!

Затем всё перед ней смешивается в круговерти загребуших рук, тучных вонючих тел, только мешающих вытащить юношу из костра.

Собственное правило не убивать людей вдруг растворилось в буре боли, отчаяния и лютой ярости к глупцам, не ведающим, что они творят.

Когда юноша закричал, пожираемый огнём, девушка зарычала в ответ, перевоплощаясь, прорываясь, прорезая, полосуя и сметая всё на своём пути.

В хоре панических криков царила вакханалия смерти и ужаса. Горячая кровь заливала ей лицо, на ходу слизывалась языком, оттиралась с глаз пальцами.

Она бежала, перепрыгивала, рвалась вперёд – и впереди была только цель. Её Дитрих, которого уже заволокло огнём и дымом.

Жар костра опалил девушке волосы и слизал до волдырей чешуйки на руках и ногах. Но боль только придавала ей сил. Наконец она вытолкнула с костра его тело. Затем спрыгнула с горящего помоста сама и, перебросив юношу через плечо, побежала.

Девушка пришла в себя у тонкой струйки ручья в лесных дебрях. Дитрих лежал на куче прелых листьев рядом.

Как же ныло её обожженное тело, как зудели и покалывали покрытые волдырями и запёкшейся кровью ступни. Заскулив от боли, она бросилась к Дитриху, с трудом обнаружила на шее юноши тонкую ниточку пульса. И стала зализовать его раны, выплёвывая из них сгустки крови и сор.

Позднее нежно провела пальцами по его опалённой макушке, сожалея об утерянных роскошных волосах.

Дитрих застонал, но так и не проснулся, горячий, как раскалённый на солнце камень. Её опасения усугублялись: из груди юноши вырывалось неровное хриплое дыхание, а на ранах сквозь коросту проступили капли гноя, местами его тело покрывали синюшные пятна, и не понять – что это было: синяки от побоев или заражение.

У ручья она омыла его раны и, сняв свой порванный балахон, легла рядом, понимая, что, даже если понесётся во весь дух, всё равно не успеет перенести Дитриха в башню, туда, где хранились запасы лекарственных трав.

Он бредил, кашлял и метался, а когда приходил в себя, то кричал и только крепко сжимал её ладонь. Жар усиливался, сердце юноши билось по-птичьему быстро. Он умирал – твердило звериное чутьё, разбивая все надежды.

– Моя принцесса, – в бреду говорил Дитрих, ощупывая её лицо, не ведая ни неприятия, ни страха. Возможно, в мире грёз для него сейчас так и было.

Она беззвучно плакала и выла. Собственные слёзы на вкус казались горьким пеплом.

Багряно-красный рассвет затапливал алым светом лес, гоня прочь сумрак и ночные тени.

Дитрих угасал, однако она не хотела отпускать его. Но что было делать?! Несколько раз девушку озаряло, что она могла бы укусить его и тем самым, возможно, обратить его, как произошло с ней. Но ей было невыносимо обречь человека против его воли на участь чудовища. Девушка не хотела, чтобы за это Дитрих вечно ненавидел её.

– Я хочу жить! – надломленно сказал Дитрих и сел. – Я так хочу жить. Зачем же ты спасла меня, если всё одно умирать?!

Слов не было, только вопль и образ в голове, который она послала ему. Дитрих замер, дёрнулся, а потом легонько кивнул. Бросок, острые зубы впились в юношеское плечо.

Вкус крови, горячий и медный во рту, разлился по нёбу, яд вспрыснулся в его кровь. Она поцеловала Дитриха в лоб и сбежала на охоту. Не в силах оставаться подле, потому что чувствовала: истерзавшись неведением, обезумеет.

Ночью, вдоволь насытившись, девушка вернулась, притащив пару белок ему. Дитрих исчез. Сердце забило, от волны паники и страха, она начала задыхаться. Бросив добычу, раздувая ноздри, лихорадочно стала искать его и нашла у ручья.

Девушка пискнула от удивления и радости, замерев на месте, когда взглядом встретилась с юношей.

– Дитрих... – Слова коверкались от волнения.

Он подошёл к ней, оцепеневшей, первым и крепко обнял. Ожоги на лице юноши прошли, на нежной коже местами уже проступали чешуйки. Её пальцы нежно пробежали по щетине его вновь отрастающих волос.

– Это чудо, что я вижу тебя... – В голосе Дитриха радость, в глазах ласка. И вдруг его ладони уже на коже её лица, нежно гладят чешуйки, а пальцы мягко обводят контуры губ. – Моя спасительница, благодарю тебя... – Он падает на колени, обнимая руками девичьи ступни.

– Тише, не надо, глупый. – Девушка садится рядом. – Поешь лучше, я наловила белок...

– Ты для меня прекрасна, как принцесса, – с придыханьем говорит Дитрих.

В его красновато-чёрных глазах с тонкой вертикальной

чёрточкой зрачка светится искреннее обожание. В глазах юноши здесь и сейчас она действительно принцесса, и пусть кожа девушки чешуйчатая, а волосы черны, как сажа, между ними теперь не существует иллюзий, как нет и лжи.

Она тяжело вздыхает. Дыхание перехватывает от нахлынувших чувств. Вот так сладко и одновременно болезненно исчезает в душе печать одиночества, а сердце при этом щемит от счастья, ибо каждому слову Дитриха верит.

На глазах девушки выступают слёзы, а когда она встаёт вместе с Дитрихом, то колени дрожат, а тело ощущает лёгким и невесомым, как пушинка.

Их ладони переплетаются крепко-накрепко, как негласные обещания, как узы верности. Пара разделяет охотничью трапезу и мысленно разговаривает обо всём на свете, не проронив ни единого слова, чтобы заснуть потом в объятиях друг друга.

И пусть их дом укрыт в глуши, в башне, куда никогда не ступит нога человека... Что им мир людей, когда теперь у Дитриха и его принцессы своё дикое, лесное королевство?..

Павел Рязанцев

Новые Лисы

1

Порыв тёплого ветра рассеял дым, оставшийся после автобуса. Обратный путь в райцентр займёт не один час, и водитель явно не хотел терять времени. Двое туристов, парень и девушка, чуть ли не соскочили с площадки и едва успели отпрянуть, спасая ноги и багаж от колёс. Чемодан завалился на бок, а сумки и рюкзаки грузно хлопнули по бокам, поясницам и спинам. На задворках сознания мелькнуло беспокойство о сохранности багажа: пара привезла с собой хрупкую аппаратуру, в частности, цифровые камеры.

А вокруг было что снимать.

В первые же секунды Дмитрий осознал, что погорячился, когда заочно окрестил Новые Лисы «очередным Мухоморанском». В отличие от Киры он никогда не видел ни просто маленьких городов, ни по-настоящему вымирающих сёл. Во всяком случае, российских. Шутка про Москву как отдельное государство возникла не на пустом месте, и соцсети не давали забыть об этом. Неудивительно, что чистые просторные улицы, дразнящий ноздри запах ванили и множе-

ство симпатичных девушек оказались для Дмитрия полной неожиданностью. За время пути парень успел представить уйму пейзажей, едва ли лестных даже жителям средневековой деревни в разгар эпидемии чумы.

– Песец всегда подкрадывается незаметно, – буркнул Дмитрий, отвечая на ехидный взгляд Киры. Беззлобно улыбаясь, девушка достала из кармана шорт смартфон: предстояло найти путь к гостинице.

– Не туда ли нам? – Угадав намерения Киры, Дмитрий указал на белое трехэтажное здание дальше по дороге. Над входной дверью висела огромная вывеска с нарисованной рыжей фигурой.

Кира навела объектив встроенной в телефон камеры на здание. Там, где пасует не самое острое зрение, вполне справляется мощный зум.

– Похоже на то, – Кира пожалала плечами, и путешественники, нагруженные сумками и чемоданом, отправились в путь.

Быстро идти могла только Кира, самый тяжёлый и хрупкий груз, по обыкновению, достался оператору, то есть Дмитрию. Тот плёлся следом, по возможности осматривая красоты городка, который покинет уже завтра. Максимум, послезавтра. При всей аккуратности фасадов и улыбчивости жителей, Дмитрия не покидала мысль, что в облике Новых Лис было что-то от молодящейся старухи: не то слишком пахучие духи, не то слишком белое лицо, не то роскошное платье ни к селу ни к городу. И взгляды. Странные взгляды, не

выражавшие ни презрения к чужакам, ни хитрой торгашеской радости, ни даже показного безразличия. Лишь праздничный интерес, с каким закоренелый скептик читает гороскоп. Или с каким ребёнок разглядывает поросёнка на этикетке с ветчиной, что лежит здесь же, на хлебе с маслом и сыром.

«Так вот какая ты была...»

Путешественники вышли к гостинице «Рыжий хвост». Фигура на вывеске оказалась лисой: остромордой, усатой и хвостатой. Точно такую же Кира с Дмитрием увидели, открыв стеклянную дверь. Зверёк свободно бродил по вестибюлю, а при вторжении убежал за стойку администратора. Дмитрий невольно проследил за лисой, и его взгляд задержался на глазах... да, именно на больших и ясных глазах шатенки в белой блузке.

– Здравствуйте! Чем могу вам помочь?

«Всюду вас, красавиц, ставят...»

Киринок локоть упёрся Дмитрию в бок. Хоть парень и примерил на себя роль оператора впервые, знакомы с блогершей они давно.

– Здравствуйте, на прошлой неделе нам пришло письмо, – Кира открыла приложение электронной почты и показала администратору экран айфона. – Я владелица блога-миллионника «40 000 километров», и вы – ну, не вы конкретно, ваше начальство...

Администратор кивнула. Лиса к тому моменту перестала бояться и приблизилась к прибывшим. Вернее, к Кире. Звез-

рѣк с явным интересом обнюхал её и потѣрся о ногу. В этот момент лицо администратора стало серьёзным и даже озадаченным.

– ...попросило... да что же ты... застримить ваш праздник. Как его там... – Кира отмахнулась от лисы, – Рассвет Опыления?

– А, вы на Зарю Цветения? Очень рады!

Дмитрий поежился от улыбки девицы за стойкой. Так же зловеще и искусственно улыбалась Кира, когда только начала вести видеоблог о путешествиях. – Мы уже боялись, что вы не успеете. Церемония начнётся завтра на рассвете. Ваш номер готов! – Администратор передала ключ Кире и сделала пометку в журнале. – Дальше по коридору, последняя дверь слева.

Когда Дмитрий, следуя за Кирой, поравнялся со стойкой, администратор заговорицки поманила его.

– Подождите... – шепнула она и, нагнувшись, скрылась за стойкой.

«Так, а это ещё что?»

– Заря Цветения – праздник любви и возрождения, – промурлыкала девушка, вручая Дмитрию бутылку вина. – Хорошее вино. Девушкам всегда нравится. Мне оно тоже нравится! – и улыбнулась.

Не так искусственно, как при Кире.

2

Номер был явно не из люксовых, на что оператор в тайне

надеялся. Однокомнатный и без изысков: ни картин, ни развесистых люстр, только крохотный серый сейф в шкафу да мини-бар у стола. Кире, впрочем, было не привыкать – после ночёвок в палатках под уханье сычей и в полуразвалившихся комнатухах со скрипящими при каждом шаге половицами. У Дмитрия не было тяги к роскоши и изобильным шведским столам, но ему всё равно не нравился номер. Не нравилось, что сбоку от комнаты расположен чёрный ход; что в туалете всего один рулон бумаги, и тот не новый; что нет одноразовых тапочек и халатов.

– Херня это всё, – пробурчал Дмитрий, расстёгивая чемодан, ведь, помимо прочего, в нём ожидали своего часа чистые шлёпки и домашние шорты. Так же парень точно знал: у Киры есть запасной рулон туалетной бумаги, возможно, даже два.

– Может, сдвинуть их в одну? – предложил парень и указал на односпальные кровати, но осёкся, наткнувшись на угрюмый взгляд. Плохой Wi-Fi не лучшим образом сказывается на настроении.

«Может, она ещё передумает» – подумал Дмитрий, подходя к мини-бару с подарком от администрации.

Ко многим вещам можно приспособиться: что-то предусмотреть, с чем-то смириться, что-то приспособить под себя. Но вечно держать себя в узде невозможно. У Дмитрия давно не было тёплой компании, а администратор явно разбилась в людях и неспроста вручила Дмитрию бутылку лёг-

кого алкоголя.

– А знаешь, мне тут винишко подогнали, – как бы между делом заявил Дмитрий и откупорил бутылку штопором, что нашёл на подносе поверх мини-бара. – Говорят, суперское. Будешь?

– Не буду, – буркнула Кира, занятая анонсом завтрашней трансляции в социальных сетях. – Не хватало ещё нажраться в хлам и всё проспять.

«План А не сработал, переходим к плану Б».

– А я выпью! – Крякнув с досады, Дмитрий сделал несколько крупных глотков прямо из горла бутылки.

«Может, надо было к девке за стойкой подкатить, – запоздало всплыло у Димы в мозгу, – а то зачем она о себе сказала? Может, любит чпокаться с приезжими...»

Поглощённая работой, Кира не замечала шумного бульканья друга. Или не просто друга, сама ещё не разобралась.

– И потом, – продолжил Дмитрий, поставив бутылку на тумбочку, – тут и градусов почти нет... Ик! Уж я-то в жизни бухла...

Тень выросла за дверью. Колонны ног встали на пути света.

Мысли Дмитрия тяжело ворочались в голове, равно как и язык во рту. Слова обрывались, едва сказанные. Проямлив что-то на пьяном наречии, Дмитрий рухнул на пол.

Ещё несколько теней замельтешили под дверью, появившись откуда-то сбоку. Дмитрий успел заметить, как Кира

вскочила с места, прежде чем мир смазался и потух.

В щель от замка вошёл ключ. Раздался тихий щелчок.

Сквозь барабанную дробь в висках, слившуюся в один нескончаемый гул, пробивались и другие звуки – всё тише и тише с каждой секундой.

Топот. Скрип двери. Визг. Крик боли, а за ним хлёткий удар и звук падения тела...

Фырганье.

3

Боль в лопатках прорвалась сквозь вуаль тёмного беззвучья. Очнувшись, Дмитрий поёрзал, но тут же простонал, пожалев, что вообще пошевелился: под спиной и затылком был лишь неровный холодный камень. Постепенно возвращались остальные чувства. В ушах стояло хоровое пение и сухой треск. Под веки просачивался неровный свет.

Пелена сна спала, и теперь мозг мучительно восстанавливал картину последних событий.

«Админка с бухлом... ударило в голову... шум... фыр-фыр... Фыр-фыр?»

Усилием воли Дмитрий разлепил веки, а затем наклонил голову, чтобы оглядеться. Тут ему в лицо упёрлась фыркающая лисья морда.

– Ах, это ты, сука...

Лисица сердито чихнула в лицо парню и спрыгнула куда-то вниз. Дмитрий попытался подняться, но обнаружил, что обездвижен, крепко связан по рукам и ногам бечёвкой.

Лишь шея была свободна от пут, можно было вращать головой.

Роща, пылающие костры, венки и разноцветные ленты на ветвях – всё напоминало декорации к фильму о древних славянах. «Массовка» соответствовала. Широкий дуб – старейшее дерево если не в округе, то в роще уж точно – опоясывали люди: мужчины в светлых рубахах, женщины в сарафанах. Ближе всех к безликому идолу стояли старики. Дети, смеясь и твякая, беспорядочно скакали и кружились, точно собаки, пытающиеся поймать собственный хвост. Девушки в коротких, то и дело задиравшихся льняных сорочках водили хороводы вокруг костров. В двух шагах позади девушек лежали бумажные, картонные и даже деревянные маски, изображавшие лисью морду.

Такую красоту не грех бы и заснять.

Поначалу Дмитрий не верил глазам и думал, что всё ещё спит, но проснуться не получалось, сколько бы он ни тряс головой или моргал.

– Что вы делаете?! Отпустите меня!

Это была Кира – её крик Дмитрий узнал бы из тысячи даже сквозь бухтение толпы вокруг дуба. К нему и была привязана владелица блога-миллионника, раздетая и с синяками на лице и руках.

– Дима!!!

– Тотем Покровителя общины указал на тех, чья жертва пробудит Природу, – провозгласил длиннобородый старик,

стоявший перед деревом с кинжалом в ладони. – Во благо Рода, Яви и Правды!

– Во благо Рода, Яви и Правды! – подхватили кругом.

Раздался свист рассекаемого воздуха, и из перерезанного горла на корни полилась молодая кровь. Древняя земля жадно впитывала пищу.

Дети загалдели громче прежнего, к ним присоединились девушки, и кольца вокруг костров распались. Красавицы подхватили маски и, надевая их на ходу, устремились к ошеломлённому Дмитрию.

– Ди-и-ы-ы-ы... а-а-а... – прохрипела Кира, прежде чем обмякнуть и закрыть глаза в последний раз.

– Нет... Нет! Уроды! Что вы... – Дмитрий задёргался и попытался доползти до края своего каменного алтаря, но это оказалось бессмысленно: над ним уже нависли самодельные лисьи морды.

– Когда деревья снова станут зелёными, а небо очистится, ваши души воссияют в лучах Божественного Света, ибо жертва ваша была не напрасна!

– Что?! Что за грёбаную херню ты несёшь, больной укур-рок?! Отпусти меня!!!

Между редкими листьями показалось предрассветное солнце. Рыжий талисман деревни затыкал. В руках «лис» блеснули заточенные бычьи рога.

– Очень жаль, что не удалось застримить торжество! – из-за ближайшей маски раздался знакомый женский голос. Го-

лос администратора гостиницы.

– Да чтоб вас всех! – прохныкал Дмитрий, почти ослепший слёз.

Члены общины притихли, дети умолкли, а затем...

Затем десятки ударов в живую плоть и предсмертные крики возвестили о начале весны.

Волчье сердечко

1

«Забавно слушать ложь, зная правду.

Так и быть, не ложь, а сказку. Детям положено читать сказки: они развивают фантазию, стимулируют образное мышление, успокаивают и всё такое. Я не против. Если не получается ценить родителей за действия, то остаётся ценить за намерения.

Детство сродни отпуску, каникулам, на которых от меня почти ничего не требуется, чтобы выжить. Не то, что в Средние Века. И всё же я стараюсь отыгрывать свою нехитрую роль

(«стараюсь», потому что актриса из меня никакая)

и улыбаюсь, когда Мать прерывает чтение и смотрит на меня. Получается не очень, раз она перешёптывается с Отцом об эмоциональной инвалидности. Отец, впрочем, не беспокоится. Он понимает, что дважды – один раз невольно, один раз осознанно – отсрочил моё возвращение в мир жи-

вых. А ведь я могла уже быть полностью сформировавшимся человеком, а не младенцем.

Впрочем, я его не виню. В конце концов, он сдержал обещание.

Мать видит во мне только своё дитя, и ведёт себя соответственно. Эти сюсюканья и умиления очень раздражают. Отец же чувствует немного больше. Да, он смотрит на меня щенячьими глазами, потому что я похожа на его женщину, но говорит, как правило, по-взрослому. Спрашивает. И я бы ответила на его вопросы, но пока не умею; я бы выразила свои потребности на бумаге, но пальцы слишком слабы и малы, чтобы удерживать карандаш или ручку; я бы спроецировала нужные мысли ему в голову, но это оказалось слишком тяжело для детского мозга.

Сейчас Мать читает сказку, написанную Отцом. Он... смягчил одну из своих «взрослых» историй, я видела образы из неё в его голове. На выходе же получилась очень банальная история: девочка плавала в речке, побежала за Кошечкой в лес, подружилась с Волчонком и вернулась домой, где её ждал братик, любивший рисовать.

А изначальная история... Ох, как же это было сладко!»

– Что, солнышко, тебе понравилась сказочка? Папочка написал её специально для тебя, котёночек!

Над подержанной, но чистой и крепкой колыбелью нависла женская голова. Длинные чёрные волосы местами спута-

лись, но исхудалое бледное лицо озарилось светом нежности и доброты каждый раз, когда тёмно-голубые глаза видели крошечный комочек живой плоти. Продолжение молодой матери, её билет на пароход вечности, пропуск в бессмертие.

«Да, мамочка, понравилась. Очень понравилась. До чего же весело и приятно было дружить с Волчонком!»

Приоткрытые глазки существа, походившего в своих пелёнках на огромного головастика, покосились, как если бы принадлежали взрослой девушке, вспомнившей нечто постыдное, но приятное и греющее душу. Уголки губ натянулись...

– Она улыбнулась! Смотри, она улыбнулась!

...но только чуть-чуть.

2

Время проходит быстро, даже если кажется, что оно ползёт как улитка, которой в общем-то ничего и не нужно. Это понимаешь лишь в самом конце, когда необратимые изменения, наносимые временем, словно песок – ветром, становятся очевидны.

– И что это мы тут читаем, хм?

Как, например, невозможность удержать ребёнка на месте, если там нет ничего для него интересного.

«МЫ ничего не читаем. Я ни слова не понимаю из того, что здесь написано».

Мать подошла к распластавшемуся на полу младенцу. Перед большой и, наверное, тяжёлой головой лежала потрепан-

ная книга в мягкой обложке – одна из тех, что доживали своё век на нижних полках. На обложке художник изобразил звёздное ночное небо, но краски уже успели потускнеть и местами выцвели.

«Похоже, на этом языке написаны все их книги. Значит, и говорят здесь на нём. Не знаю, встречался ли он мне раньше. На слух воспринимаю, но вот буквы совсем не знакомы...»

– Иди сюда, золотце! – женщина взяла ребёнка на руки, попутно подбирая книгу с пола. – И как ты только сюда добралась?

«Ползком. Ты как-то иначе передвигалась в своё время?»

Книга раскрылась, и с пожелтевших страниц на малышку грозно взглянул баран с круто закрученными рогами. Мать спешно перелистнула несколько страниц, хотя девочка не подала виду, что испугалась. Теперь на бумаге в окружении текста красовались две колонны-кариатиды в виде мальчиков.

«Где-то я это уже видела...»

Маленькая рука потянулась к краю страницы и неловко перелистнула её.

– Вот так! – подбадривала Мать, радуясь успехам своего маленького человечка.

Теперь на «человечка» глядела ракушка с клешнями.

– Это знаки зодиака, Анюша. Всего их двенадцать.

«Тринадцать».

Мать листала книгу и тыкала пальцем в изображения,

проговаривая названия существ и персонажей. Ребёнок устало переводил взгляд серых глаз с книги на лицо женщины и обратно, как бы сличая услышанное с увиденным.

– Каждый из нас рождается под одним из этих созвездий, – Мать чмокнула дочку в щёку. – Это зависит от того, когда человек родился.

Всё-таки хорошо, что маленькие дети не совсем контролируют свою мимику, и многие гримасы появляются спонтанно. Иначе можно было бы подумать, что лицо крошечной Ани выражает безгливость на грани с отвращением.

– Я родилась весной, под знаком Тельца, – Мать нашла в книге разворот с минималистичным рисунком бычьей морды. – Я упрямая – му-у!

(«Богиня, за что мне это? Вернее, ЗА ЧТО ИМЕННО?») – и очень люблю детей! – Женщина хищно облизнулась.

«Прекрати!»

На вновь потянувшиеся к ребёнку бледно-розовые губы легла крошечная ладошка. Глаза матери округлились от недоумения, но уже через секунду удивление сменилось весёлостью, и широко распахнутые веки сошлись в узенькие щелочки на трясущемся от смеха лице.

– Вот недотрога! Люблю тебя!

«Положи меня. Сейчас же!»

Аня раздраженно запищала.

– Ну что мне с тобой делать? – устало вздохнула Мать и понесла закатившую глаза дочку к манежу.

«А что мне с тобой делать? Никогда не доводилось сидеть в клетке? В манеже почти то же самое. Скорее бы научиться ходить и говорить...»

Мягкий свет проникал за шторы, выдавая продрогшим под ливнем воронам, что в огромной бетонной коробке не спят. Вернее, пока не спят.

– Уж ты, котинька-коток,
Уж ты, серенький бочок...

Аня, лёжа на спинке в манеже, вяло наблюдала, как Отец вертит в руках плюшевого медвежонка, пока Мать поёт колыбельную.

«Судя по тому, как Отец зевает, эти песни больше для родителей, чем для детей... Интересно, были ли у меня когда-нибудь дети?»

– Приди, котя, ночевать, – продолжала Мать, изо всех сил улыбаясь безэмоциональной дочери, – мою детку покачать.

Отец перехватил ручки игрушки и обнял ими Аню вопреки ледяному взгляду последней. Он даже ухмыльнулся, мол, я делаю, что считаю нужным, а ты не будь такой злокой.

– Уж как я тебе, коту,
За работу заплачу:
Дам кувшин молока
Да кусок пирога.

Отец выразительно на Мать
(«Вот я здесь. Где мой гонорар?»),

но та с улыбкой отпихнула его лицо подальше от своего.

Аня зевнула, а её веки стали медленно, но неотвратимо выдавливать родителей из зоны видимости. Однако они, похоже, не хотели уходить без боя, и Аня ощутила сухую, словно покрытую тальком ладонь на своём животике. Раздражённый взгляд младенца был встречен не менее раздражённым взглядом Отца.

«Нельзя всё время вести себя как социопат в пелёнках! Будь хорошей девочкой хоть изредка!»

«Ладно, уговорил...»

Аня обхватила кисть матери ножками и ручками и слабо, но деловито вцепилась беззубыми дёснами в костяшку ближайшего пальца. Боли не было, лишь лёгкий дискомфорт от слюны, попавшей на кожу.

– Милашка, – с нежностью проронила Мать; глаза женщины влажно блестели – примерно так она и представляла себе материнство.

Отец одобрительно кивнул дочери. Дочь в ответ презрительно чихнула и уверенно почесала нос.

3

Бытует мнение, что отцы всегда сплавляют детей матерям, а сами если не куролесят, играя в видеоигры, то безмятежно дремлют на диване, пока женщина мается с вечно плачущим и норовящим куда-нибудь уползти головастиком. Едва ли стереотип возник на пустом месте, но Анечке повезло, и Отец в полной мере понимал свою ответственность за со-

хранность маленького сероглазого создания. Поэтому Матери не было никакой нужды превращать визит к врачу в целое мероприятие, пока Отец храпит на всю квартиру.

Ведь ничто не мешает храпеть на всю квартиру вместе с ребёнком!

– Гениально! – Мать улыбнулась чаду на руках мужа в надежде увидеть ответную улыбку. Если бы Отец не дёргался и не пыжился

(кое-кому не мешало бы потягать гири, ведь дети с возрастом не становятся легче),

она бы заметила натяжение уголков крошечных губ. Замокнутая от природы, Аня всё же уяснила: если Мать не «подкармливать» слишком долго, она становится злой; если она злая, то становится очень шумно. Из двух зол Аня выбрала меньшее: то, которое тихое. – Не скучайте!

Чтобы закрыть за женой дверь, Отцу пришлось перенести вес ребёнка на грудь. Маленькие ручки в тот же миг обхватили шею, словно жгуты. Отец невольно задумался, как бы он поступил, попытайся ребенок его сейчас придушить.

Но маленькая Анечка, само собой, не стала бы этого делать. Она не была способна на такое. Физически.

«Да и должен же кто-то меня кормить».

Отец не заставил себя ждать и, покормив дочку, уснул с ней в обнимку. А вот дочка не уснула...

Из коридора донёсся глухой удар, но для пробуждения Отца этого было мало. Казалось, что везде и всегда его окру-

жали энергетические вампиры, а одиночество не приносило облегчения, лишь даровало возможность пристроиться в какое-нибудь тёплое и сухое место и вздремнуть.

«В былые времена я училась варить яды и накладывать проклятья. Сейчас я учусь стоять на ногах и ходить. Это гораздо сложнее!»

Неудачная попытка встать стоила ребенку не самой мягкой посадки. Лицо Ани покраснело. Плач терзал нутро и рвался наружу, иссушая горло и нёбо, но девочка не могла дать ему волю: от всхлипов Отец точно проснётся, и про исследования на сегодня можно будет забыть. Раньше он понимал, что Аня не «чистый лист», а разумное существо, прекрасно осознающее, что к чему. Но последние несколько недель он всё сильнее становился похож на Мать: сюсюкался, нарушал личное пространство «обнимашками» и «кусьцмк»-ами, обзывал «Нюшей», «няшей» и «сладочкой».

«Возможно, разум взрослых постепенно покидает их в пользу детей...»

Утерев выступившие слёзы, Аня оперлась на ручки и попыталась встать. Ступни оказались слишком гладкими для пола, и ноги разъезжались в стороны. Мягкие мышцы слабо тормозили падение, и родись Аня мальчиком, ей было бы мучительно больно. Несколько раз подряд.

«Настоящая боль ещё впереди».

Постепенно она поднялась, опираясь на стену и осторожно переставляя ножки, пока не почувствовала: всё, она сто-

ит. Словно колосс на глиняных ногах, девочка шагнула в сторону прихожей. С непривычки тело слишком сильно накренилось вперёд, и Аня едва успела выгнуть спину, рискуя завалиться назад.

«Осторожно...»

Легкая, едва ощутимая волна коснулась затылка, предвосхищая голос.

– О-о, топ-топ-топ!

Аня замерла, уже зная, что увидит обернувшись. Измученная нелёгкими и болезненными упражнениями, она упустила момент, когда храп из спальни перешёл в шелест шагов.

Отец обошёл Аню и сел перед ней на корточки. В выражении лица родителя не было никакого умиления, лишь кривая ухмылка и прищур, похожий на её собственный. Это снова был человек-противовес приторно ласковой Матери, стремившейся пробудить в сердце дочери силы, необходимые для улыбки и смеха.

– Падать больно, но ты об этом и так знаешь. – Отец протянул дочери руку. Аня взглянула исподлобья, но всё-таки протянула ручки навстречу и сделала ещё один шаг.

Слабые ножки к тому моменту уже очень устали, но родитель успел подхватить малышку. Так они и замерли, задумчиво глядя вникуда: Отец не знал, как развлечь свою «няшу», а «няша» слишком устала, чтобы отбрыкиваться и пытаться уползти по своим делам – или убежать, если получит-

ся. Да и какой в этом смысл?

Никто не следил за временем, поэтому возня в прихожей застала обоих врасплох. Через несколько секунд щелкнул дверной замок, и в дверях появилась знакомая, можно сказать, родная голова.

– А мы тут ходим! – Отец поднялся и с гордостью продемонстрировал нетвердую поступь Ани Матери.

– Привет, моя хорошая! Ух ты! Ножки сильные, красивые как у балерины!

«Будь уверена, балерины страдают если и больше меня, то ненамного!»

– Но лучше не рисковать и не ходить слишком долго. Доктор сказал, что всё хорошо. – Мать повернулась к Отцу. Тот взял Аню на руки и приблизился к жене. От неё пахло больницей, но без примеси болезни и разложения. Аня почувствовала что-то ещё; она ощущала эти странные нотки в воздухе и раньше, но не обращала внимания. Запах, будто где-то рядом бродит беременная кошка.

– Ты ещё не придумала, как сестрёнку назовём? – Мать мягко ущипнула дочь за плечико. Та промолчала. Зато её глазки округлились, сделав похожей на инопланетянина. После замешательства, длившегося несколько шумных от болтовни взрослых секунд, «инопланетянин» осознал, что последние месяцы не обращал внимания как на запах, так и на полноту Матери.

Крошечное личико приняло грозный вид, а взгляд вце-

пился в Отца.

«Мы так не договаривались!»

– У-у...ю-ю...

– Что-что, зайка? – Мать прильнула ухом к губкам ребёнка.

– У-убю-ю-ю...

– Она пытается заговорить! Она пытается заговорить!!!

– Наверное, она говорит «люблю», – усмехнулся Отец.

Усмехнулся через силу, ибо не слишком-то верил в собственные слова.

4

Осень застыла на пороге зимы, словно старость – на пороге смерти. Городская ночь светла, но плотно закрытые ставни спасали искавших сна людей от света бессонных фонарей и фар беспокойных автомобилей. Ветер за окном выл, будто живое существо, дующее на свежий ожог. Возможно, это именно то, что взрослые, беззаботно плывшие навстречу Гипносу, видели в своих снах...

Но вряд ли они видели, что манеж у стены опустел.

К хриплому голосу ветра прибавился ещё один – скрип пола, по которому ходили: тэк-тэк, тэк-тэк – неуверенно, но совсем рядом. Это продолжалось лишь несколько секунд, а затем звук затих у кровати. Затих, но успел передать свою жуткую эстафету дальше. Под ступнями взрослых, что любили друг друга и своих детей, мрачно скрипнула кровать, а после – зашуршала простыня. Источник возни приближался;

шелест прокрадывался в сновидения, быть может, превращая зелёный альпийский луг в оживлённую автомагистраль, а мертвенно-тихую пустыню – в бушующий океан. Спящие морщились и ворочались, дабы спасти свои хлипкие миры от вторжения, но от него было не укрыться. Даже спрятав голову под подушкой.

В простыню рядом с правой пяткой Отца вцепились крошечные пальцы. Затем на их уровень поднялось бесстрастное лицо ребёнка. Аня быстро вскарабкалась к родителям и встала на ноги. Имея цель, она держалась намного уверенней и ступала твёрже. Тех пучков света, что пробивались с улицы, вполне хватало, чтобы выделить контуры Матери в наслоении складок и изгибов и передвигаться достаточно аккуратно. Аня мысленно улыбнулась, заметив лежащую между родителями тряпичную куклу с блекло сверкающими глазами-пуговицами. Учитывая частые перемены в поведении Отца, не исключалось, что и этот штрих к занимательной картине семейной идиллии принадлежал его кисти.

Остановившись перед животом матери, девочка прислушалась. Дыхание спящей было ровным и глубоким, однако лицо её морщилось, когда Аня всматривалась в него. Можно только гадать, что происходило с душой, пока тело подвергалось атакам морозного взгляда. Девочка села на колени поверх материнских ног и прислонила ухо к её животу. Слух искал робкие симптомы новой жизни среди нитей старой; границу между работой кишечника и вялыми движениями

конечностей ещё меньших, чем у Ани сейчас; паузы между ударами двух сердец. И нашёл.

Это важно, ибо нельзя отнять то, чего нет.

«Этой семье не прокормить нас обеих. – Аня опустила ладони на живот Матери и закрыла глаза. – По крайней мере, сейчас».

Дитя в плаценте встревожилось. Мать простонала сквозь сон от болезненного шевеления внутри: её тело стало ареной сражения.

Как и её сны.

Зелень увядала. Нескончаемый поток ледяного воздуха, лившийся откуда-то из-за горизонта, вдавливал сочную траву в землю, метр за метром превращая её в плесневело-серое месиво. Небо тем временем тлело как сигарета; шёл дождь из пепла. Деревья, даже хвойные, почти разом сбросили весь покров: шишки, листья, иголки – обнажив корявые чёрные скелеты.

Наступление смерти было последовательным и неумолимым, а жизнь терпела поражение по всем фронтам. Мир разделился на две совершенно непохожие друг на друга полусферы, одна из которых росла за счёт другой, пожирая её, словно раковая опухоль – здоровую клетку. Обозримый луг почти полностью превратился в монохромное полотно, а остатки красок теснились к ребёнку. К взрослому ребёнку, что спал на пока ещё живой траве с тряпичной куклой под

боком.

Найдись в этом мире место эмоциям и мыслям, Мать испугалась бы за жизнь человека (и за игрушку тоже: было в ней что-то от человека), но всё вокруг существовало и не существовало одновременно, даже она сама. Не ощущая себя, не осознавая себя, Мать молчаливо пролетала над мёртвой землей, словно видеокамера во время съёмок фильма-катастрофы где-нибудь в Скандинавии; видела, как подступающая серость иссушала траву под спящим. Кукла стала последним оплотом живой зелени до самого горизонта и как будто просияла на секунду, осознав свою значимость в этом мире. Ткань, служившая ей плотью и кожей, стала ярче и насыщеннее, глаза-пуговицы сверкнули; в ватных внутренностях словно родилось крошечное солнце, разливая мягкий свет по нитям. Затем тьма добралась и до травы под куклой, осквернив последний островок по-настоящему живой материи. Небо окончательно заволочло тучами.

Мужчина не проснулся под свинцовым куполом, лишь нахмурил брови, словно его посетил дурной сон. Глаза куклы потускнели от недостатка света вокруг.

Но в них по-прежнему теплилась жизнь.

Тоска

На асфальте шелестели листья, под окнами кричала дева. Толпа школьников звала общего друга выйти на ули-

цу и дружной компанией поклянчить у соседней сладости.

– Томми, если у тебя нет костюма, – пропищала маленькая ведьма, поправляя широкополую шляпу, – можешь надеть клетчатую рубашку и взять в рот зубочистки. Сойдёшь за пугало!

Стоявшие рядом вампиры, пираты и налоговые агенты весело загудели. Но Томми не ответил, даже не подошёл к окну. Был ли он вообще дома?

– Опять играет в приставку! – махнул рукой пухляш, с ног до головы замотанный в бинты.

Немного поворчав, страшили перехватили пластмассовые сумки-тыквы и отправились по своим конфетным делам.

– Раньше он всегда участвовал, – пробурчал кто-то, поворачиваясь к дому спиной и спеша за остальными. – Похоже, конец света совсем близко.

Шаги и крики смолкли отдалившись. Оранжевое солнце потихоньку пряталось за крыши коттеджей, чтобы незаметно слиться с горизонтом. Небо меняло цвет: сначала оно напоминало тыквенную мякоть, затем спелую малину, сизый виноград – пока не превратилось в бескрайнюю гладь «кока-колы», только без пузырьков-звёзд. Пригород не торопился засыпать, ибо праздник только начинался. В окнах каждого второго дома горел свет, а там, где он не горел, возможно, мерцали экраны телевизоров. Во дворах стояли пластиковые тыквы и черепа, а с крыш свисала праздничная мишура: вырезанные из бумаги летучие мыши, черепа и паутина.

В доме, где жил Томми, тоже горел свет, хотя праздником и не пахло. Под кухонным столом блестела полупустая бутылка, на столе же стояла фотография в рамке с чёрной каймой. Перед ней, опустив голову на руки, храпел мужчина. Храпел громко, хоть и недостаточно, чтобы разбудить ребёнка в соседней комнате.

Впрочем, в детской всё равно не спали.

– Давай, переворачивай страницу!

Томми заёрзал под одеялом. Тут же прошелестела бумага, а бледно-жёлтый луч фонарика высветил очередную картинку и пару абзацев текста. История продолжалась, а по спине скользила узкая ладонь с длинными тонкими пальцами. Иногда звучал женский смех, и в эти секунды лицо мальчика расплывалось в улыбке.

Ни компьютерная стрелялка, ни прогулка с друзьями, вопящими «Сладость или гадость!», не могли заменить Томми этого чувства: ощущения чего-то сокровенного и важного. Того, что делает праздник праздником.

А это намного важнее, чем тыквы, костюмы и ночные приключения.

– Ммм-мм-ммм... Хмм-мм, – женский голос будто напевал колыбельную.

Томми зевнул – вряд ли из-за пения. Хотя небо за окном по-прежнему чернело, на улице было тихо. Часы на стене

давно отсчитали ведьмин час, а в далёкой Калифорнии пропели первые петухи.

– Тебе разве не нужно в школу сегодня?

– Нет, мам...

– Это ещё почему?

– Ну, пожалуйста, мам!

– Никаких «пожалуйста»! Эх...

Томми почти почувствовал холодное дыхание матери. Когда она обняла его сквозь одеяло, Томми съёжился и засопел, по его правой щеке потекла горячая слеза.

Мать отстранилась. Скрипнула кровать. Сквозь тиканье часов Томми услышал шаги и высунулся из-под одеяла.

– Мама...

Та стояла у окна и с грустью глядела в коридор. Мужчина на кухне ёрзал и бормотал во сне.

– Скорее... Дженни, дай мне руку!.. Вылезай... скорее...

– Прощай, Майк, – прошептала мать. – Томми, отвернись, пожалуйста.

– М-мама, – голос мальчика дрожал, – ты п-придёшь... в следующем году?

Мать молчала. Тени на потолке расплылись. Небо за окном светлело – из чёрного перекрашивалось в синий.

Наконец, она ответила:

– Не знаю. Постараюсь. Пожалуйста, не смотри!

Том закрыл лицо одеялом и заплакал. Ему бы так хотелось не слышать треск, не ощущать запаха гари, дыма и обуглив-

шейся плоти, не чувствовать этого проклятого жара со стороны окна.

– Постараюсь... пожалуйста, не смотри...

Треск прекратился. С кухни раздался звон: бутылка под столом опрокинулась, остатки её содержимого растеклись по полу.

– Дженни, дай мне руку... – бормотал мужчина, ёрзая на стуле и стуча по столу дрожавшими пальцами. – Тут всюду бензин, Дженни. Вылезай из машины!.. Не дыши...

Адиль Койшибаев

День святого Маркуса

– Дин? Ты не забыл, что праздник святого Маркуса встречают вместе с семьей? А твоя семья это я, Кай и Аниса.

– Фитрия не начинай.

– Что не начинай... тебе напомнить, как в прошлом году на этот праздник ты укатил на охоту за дикими катриями в пояс астероидов Рубикона? Еще прихватил с собой Нила. Два года назад ты отмечал день Маркуса с какими-то гребанными хаританами в какой-то клоаке вселенной. Да и кстати, что за молоденькая профурсетка была рядом с тобой на галофото?

– Гхм, ну ... так получилось.

– Хомо ты не доделанный! Почему твои родители решили родить тебя таким варварским способом? Неужели нельзя было вырастить в колбе, как все? Устранили бы негативные гены. А так мне приходится терпеть тебя и твое нелогичное поведение. Сколько генетически чистых партнеров подкатывали ко мне, а я выбрала тебя. Всевышняя Пифия за что мне все это?

Фитрия начала заламывать руки, театрально закатила гла-

за. Но зная сумбурный характер супруги – от любви до сжигающей ненависти один шаг – я делал вид, что внимательно слушаю. Пока в меня не полетела пластофарфоровая посуда. Тут я решил ретироваться в офис. Кстати забыл представиться, меня зовут Дин Ван Вуд. Дин мое имя, Ван означает принадлежность к аристократическому роду. А фамилия Вуд переводится как лес.

Честно говоря, никогда не был в лесу. К тому же на орбитальной станции растительности мало. В основном это водоросли и различные растения для создания кислорода. Мои родители говорили, что наш голландский род очень древний – порядка нескольких тысячелетий, и берет он свое начало от прародительницы человечества – Терры. Жаль, что Терры больше нет. Зато человечество живет по всей вселенной.

Итак, расскажу немного о себе. Мне 37 стандартных лет и живу я на орбитальной станции Лазарь. Это на орбите планеты Ракия в поясе Рака. Станция насчитывает более десяти миллионов постоянных жителей и порядка миллиона приезжих. Наша станция является крупным транспортным узлом, связывающим порядка двадцати планет и шахтерских астероидов.

Возможно, вы уже догадались, что я достаточно богат. В мою бизнес империю с торговой маркой «Мир блаженства» входит несколько десятков компаний и филиалов по всему поясу Рака. Не спорю, название тупое, но, как говорится, хо-мо потребляет. То есть, со слов нашего специалиста по про-

дажам Рема: «Среди населения пояса Рака сформировался комплекс представлений, ассоциаций, эмоций о характеристиках продукта и все в таком же роде, короче хомо нас знает и любит. Не мастак я на эти словесные выкрутасы. Так вот – наше «Блаженство» реализует до пятидесяти процентов всей специализированной техники для устранения продуктов метаболизма в радиусе десяти астрономических единиц и еще мы имеем до двадцати пяти процентов в радиусе пятнадцати единиц.

Основная фишка моих устройств, что все утилизированное «внутреннее богатство» не просто расщепляется на субатомы, а синтезируется в специальные шарики – «жилейки». Этими жилейками могут питаться системы отопления, также реализуемые «Миром блаженства». Таким образом, двойная выгода для всех.

В мой холдинг входит порядка двадцати компаний и более тысячи сотрудников. Об оборотах я скромно промолчу, так как мы закрытая компания.

Вообще-то, по правде говоря, я не мечтал стать лучшим продавцом столь специфической техники, хотя не спорю – выгоды она приносит много. Мне больше нравится кулинария. Я люблю готовить.

Так как мой род с самой Терры, то однажды моя мама рассказала мне секрет одной очень вкусной выпечки. Круа-ссана, кажется так называли эту булочку на родине человечества. Мы же зовем ее просто «сан». Я даже подумывал, а не от-

крыть ли небольшое кафе супруге? Свежий хрустящий сан, сок и кофе – завтрак настоящего ценителя. Не то, что эти новомодные желе, непонятно из чего сделанные. Мороженное со вкусом ниабильских слизней, крем из астурийских медуз. Фу. И кто такое придумал?

К сожалению, прошло несколько тысяч лет с тех пор, как люди покинули Терру, но ее кухня, до сих пор будоражит наше сознание. Я немного замечтался. Что у нас на повестке дня? Точно!

Фитрия психует. Когда она в депрессии, лучше к ней не подходить. Не хотелось бы признавать, но да, в последнее время – точнее несколько стандартных лет – я не проводил праздник святого Маркуса с семьей. Ну сами посудите, мне 37 лет, я довольно-таки обеспеченный человек, как говорится в расцвете сил. И хочется и может, да и к тому же сегодня только 25 день окончания годового цикла, еще целая стандартная неделя до праздника! Успеем отметить его вместе.

– Дин, ты далеко?

– Привет, Ник. Еду в офис.

– Отлично, я у себя.

До столичной планеты нашей орбитальной станции еще далеко, в плане трафика, но мы стараемся. Сколько раз предлагал Фит переехать на планету – курорт Кания, где слух ласкает музыка прибоя, а симпатичные девчата приносят прикольные коктейли с зонтиками и круглый год можно заго-

рать, а не видеть такие серые и понурые лица. «Тут у меня мама, а там папа, да и корни». Тьфу ты, надо было жениться на сироте.

Давно бы махнули на теплую планету, детей в элитарную школу, жене бы открыл небольшой ресторанчик, Нику продал бы свою часть бизнеса. А куда вложиться – решил бы позднее. Да еще эти дикие арианцы, не в тему заявили. Спрашивается, на что им эта великая пустошь на Ариане? Купи миллион лютобаранов и паси их. Нафига сюда прилители?

Штаб—квартира «Мира блаженства» располагалась на тридцатом этаже новомодного бизнес—центра из стеклобетона. Как говорит Рем, пафос или узнаваемость бренда – это все! Не гоже серьезной конторе находится на затворках станции.

Однако, я был против. Мы и так не плохо сидели в старомодном бизнес—центре. Но видите ли Нику, подавай пафос и размах: витражные окна, потолки под два человеческих роста, мраморные полы, настоящая кожаная мебель. Как он говорит: «Мы серьезные галактические ребята и должны продемонстрировать соответствующий офис». Ладно вернемся к нашим лютобаранам, точнее не нашим, а арианским братьям по разуму, как я погляжу они уже тут как тут.

Не каждый день в нашей переговорной можно встретить засланца или посланца наших арианских братьев по разуму. Их главный с удовольствием попивал роддеский виски

тридцати летней выдержки, а позади его полированной лысой башки виднелись могучие воины Арианы.

Для справки, Ариана – это планета, точнее пыльный шарик с огромной силой тяжести. Горы, степь, немного зелени. Население в основном занималось животноводством. Ресурсов практически нет. Единственный плюс – эта планета производит лучших воинов в поясе Рака. Из тысячи новорожденных только сотня доживает до года. До пяти лет добираться не более пятидесяти. А к совершеннолетию – 20 стандартным годам – доживает не больше человек. Поэтому арианцы очень дорого стоят, активно используются в военных и охранных подразделениях. Лучшие воины, убийцы, наемники.

И вот один из этих чудо людей – судя по поломанным ушам и габаритам, больше нашей входной двери – был настоящим штурмовиком. Я аж немного поперхнулся. Второй же был среднего роста, сухопарый, с пронзающим взглядом. Будто еще миг и он вырвет твое сердце и при тебе же его съест. Про себя я обозвал его «пожиратель». Даже наши бывалые парни из охраны, стоявшие в сторонке, смущенно отворачивались и старались не пересекаться с ним взглядом.

– Достопочтимый Ник, может я говорю не совсем понятно?

– Отчего же, – Ник покрутил в руках дорожную ручку. – Я вас услышал.

– Отчего же глубокоуважаемый Ники – доброе сердце, не

может дать ответ сейчас? – Лим (он же лысый посланец, главарь арианских бандитов) отпил еще глоточек виски. – Предложение на мой взгляд будет способствовать сближению наших рас. К тому же, вы сами искали выход в северные сектора. Вы же знаете, что Ариана находится в очень удобном месте? Да, у нас нет промышленности, но есть сильные воины. Они поддерживают порядок во всех близлежащих мирах. В том числе и промышленных.

– Действительно, – Ник закашлялся. – Мы с моим партнером, а вот и он, – Ник подмигнул мне и указал на свободное кресло подле себя. – Сами понимаете – это судьбоносное решение. Нужно все тщательно обсудить. Мы дадим вам ответ через несколько стандартных дней.

Лысый арианец кивал головой и хмурился.

– Ваш преданный слуга покидает вас на пару дней, а вы все обдумайте и примите правильное решение.

На этом хитрый арианец и его верная гвардия откланялись и растворились за массивной дверью.

Своих парней из охраны мы тоже отправили.

– Что скажешь? – Ник вопросительно изогнул брови. – Как тебе предложение?

– Шутишь?

– Я серьезно!

– Инвесторы – арианцы? – я аж поперхнулся. – Ты видел их рожи? А его охрана? Это пипец. Ладно штурмовик, там все понятно, но другой – настоящий монстр.

– Не спорю. Наши безопасники в его присутствии чувствовали себя как кеберийские девицы. Если бы не приказ хозяина, он бы порвал нас всех. Причем голыми руками.

– Дин выпей, – Ник протянул янтарный напиток, многолетней выдержки. – Арианцы предлагают войти в наш бизнес, на паритетных началах.

Мягкое кресло и обалденное виски, делали свое дело. По телу растекалось тепло, как сладкая патока обволакивает бисквит. Количество нулей на пластиковой бумажке радовало и пугало одновременно. С одной стороны, нам нужны партнеры. Тем более подмявшие под себя северный сектор. С другой стороны – это как сделка с дьяволом. Подпишешь и все! Твоя душа на веки вечные у падшего ангела. Просто родители были очень набожными и с детства втемяшили в меня всякую абракадабру.

– Тебя не смущает, что Лим, не тот, за кого себя выдает?

– Смущает конечно, но смотри: мы же можем не продавать весь бизнес, а только взять часть денег, – Ник потянулся в кресле, прямо как кеберийский кот. – И свалим на планету – курорт.

– Было бы классно, – произнес я, осушив бокал. – Ник... я так понимаю, у нас есть пару дней на обдумывание?

– Да партнер, – он отдал честь.

– Ну... тогда, я побежал по делам.

– Ля мур, – он закатил глаза. – Беги засранец. У тебя такая классная Фит, нафиг тебе приключения?

Я только пожал плечи и попрощался с партнером.

– Дин, ты меня любишь? – поинтересовалась сногшибательная блондинка Ена. – Ты точно уйдешь от своей фурии?

Лежа в объятиях молодой красотки, мне меньше всего хотелось обсуждать свою семейную жизнь. Хотелось просто потеряться в шелковистых белокурых локонах. Однако жизнь расставляла свои приоритеты. А учитывая, что Ена помимо внушительных форм, обладала еще и недюжим интеллектom, то я попал. Простая отмазка и серьезная сумма в кредитах, совершенно не работали в ее отношении. Ена хотела все и сразу.

Как говорится любить так императрицу. Вот и нарисовалось ее августейшее величество на мою голову. Причем головой я понимал всю бесперспективность этих отношений, но мой маленький дружок был другого мнения. Когда этот засранец начинал верховодить, и вся кровь уходила вниз, голова отключалась полностью. Как восемнадцатилетний пацан, не познавший женского лона, я мчался по зову своей императрицы.

А может она меня заколдовала? Ну там чары, привороты. Вроде как местами проявляются у Ены сверхъестественные способности. Она словно кожей чувствует мое настроение, ну прям не могу ей отказать. Новый броском – конечно. Путешествие на планету – курорт, уже бегу. Новенький розовый флаер – как скажешь. Однако, когда я был не в духе, Ена будто растворялась. Была рядом и ее уже нет. Магия да

и только.

– Пупсик, – Ена потянулась как довольная кошечка. – Мой таролог сказал, что у тебя будут напряги по работе.

– Ты о чем?

– Ну таролог, я тебе говорила. Он с планеты Астория, у него запись на неделю вперед.

– Рад за него, а мне то что?

– Я записала тебя, голо консультация будет через час.

– Ты шутишь? Это же все развод.

– Ну пупсик, – девушка надула дутые губки, и добавила серьезным тоном: – не будет консультации – не будет и... ну ты понял. Ничего не будет.

– Сдаюсь, – я примирительно поднял руки и направился в душ. Не уверен, что знаменитому тарологу будет приятно разглядывать меня в неглиже. Благо, что не пришлось ехать.

Приведя себя в порядок и включив свой браском, я приготовился. Ожидал увидеть незнаю кого, но мне мило улыбался мужчина. Представился Илем и спросил, что меня волнует?

– Всю свою сознательную жизнь, меня мучил один вопрос.

– Какой же?

– Есть ли жизнь в червоточине?

– Вы издеваетесь? – лицо таролога заострилось. – Ко мне запись расписана на много циклов вперед, а вы дурачитесь?

– Извиняюсь, – я сделал несчастное лицо, полное раскаяния. – Ну, давайте узнаем, что меня ожидает в ближайшие

несколько дней?

Таролог перемешал колоду, шепотом произнес заклинание и выложил пять карт.

– Эта красиво одетая дама с соколом на руках – девятка пентаклей, это вы. У вас есть большие деньги, а еще вы любитель запретных удовольствий. Король мечей – это мужчина, предлагающий вам финансовую помощь, видите, третья карта – шестерка пентаклей. Тройка мечей это ваше разбитое сердце, а башня указывает на удар, причем не хилый удар.

– Что вы имеете в виду? – мне аж стало интересно.

– Две дополнительные карты выложим под башней.

– Без проблем.

– Выпали Страшный суд и тройка пентаклей. Холод, остановка, возможно связь с миром умерших.

– Вы меня пугаете. Я буду жить?

– Судя по тройке пентаклей – будете.

Я аж выдохнул.

– А что за король?

– Король пентаклей, король войны. Жесткий, бескомпромиссный человек, для которого насилие обычный порядок решения вопросов.

– Понятно, – почесал голову. Хотя нифига не понятно. – А что за разбитое сердце.

– Давайте я вытащу еще две дополнительные карты.

Таролог достал из колоды мужика с посохом и бабу с непонятным кубком.

– Смотрите, тут король посохов – властный мужчина и дама кубков – женщина приз. Они объединились против вас и вместе нанесли удар, вам будет очень больно и обидно.

Предсказатель аккуратным движением собрал карты таро в колоду и перетасовал.

– Будут еще вопросы? – уточнил он.

– Вы знаете... – я отпил воду из стакана. – Мне как бы надо переосмыслить сказанное.

Попрощавшись с тарологом, я отключил голо трансляцию. На броскоме увидел четыре пропущенных вызова от жены. Чмокнув Ену, поехал домой. Припарковав флаер недалеко от дома, вышел немного прогуляться. Теплый воздух приятно наполнял легкие, а мириады звезд над головой заставляли почувствовать себя песчинкой.

Следующие несколько дней прошли как в тумане: конец цикла или стандартного года, отчеты наших компаний, даже к Ене ни разу не заскочил. Суета, дела с утра до вечера, даже нечего вспоминать. В середине недели, ближе к вечеру, поужинав и поиграв немного с детьми, отправился в нашу спальню. Фитрия несколько раз попыталась меня заставить исполнить мой супружеский долг, но я к этому времени был выжат как лимон и перевернувшись на другой бок, сладко захрапел.

Как известно, из двадцати часов в стандартных сутках, шесть мы проводим во сне. Шесть часов это время, в течении которого наш организм отдыхает и восстанавливается,

однако наш мозг не отдыхает ни минуты. Мы все видим сны, возможно после пробуждения забываем, однако некоторые остаются в памяти. Кто-то даже говорит, что видит вещие сны, не знаю, не доверяю я этой хиромантии. Хотя сон в этот раз был интересный. Во сне я был космодесантником, нашу группу сбросили на вражескую планету, Ник был рядом. В свободном парении время останавливается.

Будто всю свою сознательную жизнь я провел в полете: детство, отрочество, взрослую жизнь. На горизонте обжигающий диск солнца, солоноватый вкус моря на губах, а где-то там, внизу, будто черные точки, россыпь экзотических островов посреди кровавого океана. И я лечу, словно птица, со всех сторон обдувает ветер, на глазах визоры шлема. Вот оно блаженство – само чувство полета. Но внезапные разрывы снарядов снизу, сверху, справа от меня. Нас было человек десять при десантировании, но на данный момент только я и Ник подаем признаки жизни, судя по браскому.

Остальные бойцы даже не успели перейти в режим приземления, всех перебили в полете.словно восемь манекенов скинули с крыши мира, вот они летят, а вот и все. Только восемь броне костюмов со шлемами лежат на изумрудной поляне, напоминают моих боевых товарищей. В жизни я никогда не прикасался к оружию, однако это не мешает автоматическим движениям моего организма. Пару секунд и трое гуманоидных особей с оружием уже никуда не торопятся. Небольшой специализированный плазмоган в моих руках

сидит как влитой. Резкий удар о поверхность планеты, однако амортизирующий гель берет на себя всю кинетическую энергию, я перекатываюсь пару секунд и готов действовать. Небольшие термитные постройки в десятке метров от места приземления являются идеальным укрытием. По крайней мере, так думали вооруженные до зубов гуманоиды.

Возможно, это были и мирные инопланетяне, хотя ожерелье из человеческих ушей и зубов и открытая челюсть с сотней зубов на всю морду. Они больше смахивали на порождение ужасных кошмаров. К тому же восемь убитых бойцов моего подразделения явно намекали, что полюбовно, нам не разойтись.

Как говорится, кто не спрятался, я не виноват. Помимо плазмогана, как оказалось, я не плохо владею лазерным тесаком. Бросок гранаты, пару плазменных очередей и в дело пошел лазерный тесак. Не помню, скольких плохих зубастиков я отправил в их зубастический рай, но я все делал на рефлексх. Зачистка нескольких термитников заняла пару минут. Я поднялся на крышу необычного здания, и то, что увидел, мне явно не понравилось. Мой боевой товарищ Ник лежал недалеко от места нашего приземления.

Ник истекал кровью. Согласно боевого протокола, я должен был удостовериться, что поблизости нет врагов, после этого подползти к товарищу и оказать медицинскую помощь. Однако это все было в теории, на практике я тупо рванул к своему лучшему другу. Не успел я осмотреть рану друга, как

меня ужалила пчела, так показалось. Хлопок и бурое пятно расплылось на моей груди. А в следующее мгновение нас накрыли мины, очень много летящих и издающих протяжный свист мин.

Да уж! Проснулся я в поту. Сон был настолько реалистичным, что стало страшно. Как говорил тот таролог: «У вас выпала башня или удар, крушение чего-либо». Перекусив, поехал в мегаполис в свою квартиру. Всего пару человек знали о существовании моей берлоги. Ена, Ник и руководитель нашей службы безопасности. Мне нравилось работать вдали от всех, тишь да гладь. Всего несколько стандартных минут пешком до офиса. На первом этаже здания располагалось симпатичное кафе. Несколько столиков, витрина с выпечкой, обои в террианском стиле. Людей в кафе обычно было немного, но там готовили восхитительный кофе и саны.

От того было неожиданно получить сообщение от неизвестного контакта на броском: «Спускайся вниз, позавтракаем». Несколько мгновений и меня встречает с распростертыми объятиями Лим и его непобедимые арианцы.

– Глубокоуважаемый Дин, присаживайтесь, тут такая вкусная выпечка... ммм, а какой кофе.

– Приветствую... но как вы узнали?

– Дин, я живу достаточно на свете, – Лим с удовольствием откусил сан и отпил свежесваренный кофе. – И знаешь что?

– Что?

– Никогда не ел такую вкусную выпечку, хотя посетил бо-

лее сотни планет.

– Вы правы, это самые вкусные саны на орбитальной станции. Сотрудники кафе не говорят, кто владелец.

Интересно, а как этот подозрительный человек нашел мое потаенное пристанище? Данный факт говорит о многом. А полученный отчет от службы безопасности первое время поверг меня в шок. За образом такого безобидного человека – одуванчика скрывается настоящий мафиози. На его совети огромное количество загубленных душ. Десятки компаний перешли в собственность Лима. Под его началом было несколько сотен боевиков арианцев.

Честно, при первом ознакомлении с отчетом, у меня волосы встали дыбом. Однако мы тоже не лыком шиты. Если бы я опускал руки при каждой опасности, то скорее всего отлавливал бы в космосе мелкий мусов. Так что где наша не пропадала! Не было смысла вступать в открытое противоборство.

Из полученной информации и сделанных выводов, расклад был такой. У меня было несколько вариантов на выбор. Вариант один, принять предложение мафиози. Он входит в наш бизнес и через стандартный месяц, нет у нас бизнеса. Вариант номер два, начать войну, но смотрим пункт выше. Проще сразу выйти в открытый космос, да не приятно, но смерть будет мгновенной, а так размажет и будешь собирать себя по частям. Был еще один вариант, рискованный, но надо попробовать.

– Дин, вы задумались? – Лим вернул меня в действительность. – Я хотел уточнить о моем предложении.

– А предложение, точно, – сглотнул от напряжения, не каждый день твоя жизнь висит на волоске. – Вы знаете, тут такое дело. Я со вчерашнего дня не являюсь собственником группы компаний «Мир блаженства».

– Да что вы говорите? – на одно мгновение Лим потерял самообладание, его кулак побелел, но было это всего миг. – И кто приобрел вашу долю?

– Согласно подписанного договора о не разглашении, я не могу делиться этой информацией.

– Калис, у нас проблемы? – Лим вопросительно приподнял бровь. – Разберись!

Не прошло и биение сердца, как я ощутил прикосновение обжигающей стали к своему горлу. Монстр, пожирающий сердца, был превосходен в своем деле, чувствовался профессионализм. Вся моя жизнь пролетела перед глазами за биение сердца. Ну ее нафиг эту тайну, жизнь дороже.

– Покупателем является господин Том Хоффмун с банковской планеты Риха. Он давно подбивал клинья. А вчера мы с моим партнером приняли его решение.

– Это точно? – Лим, казалось, задал вопрос в пустоту.

– Да, патрон, – произнес штурмовик. – По галактической базе собственник Том Хоффмун, но у Ника есть возможность отказаться от сделки в течении трех стандартных дней.

– Сукуба, – произвольно вылетело у меня. – Он же обе-

щал, что Том будет собственником, а через цикл обратно препишет на нас.

– Жизнь – это боль! – произнес Лим. – У меня к вам больше нет вопросов.

Лим и его страшные телохранители арианцы покинули заведение. А на душе была пустота. Лучший друг подставил меня. Я предложил ему вместе заняться бизнесом. Столько раз прикрывал его задницу. Мы же договорились?!

Не помню, как добежал до бизнес-центра. Выбегаю на нашем этаже, путь преграждает охранник. Как же его зовут? Точно вспомнил, Вал.

– Вал приветствую.

– Приветствую Дин.

– Вал, а в чем дело? Почему ты перегородил проход?

– Тут такое дело, – Вал, огромная детина, замаялся как ребенок. – Вас нельзя пропускать.

– Не понял? Ты верно попутал?

– Я извиняюсь, но приказ сверху.

– Боец, а позови-ка мне своего начальника.

Вал назвал свой позывной в броском, через некоторое время спустился смущенный Рус.

– Шеф привет!

– Привет Рус, я не понял, это что за подстава?

– Дин ты понимаешь, – Рус, бывший командир космодесанта, маялся как школьница. – Ник сказал, что он полноценный собственник, а ты никто.

– Мы же договорились, что это все фиктивно, чтобы не потерять бизнес.

– Дин... честно я не знаю, – начальник службы безопасности потер виски от напряжения. – Ничего личного, это только работа.

– Ах, вот как мы заговорили? А помнишь, когда тебя предали все после того страшного ранения? Когда тебя врачи собирали по кусочкам, кто оплатил все расходы?

– Ты оплатил, – Рус сутулился и кажется уменьшился в размерах. – За это я тебе благодарен, за реабилитацию и то, что устроил на работу, когда все от меня отвернулись.

– Рус, так и ты не отворачивайся от меня, а помоги, после сочтемся. Я не могу дозвониться до Ника, он где?

Рус кивнул бойцу на входе, и мы вошли в офис. Устроившись в свое любимое кресло и налив бурбон, я понемногу стал приходить в себя. И в этот момент, как будто молния пронзила сознание, вот оно сердце с тремя мечами. Было больно и обидно, когда ты всю свою жизнь считаешь человека за брата. Сколько всего мы пережили вместе. Сколько раз отбивались от галактических бандитов, терпели бедствия в новых мирах, да мало ли сколько было негативных моментов. Это же я вытащил его из третьесортной задыхающейся планетки, сделал состоятельным человеком. Разглядел потенциал. И тут такое предательство, повелся на мегакредиты. Да у нас и так столько этих денег, а будет еще больше.

– Дин, – Рус тоже налил себе бурбон, так как сказывалось напряжение и плюхнулся в другое кресло. – Меня проинструктировал Ник он сейчас в одном безопасном месте, координаты я не знаю.

– Какие у него планы, если учитывать, что его ищет Лим и его боевики?

– Честно я не знаю. Но как говорила моя любимая бабушка – утро вечера мудренее.

– Не спорю, у тебя была мудрая бабушка, а у нас в университетском кампусе говорили: не суетись под клиентом, а лучше получай удовольствие. Ладно я домой.

Остальное было как в тумане. Не помню, как добрался до особняка Ника. Внутрь меня как положено, не пустили. Хозяин не велел. Благо дежурил Гера, мы с ним иногда спарингуемся в зале. Он по секрету обмолвился, что Ник уехал утром и больше не появлялся. Следующей остановкой был любимый ночной клуб Ника «Золотая лига». Тут его никто не видел, хотя был последний день трудовой недели. Пару девиц проявляли знаки внимания ко мне так, что только мертвый бы не заметил. Однако извините мои дорогие, но не сегодня. Сегодня меня предал мой самый лучший друг, даже не друг, а брат.

Деньги да, конечно обидно, что все нажитое непосильным трудом экспроприировали. Но как же мне хотелось заглянуть в глаз этому экспроприатору, а потом схватить его за горло и вырвать вместе с позвоночником. Сукуба, поднял его

из самой галактической клоаки. Его планета даже не имела нормального имени, а именовалась ХР154874000451124 в галактическом реестре.

С мыслями о пытках, которые даже не снились страшным зубастикам и арианцам, я подлетел на своем флаере к элитному жилому комплексу «Орион». Я не раз бывал здесь, в мегаполисных апартаментах «предателя».

Дерганная консьержка с ядовитой улыбкой ответила, что не может предоставить информацию о жильцах. Однако, сотня кредитов, пополнивших ее броском сотворил невероятное. Змееподобная женщина дала полный расклад о всех передвижениях Ника. И оказалось, что его не было уже пару стандартных дней. Но он сделал оплату за апартаменты на несколько циклов вперед.

Обессилив, я решил немного расслабиться и повидать Ену. Что удивительно ее не было в сети. Вот на этой грустной ноте я предпочел отправиться домой и по совету мудрой бабушки, переспать со всем этим, а может действительно утром проснусь мудрым, богатым и успешным.

Увы и ах, утром я проснулся таким же ничтожеством, даже кемберийские черви чувствовали себя намного лучше. Только к моему позору еще прибавилось исчезновение Ены. Сукуба, и как назло в мозгу начал свербеть такой маленький и гадкий червячок сомнения. А не спелись ли Ник и Ена за моей спиной? Императрица довольно-таки много обо мне знала. Возможно думая своей малой головкой, я рассказал о

себе все. Ну да Дин – ты ничтожество. Даже арианская пыль, сейчас стоит дороже чем ты.

На вопрос Фитрии, почему я не еду на работу, отбрехался, что приболел. Как говоритья война – план покажет. Но не будем о грустном. Попытался набрать ключевых сотрудников компании, увы меня забанили как чумного. Что же делать? Мудрость, ну давай включайся! О боже я обещаю измениться, обещаю все свое время уделять семье, я буду примерным семьянином.

На какие деньги теперь мне детей поднимать? Да неприятно ощущать себя ничтожеством, теперь даже не знаю, как оплачивать за наш особняк. Практически все мои деньги были на счетах в Рихском банке, и походу не скоро я получу доступ к ним. Конечно, есть небольшие кубышки, только это реально не очень большие запасы. Так ладно, убираем эмоции и начинаем думать головой. Ник знает, что его пасут люди Лима везде, на орбитальной лифтовой платформе и космодроме, на выезде из мегаполиса скорее всего есть купленные полицейские. Покинуть станцию Ник явно не сумеет, хотя нет подожди. У меня появилась одна интересная мысль, но нужно было проверить.

Так как Ену я знал уже несколько циклов или стандартных лет, то знал о ее женском тщеславии. По любому она должна была показать изменение своего статуса в сети. Судорожно начал перебирать ее сеть и точно. Есть! Какой же я идиот. Буквально некоторое время назад моя ненаглядная выложи-

ла галофото с огромным адамантиевым бриллиантом на руке. На следующих изображениях, она сидит в обнимочку с Ником на заднем сидении флаера. Брызги брюта, улыбки, тосты на брудершафт. Но больше всего, меня возмутила подпись снизу: «Встречай нас Риха».

Точно, какой же я придурок. Эти нехорошие хомо спелись за моей спиной, и сейчас едут на частный космодром, где их ждет заправленная галактическая яхта со всеми удобствами. Если они уйдут в гипер, то все, их уже не достать, ни мне ни головорезам Лима.

А что я мешкаю? Мгновенно оделся, молнией вылетел на парковку, запрыгнул в флаер и полетел на всех парах. Благо, что у меня флаер не простой, а золотой. Точнее стоит целое состояние. Его мне привезли контрабандой с планеты Риха. Только галактические банкиры могли позволить такие игрушки.

Внешне флаер был совершенно обычным, но имелась одна очень интересная кнопка. Так вот, нажав эту кнопку, моя летающая машинка превращалась в летающую молнию. Скорость возрастала минимум в два раза.

Несколько секунд и встречные флаеры слились в смазанную картинку. Не люблю гонять, также, как и лихачей, но сегодня можно. Сегодня решается, кто я?! Тварь ли я дрожащая или право имею. Кто-то из древних говорил, что красота спасет мир, в моем конкретном случае получается погубит.

Я обогнал уже несколько сотен флаеров. Несколько раз

чудом удалось избежать столкновения. Как на зло, полиция не разделила мою радость обладания таким серьезным аппаратом. Вместо этого они устроили погоню. Сперва на хвосте показался один полицейских флаер, а через несколько минут их было не менее десятка.

По всем аудиоканалам, как внутри флаера, так и снаружи полиция просила, точнее очень сильно настаивала, что бы я остановился. А не полители бы вы все в пропасть? Как же вы не поймете, что у меня из рук утекает вся моя успешная жизнь? Я словно тонущий, пытаюсь ухватиться за последнюю тростинку. Если чуть опоздаю, все прощай моя счастливая жизнь. Здравствуйте долги, нужда, безденежье, томительное ожидание ничтожных кредитов и бесконечное нытье супруги.

А между тем погоня набирала обороты, уже два десятка полицейских флаеров находились у меня на хвосте. Каждый из них порывался обогнать меня, но я умудрялся не допустить этого. Еще несколько биений сердца и вот виднеется частный космодром. Бросаю флаер на обочине. Перелезаю через пластобетонное ограждение.

Позади меня, прям как на легендарном марафоне бегут люди и гуманоиды в полицейской форме. Спереди встречаются охранники космодрома. Несмотря на всех сопровождающих я почти успеваю ко взлетной площадке. Впереди виднеется частная галактическая яхта «Орион», которую мы арендовали с Ником и не раз. Я бегу, но выдыхаюсь, алкоголь и

спортивные пробежки вещи не совсем совместимые. С другой стороны, как я могу в одиночку остановить маленький, но гордый звездолет? Я не успел додумать эту мысль, как меня повалили.

Вы когда-нибудь видели американский футбол? Однажды в детстве мне родители показали древнюю терранскую игру. Это было ужасно. Толпа шкафоподобных мужиков гоняются за продолговатым кожаным мячом. А еще устраивают свалку, то есть бросаются своими монструозными телами на этот бедный мячик. Так вот, к чему это я? Я в настоящий момент и был таким продолговатым кожаным мячом.

Дыхание сперло, в глазах потемнело, еще чуть-чуть и меня раздавит вся эта масса тел. Но самое удивительное, мне было безразлично. По моему лицу текли слезы от обиды и предательства. Меня предали два моих самых близких хомо. Предали подло, вероломно, дождались благоприятный момент и нанесли удар.

Уже ничего с этим не поделаешь. Они улетели в лучшую жизнь. Даже масса тел надо мной постепенно стала рассасываться, и я начал видеть купол станции и открытую секцию в космос. Если бы не силовое поле, нас бы давно унесло в космос. Насколько я помнил, при взлете поле работало в одностороннем порядке. То есть вылететь объект со станции мог, а обратно вернуться не получилось бы. Требуется идентификация, подтверждение и куча бюрократических припонов.

Маленький звездолет превратился в крошечную точку,

еще несколько мгновений и он уйдет в гипер, покинув поле притяжения станции. Однако, что-то пошло не так. Вместо того, чтобы перейти в гипер, звездолет расцвел плазменным протуберанцем. Будто маленькая звезда осветила глубины космоса.

А вот и башня, как говорил таролог, мгновенный мощный выброс колоссальной энергии. Только я все еще был в шоке от увиденного. Даже мои руки в энергетических наручниках за спиной и окрики полицейских, не производили такого впечатления, как картина взрыва. Понятно, кто к этому приложил руку, но блин, я же тоже мог быть там, разлететься на мириады атомов. Славные воины Ариан и тут наследили.

Тесная камера полицейского отделения была набита под завязку. Люди, гуманоиды и различные существа были тут.

– Дон Жи, но как это радоваться жизни? – хотелось послать этого волкоподобного бандита, отсидевшего в галактических тюрьмах больше половины жизни.

– Дин, ну ты сам посуди, что у тебя осталось? – бандит пару раз отхлебнул вязкой черной жижи. – Ты по жизни кто?

– В смысле, кто я по жизни? – хотелось взять платобетон и припечатать эту наглую инопланетную морду. Однако, действительно кто я по жизни?

– Ну, во-первых, ты достойный хомо, раз уж я сижу за одним столом с тобой. Во-вторых, тебе крупно повезло, столкнуться с Грозным Лимом, его отморозками, и все еще быть живым. В-третьих, ты счастливчик, потому что у тебя есть

дети и семья.

Волкоподобный Дон Жи сделал еще несколько глотков, темной жижи и продолжил:

– На моей планете выжить в стае довольно таки проблематично. В выводке бывает от двух до тринадцати волчат. А сосков намного меньше. Только сильнейшие выживают. Я убивал своих братьев и сестер, чтобы выжить. Так, что цени хомо свою жизнь и жизнь своих близких. Главное это твоя стая и твои волчата. Будь достойным вожаком.

– Точно! – возможно, не так прост этот волк.

Мы еще много о чем говорили с Дон Жи. Он, несмотря на страшный вид, оказался очень интересным собеседником. Звериное чутье и острый разум делали его очень сильным противником. Дон Жи заставил меня посмотреть на свою жизнь с другой стороны. Я будто бы проснулся.

В мозгах что-то перемкнуло. Для чего я жил до этого? Только чтобы получать кайф, то есть я работяга по жизни, превратился в паразита. Какую ценность я несу для общества? А когда я уделял время своей семье, детям? Они же растут практически без отца. Все, надо прекращать. Начну жизнь с чистого листа.

По словам Дон Жи я должен благодарить Ника и Ену за то, что остался жив. О боже, как можно все вернуть назад? Сегодня в полночь будет праздник святого Маркуса, а вместо того, что бы готовится к празднику я сижу в отделении полиции с различными галактическими отбросами, хотя среди

них есть и достойные. Черт его знает, когда меня выпустят отсюда, десять стандартных суток это минимальный срок за неподчинение, превышение и много чего еще.

По правде говоря, я уже давно не молился Богу, а для чего? Когда у тебя все есть... и вот как оказалось. Бог дал, Бог забрал! Я начал молиться, за себя грешного, да моих недалеких «близких». Молился за свою семью. За Фитрию, которая любит меня несмотря ни на что. За Кая, которому уже десять и Анису которой всего пять.

О боже, если бы у меня был еще один шанс, я бы его использовал по-другому. Вот такой вот нехилый сдвиг в парадигме моих жизненных ценностей произошел буквально за несколько дней. И вы не поверите, за три часа до праздника святого Маркуса произошло чудо.

– Дин Ван Вуд... с вещами на выход, – буркнул гуманоидный надсмотрщик.

– Собираюсь, – только и смог я ответить.

На выходе отделения меня ожидала моя Фитрия.

Какой же я был дурак, что заглядывался на других женщин. Стройная, красивая с тонкими чертами лица и белокурыми волосами.

– Ну что, мой блудный муж, полетели домой?

Я не знал, что ответить, волна радости и счастья меня буквально сбивала с ног. Хотелось кричать, прости меня дорогая! Если бы ты знала какой у тебя муж идиот, что до этого он не ценил тебя. Все в таком духе, меня переполняли эмоции,

но вместо ответа я просто обнял ее и расплакался от счастья.

Это был самый счастливый праздник святого Маркуса в моей жизни. Мы вместе делали древние терранские салаты, Кай как маленький мужчинка расщеплял пыль и грязь по углам. С Анисой вместе мы вырезали снежинки. Фитрия же умудрилась наготовить столько, что я чуть не лопнул. Но больше всего меня удивили саны, прям как в знакомом кафе.

– Фит, ты купила эти саны?

– Нет, сама испекла.

– Ты издеваешься? – я оторопел. – Это же сами вкусные саны на станции, и они продаются только в одном месте.

– Я знаю, – Фит лукаво подмигнула.

– Но как? – я был в шоке.

– А вот так, я хозяйка этого кафе.

– А деньги?

– А что деньги? Ты мне давал кредиты, я их откладывала и вложила.

– Ну ты даешь, – только и смог я выговорить.

– Это не все, – она помолчала минуту. – Крупная галактическая сеть хочет выкупить у меня франшизу моего кафе.

– У тебя есть франшиза? – я еще больше обалдел от жены.

– Франшиза почти готова, но мне нужен младший партнер для ее завершения. Давай я тебя пока возьму в свой бизнес, как наемного работника, а там посмотрим.

– Да моя госпожа, как скажите, – произнес я и обнял супругу.

А дальше был самый долгий и сладкий поцелуй в моей жизни.

Камень души

Ну почему у меня всегда вот так? Не по-человечески... Живут же люди, рожают детей, покупают хоромы, ездят каждый год в отпуск: Египет, Турция, Таиланд. И все у них при- торно сладко. Тьфу... Мне же надо пахать по 12-14 часов в день. Сдавать эти гребанные отчеты.

Говорил же мне дядя: «Иди в армию племяш. Отслужишь, потом пойдешь в полицию. Государственное обеспечение, социальный пакет. Будешь как сыр в масле кататься». А что я?! Нет! Хочу быть бухгалтером, дорасти до аудитора.

Ну и дорос до аудитора к тридцати пяти. Компания моя не большая, зато платят стабильно. Сколько я тут? Ого, уже почти пять лет. Сколько я крови и пота пролил, чтобы иметь то, что имею. А что я имею? Двухкомнатную квартиру в новом районе столицы. Супругу моложе на семь лет и дочь. Да кстати забыл про больную маму, она живет с нами, с тех пор как они разошлись с отцом.

Мужу за шестьдесят, прожил в браке почти тридцать пять лет и на тебе, бес в ребро. Он у меня большой начальник, но характер скверный на нет. Руководит коллективом более трехсот человек. Пару лет назад взял себе в секретарши молоденькую пигалицу. На мордашку симпатичная, фор-

мы так и распирают, но тупая. Ума нет считай калека, но не в ее случае. И тут отца потянуло на свежатину. Мама, как узнала об адюльтере, собрала вещи и ушла из дома. На этой почве у нее и развилась болезнь.

До сих пор мы с отцом не разговариваем, как поссорились еще лет десять назад, из-за моего выбора института. Отец сказал: «Пойдешь на государственную службу. Сперва к моему другу, поднатаскаешься, потом к себе переведу». А меня тошнит от госслужбы, я мечтал быть простым бухгалтером и стал им. Конечно я порывался помириться с отцом, но эта история с молодой, начисто отбила желание.

Совсем забыл, еще на мне висит ипотека за квартиру, осталось двадцать три года, и кредит на машину, там поменьше всего – пять лет. Сколько раз жене говорил, давай возьмем седан, но какой там – минимум миневен. Вот и мучаюсь теперь, платить то мне.

Все бы ничего. Дочь – копия жены. Она ходит в садик. Да вот на работе вышел казус. У нас в отделе освободилось место начальника, наш то ушел на повышение. А свято место, как говорится, пусто не бывает. На должность начальника пророчили меня, как сотрудника, проработавшего почти пять лет в компании. Уже должны были подписать приказ о моем назначении, но на горизонте нарисовался второй кандидат.

Честно, даже стыдно говорить – нарисовался. Точнее всплыл или даже всплыла, как всплывают на поверхность,

сами знаете кто. Блондинка, как в прямом, так и переносном смысле. Как только она устроилась к нам в компанию, все изменилось. При виде ее все мужики вставали, правильнее сказать – у всех вставал. Даже наш охранник, вышедший на пенсию пару лет назад и продолжающий работать, ощутил жесткий стояк, невзирая на звание импотента, со стороны жены.

Длинная роскошная коса, плавно покачивающиеся округлые бедра, глубокое декольте, едва прикрывающее налитые груди. Все это, в купе с совсем не деловыми нарядами, сносило голову сильной половине нашего офиса. Все бы ничего, наблюдай я со стороны за этой красоткой, представляя ее во всех мыслимых и немыслимых позах. Но каково же было мое удивление, когда я узнал, что она будет работать в моем отделе. И самое страшное, что она плотоядно присматривалась к месту начальника отдела.

Про себя я ее звал «Рыбка». Может за накаченные силиконом губы, а может за невероятный кредит доверия. Сам генеральный директор лично пришел в наш отдел и представил новую сотрудницу. Рассказал, какой она отличный специалист, правда не уточнил в чем именно. Хотя я догадался, что она, как героический Матросов, своей большой грудью прыгнула на пулеметную амбразуру. Скорее всего прыгала не только грудью и не один раз, но шефу виднее. Это он у нас специалист по молодым талантам. Можно даже сказать, у него есть «чуйка».

Итак, неожиданно – негаданно, как первый снег на голову, в мой отдел явилось это чудо. Довольно быстро с меня слетел ее опьяняющий сексуальный морок. Каково же было мое удивление, когда «Рыбка» начала против меня вести пропаганду и подбивать весь отдел. Сперва незначительные замечания, потом значительные. Не прошло и двух недель, как меня накрыла волна критики. Все бы ничего, но критиковал не только мой непосредственный начальник, заместитель генерального. Сам «генерал» устроил мне экзекуцию на глазах у всего отдела за какую-то мелочь. «Рыбка» же была как бы не приделах. Мило улыбалась и пожимала плечами – как так? За что его?

После этого, я начал ждать самого страшного. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

– Ты же понимаешь, что в последнее время я лично подглядывал за тобой? – начал «генерал» издалека. – Я даже хотел поставить тебя начальником отдела.

– Шеф, а в чем проблема? Я же знаю свою работу.

– Это то да... но в последнее время, ты сам не свой.

– Дайте мне шанс, я исправлюсь.

– Боюсь, что нет.

– И что мне делать? У меня двое детей, больная мать и ипотека.

– Ничего личного, это только бизнес, – буркнул шеф, взглядом указывая на дверь. – Мы же не звери, доработай до конца месяца, эти две недели. И... я бы, на твоём месте,

потратил их на поиски новой работы.

Ничего не ответив, я побрел к выходу, понуро опустив голову.

Что же мне сказать жене?

– Дорогая, ты знаешь, из-за одной «очень умелой» мадам, нам придется бомжевать. Ни своей квартиры, ни машины. Кому я нужен? Сама знаешь, в стране большая безработица. Столько друзей в последнее время оказались не удел.

– А наши сбережения? – спросит жена.

– Да какие на фиг сбережения, их давно нет. На что я покупал дорогостоящие лекарства маме?

С такими грустными мыслями, я не заметил, как дошел до одного популярного бара. Глянув на часы, осознал, что уже почти десять вечера. Разгуливая по городу в грустных думах, для меня время пролетело незаметно. Даже жена, ощутив мои переживания на расстоянии, не звонила каждые полчаса с расспросами: «Где ты милый? Тебя к ужину ждать?»

В баре цены кусались, но с другой стороны, была не была... пока работаю, гульну в последний раз.

Заведение было на уровне. Пафос сквозил из всех щелей, но это было так наиграно и мерзко. Счастливые люди не ходят в такие места. Их ждет уютный дом и любящая семья.

Проталкиваясь сквозь толпу танцующих и веселящихся людей, я обнаружил одно свободное место у бара. Бар напоминал жужжащий улей. Пахло духами, потом разгоряченных тел и, самое главное, сексом. Бар был пристанью страж-

дущих. Сюда выбирались богатеи со всей столицы, развеять свою скуку, пообщаться ни о чем и снять кого помоложе.

Офисный планктон в своих мышинных костюмах, снимал маску покорности и закидывался алкоголем под завязку. Одинокие дамы, приходили в поисках своего единственного и ненаглядного. Но их уже давно не интересовал принц на белом коне. Скорее всего их интересовало, хорошо ли работает «прибор» и не дает ли осечки во время работы. И само собой молодых хищниц на тропе войны, было предостаточно. Они выделялись ярким боевым макияжем и острым, будто бритва взглядом.

Всех, кто не подходил под параметры успешного, богатого самца, они одаривали холодным равнодушным взглядом. Но только стоило появиться богатею, как они мгновенно преображались в милых, покладистых простушек. Готовых заглядывать в рот и смеяться до слез, над очередной тупой шуткой.

Размышляя над перипетиями судьбы, я не заметил, как мне пару раз помахали из вип ложи. Убедившись, что зовут точно меня, присоединился к компании. Каково же было мое удивление увидеть своего одноклассника в окружении двух очаровательных фей.

– Здорово дружище. Сколько лет ,сколько зим. Присаживайся.

Проорал он, пытаясь перекричать сотни децибел ритмичной музыки.

– Привет, – кивнув, я протянул руку.

– Да ты расслабься, мы же на отдыхе.

Орал он мне в ухо, усадив меня рядом с собой.

– Виски, бренди? – вопрошал он.

Я ухо прокричал:

– Виски.

Не заметил, как мы с ним прикончили пару бутылок. Разговорившись, он рассказал о себе, о том, как стал сказочно богатым. О том, что сейчас, при своем колоссальном капитале, он очень одинок. На мой вопрос о его семье, он просто отмахнулся. Самое интересное, что насколько я помнил, раньше он выглядел по-другому.

Всегда подтянутый, атлетического телосложения. Теперь же это была слабая копия себя. Он похудел килограмм на двадцать, осунулся, стал выглядеть старше, при том что мы ровесники. Морщинки покрывали истощенное лицо. Даже дорогой итальянский костюм, будто был ему велик на пару размеров.

Указал ему на двух фей, он лишь усмехнулся:

– Это так, на один вечер.

После этого наступила моя очередь исповедаться. И я рассказал о своей жизни. О тёрках с руководством, о предстоящем увольнении. Крах карьеры и последующее банкротство, вот что меня волновало больше всего.

Он долго слушал, не проронив ни слова. После чего

достал из кармана лощеную визитку. Где было написано «СЕО» бла-бла-бла Корпорэйшн. Проигнорировав свои регалии, он просто перевернул визитку и на обратной стороне написал адрес.

Прочитав адрес, я ужаснулся.

– Что это?

– Это то, что тебе может помочь, – сказал друг детства.

– Это бабка повитуха? – съязвил я.

– Зря стебешься, – только и ответил друг.

И, изменившись в голосе, очень серьезно продолжил:

– Это то, что изменит твою жизнь навсегда. Когда придешь по адресу, скажи, что пришел по моей рекомендации, тебя пустят.

Он задумался на минуту и продолжил:

– Самое главное, пойми, что у всего есть своя цена. Порой цена бывает очень велика.

Произнося это, его глаза вспыхнули непонятным свечением. По моему телу пробежал холодок, но я взял себя в руки. У богатых свои причуды. Положил визитку в карман и, распрощавшись, побрел домой.

Не прошло и три месяца после нашей встречи, как моего друга не стало. Об этом еще долго писали газеты. Что же будет с его миллиардным состоянием? Ведь у него нет прямых наследников. Меня это известие конечно огорчило, но я не придавал этому большого значения, хотя должен был задуматься.

Но это еще в будущем, а в настоящем я проснулся с плохим самочувствием и перспективой остаться на улице. Время будто издевалось надо мной и рабочий день растягивался до невозможности. Только отработал один вопрос, как появлялись еще более срочные. А эта дрянь с надувными формами, только и подливала масла в огонь, бегая к шефу и указывая на мои промахи.

Уф... Наконец-то закончился бесконечный день, офисный планктон поплыл по домам и барам. Ручные часы показывали десять минут девятого. Я достал визитку и вызвал такси. Услышав адрес, таксист немного побелел и заломил двойной тариф:

– Уважаемый, но вы же знаете, что это один из самых беднейших районов гетто. Нормальные люди туда боятся даже заглядывать. Проститутки, барыги и прочие отбросы общества. Мрак.

Я только и мог, что почесать затылок в недоумении. Но что делать? Успешный друг дал мне этот адрес.

– Поехали.

Мы ехали почти час. Высокие многоэтажки в центре сменялись домами пониже.

– Приехали, – гнусаво произнес дородный таксист и заговорчески продолжил полушепотом: – Район криминальный, я подожду вас минут двадцать с включенным счетчиком, если не выйдите до этого, я уеду.

Можно было подумать, что таксиста могли подслушать

сквозь оконное стекло.

Но вслух я произнес:

– Хорошо, постараюсь освободиться пораньше.

Дом, к которому мы подъехали, был будто из прошлого века. Сквозь тусклый свет фонарей, можно было различить центральный вход с колоннами. Темные окна и лишь на третьем этаже мерцал слабый огонек. Войдя в подъезд ощутил накатывающий холодок. Под ногами скрипели лестничные ступени. Ноги налились тяжестью. Каждый новый шаг давался с трудом. Встряхнув голову и отогнав все свои страхи, я поднялся на третий этаж. Постучавшись в нужную дверь, не услышал отклика. Нажал на дверную ручку, она поддалась. Я вошел внутрь.

Коридора не было, комната была большая, но завалена всяким хламом. Вдоль стен располагались открытые шкафы, заполненные книгами, свитками и различными склянками. По центру комнаты стоял деревянный массивный стол с различными безделушками. За столом сидела женщина неопределенного возраста, погруженная в чтение старой книги.

– Зачем пришел? – пискляво поинтересовалась она.

– Ну это... – начал сумбурно я. – Мой друг дал ваш адрес и сказал, что вы можете помочь.

– Что же, – она жестом указала мне сесть напротив нее. – Протяни мне свои ладони.

Честно говоря, мне меньше всего хотелось соприкоснуться с ней. Вся обстановка будто бы душила меня. Мне не хвата-

ло воздуха. Еще этот натуральный человеческий череп, что служил ей подставкой под свечу. Он не внушал доверия. А ее внешний вид – это отдельная песня. Она была одета в длинное черное платье с тесемками, такие не носят уже лет сто. Длинные черные волосы, бледная кожа, как у покойника. Глаза... время шло, но джил в ее глазах как два рентген аппарата, насквозь сканировали мою сущность.

Протянув свои руки в ее ладони, я ощутил холод. Холод пронзил все тело. Сперва ладони, предплечья, спину, ноги и, наконец, голову. Мороз ощущался в каждой клеточке моего организма. Но это было не долго, буквально пару секунд. Колдунья освободила мои руки и мне не сказано полегчало.

– У тебя черная полоса в жизни?

Если бы у меня все было на мази, какого лешего я бы перся сюда? В слух же ответил:

– Да, меня собирается уволить.

– Вижу, – произнесла она своим высоким голосом и продолжила. – Это только начало, дальше еще хуже будет.

– Ну это ясно и без паранормальных способностей, – связвил я. – Что теперь делать?

Повисла театральная пауза. Я ждал несколько минут, и она произнесла:

– Могу тебе помочь. Но за все надо платить.

– Мадам, не важно какая цена. Я со своей семьей окажусь на улице. Что может быть страшнее? Если можете помочь, просто помогите.

– Хорошо, – она порылась в ящике стола и извлекла небольшой талисман.

Взяв в руки талисман, я увидел маленькую черную фигурку. Непонятный зверек с выпученными красными глазами был искусно вырезан из камня. Я не знал, кто это и без опаски принял кулон.

– Надень его на шею и никогда не снимай. Кулон должен пропитаться твоей энергией.

– И что дальше?

– Во-первых, не следует меня перебивать! – молвила она раздраженно. – Во-вторых, когда у тебя появится сильное, жгучее желание чего-либо, просто представь это и возьми в руку кулон. Он осуществит любое твое желание, но взамен заберет у тебя то, что тебе дорого.

Я просто отмахнулся от нее, сгреб талисман в ладонь и пулей выбежал из комнаты. Какое счастье, водила все еще дожидался меня. Сев в машину, я сказал адрес дома и был таков.

Походив пару дней с амулетом на шее, я не выдержал и решил попробовать. Не солгала ли колдунья?

Итак, надо представить, что я хочу? А что я действительно хочу? Что бы меня не уволили? Нет, как-то мелко. А может заказать повышение по службе или просто удачную карьеру? Представив себе просторный кабинет заместителя генерального, и то как я сижу в его кресле, мне сразу же стало приятно, по телу расплылось тепло.

Помимо просторного кабинета, я представил, как сижу в кожаном кресле своего шефа, попивая дорогие бренди. С этими мыслями потянулся к кулону. Кулон неожиданно потеплел и обсидиановые глаза озарились красным огнем.

Не прошло и недели, как в моей жизни начались удивительные перемены. «Рыбка», по которой с ума сходил весь офис, допустила ряд роковых ошибок. Благодаря ее косякам, наша компания просела на несколько миллионов. «Генерал» и его зам были в бешенстве. Эта дура поставила всю компанию под удар. Требовалось чудо. И я сотворил это чудо. Не знаю, как это могло произойти, но по дикому стечению обстоятельств, я оказался в нужном месте, в нужное время.

Случайное знакомство с нужными людьми, принесло выгодные контракты. Благодаря моим контрактам, компания выровняла баланс и финансовый год был окончен с плюсом. Не прошло и двух недель, как «Рыбку» уволили. А вслед за ней, через пару месяцев, уволили и моего шефа. Таким образом я стал заместителем генерального.

Жизнь начала налаживаться. Благодаря премиям и бонусам, я смог закрыть все кредиты и ссуды за пару лет. Удручало одно. Мама, моя бедная мама. У нее до этого была вторая степень рака кишечника, но благодаря лечению, врачи говорили, что она проживет еще, как минимум, четыре – пять лет. Но они ошиблись.

После того, как на работе у меня пошла белая полоса, ей стало значительно хуже. Рак стремительно прогресси-

вал. Метастазы проникли по всему кишечнику. Я положил ее в лучшую клинику, оплатил самое дорогостоящее лечение. Но увы, ни химиотерапия, не удаление не помогло. Раковые клетки будто жили своей жизнью. Если раньше они росли умеренно, то теперь размножились в геометрической прогрессии.

Мама совсем перестала есть, ей подвели трубочку, по которой подавали жидкую пищу. Она напоминала жертву немецких концентрационных лагерей. Врачи боролись за ее жизнь день и ночь, но несмотря на это, вскоре ее не стало.

Мы похоронили ее глубокой осенью. На похоронах были мои коллеги, мамыны постаревшие подружки, парочку родственников и мой отец. Я давно с ним не разговаривал, но тут не выдержал. Смерть мамы нас сблизила и заставила зарыть топор войны.

Мне потребовалось больше недели для осознания того, что мамы больше нет с нами. Но жизнь идет своим чередом. Уйдя с головой в работу, мне стало чуть полегче. Не даром у всех народов есть традиция поминок. Это позволяет уйти в подготовку мероприятия и притупить боль потери. Так и работа, в нее погружаешься полностью, она требует полной концентрации усилий.

В должности зам «генерала» другие обязанности. Ты уже не исполнитель, а продажник. Главная моя задача – работа по существующим контрактам и привлечение новых. Раньше я не думал, как деньги приходят в бухгалтерию. Каждый

месяц в положение время. Я даже не задумывался о таких глупостях. А сейчас от моей работы зависело, получают ли заработную плату пятьдесят сотрудников? Порадуют ли они свои семьи?

Мне нравилась моя работа в новой должности. Однако, проработав более двух лет и увеличив оборот компании в несколько раз, я понял, что надо расти дальше. «Генералом» мне явно не стать, моя должность – предел для наемного сотрудника. А что, если мне открыть собственную компанию? Однажды посетила меня эта мысль, но я ее отогнал. У меня хорошая должность, большие бонусы в конце года... чего еще не хватает?

Но противный червячок сомнений уже проник в мой мозг. Все чаще и чаще я подумывал о своем собственном деле. Однажды, во время очередного фуршета, я высказал свою идею «генералу»:

– Шеф, как думаешь, может нам открыть дочернюю компанию?

– И что ты предлагаешь? – насупившись поинтересовался он.

Судя по его взгляду, моя идея ему не понравилась. Но я решил рискнуть. К тому же, кто не рискует, тот не рискует, а сидит на попе ровно. Я сам так просидел почти пять лет. Не прошло и двух лет в новой должности, но я чувствую, что уже вырос из этих штанишек. Меня душат всеиэти процедуры, бестолковые совещания. Мне хочется свободы. Самосто-

ательно принимать решения и не бегать на побегушках, не отчитываться перед учредителями по каждому пустяковому вопросу.

– Босс, я тут проанализировал рынок консалтинговых услуг.

– И?

– Мы обслуживаем крупные как государственные, так и частные корпорации. Наша доля рынка больше пятнадцати процентов корпоративного сегмента. Дальше нам некуда расти. Максимум процент – два. Больше нам не дадут бигфор.

– Что же нам делать?

Бос нервничал еще больше.

– Я предлагаю расширить нашу деятельность. И помимо крупняка, взять в оборот малый и средний бизнес.

– Но там же маленький средний чек.

– Шеф вы правы, чек действительно маленький, но их много.

– А как же наше имя? Наши услуги не по карману малому бизнесу.

– В этом и соль. Я предлагаю создать отдельную компанию, которая будет специализироваться на обслуживании небольших компаний и индивидуальных предпринимателей. Даже разработал организационную структуру, расписал бюджет доходов и расходов.

– А кто будет руководителем?

– Хотел предложить свою скромную кандидатуру.

– Я подумаю. Ответ скажу позже, – молвил патрон.

Жизнь продолжалась своим чередом. А через три месяца на очередном совещании шеф произнес:

– Позвольте представить, руководитель нашей дочерней компании. Он будет специализироваться на малом и среднем бизнесе.

– Очень приятно, коллеги, – произнес молодой человек, до боли похожий на нашего «генерала», только моложе лет на двадцать.

«Понятно, я ему дал шикарный расклад, а он мне подложил свинью. Устроил своего сына на тепленькое место. Получается, он принял мое предложение всерьёз и ничего мне не сказал?» – обидные мысли пролетали в моем сознании.

По окончании совещания, когда все начали расходиться, «генерал» попросил меня остаться.

– Шеф, что происходит? Почему меня не поставили в известность? Это был мой проект!

Шеф прокашлялся, отпил воды из стакана и произнес:

– Извини, так получилось. Я давно хотел пристроить сына, а тут ты предложил интересную концепцию. Получается, я решаю две задачи: увеличиваю совокупные продажи и сын под присмотром.

– А мне что делать? Это же было мое детище. Я планировал возглавить новую компанию.

– Не зарывайся, – только и буркнул «генерал». – Я тебя

два года назад из дерьма за уши вытащил, сделал замом. Дал власти и полномочий. Пока еще не вырос до своего бизнеса. Когда ты будешь готов, я сам дам тебе знать.

Было обидно до слез. Благодаря мне, наша компания на плаву и процветает. Шеф прикупил себе ещё две виллы: одну в Испании, другую во Франции. Что я хотел? Только стать независимым руководителем и все. Хотелось уже покинуть свою песочницу. Но такой облом.

И тут шеф меня добил:

– А будешь дальше рыпаться, уволю к чертовой бабушке. И ни одна собака тебя не возьмет на работу.

Дальнейшие оскорбления я уже не услышал, просто вышел из кабинета, громко хлопнув дверью. Заявление об уходе по собственному желанию, положил через час на стол шефа.

Уволившись, несколько недель провел дома с близкими. Старую двушку мы недавно поменяли на трешку, благо без ипотеки. На моем банковском счету были кое-какие сбережения. Нам бы хватило на полгода безбедного существования. Во время нахождения дома я сблизился с дочкой, помогал ей делать уроки, она уже училась в школе. Иногда готовил ужин, чем несказанно радовал домочадцев. На востоке говорят, что лучшие повара – мужчины. Полностью согласен с этим утверждением.

Погрузившись в домашнюю рутину, я не переставал размышлять о собственном бизнесе. Мечтал стать руководите-

лем. Тем более, я знал изнутри все болевые точки корпоративного управления. Хотелось создать компанию мечты. Где все сотрудники будут равны, и не будут бояться высказывать напрямую свое мнение.

Но для создания идеальной компании требовались инвестиции, причем значительные. По моим расчетам, компания через полгода прошла бы точку безубыточности, а дальше работала бы в плюс. Но все упиралось в деньги, точнее в их отсутствие. Помимо готового бизнес-плана, все банки и финансовые учреждения запрашивали залог. Залогом могла выступать земля или недвижимость.

Моя трехкомнатная квартира в расчет не принималась, так как покрывала всего десять процентов от необходимой суммы. Решил поискать частных инвесторов, но они только отказывались:

– Конечно, у вас хороший опыт и навыки управления, но вдруг у вас не получится осуществить задуманное?

От бессилия хотелось порвать на себе рубаху и, ударяя кулаком себя в грудь, крикнуть: «Мамой клянусь, все получится», но мамы с нами не было. Череду встреч с потенциальными инвесторами окончила ни чем:

– Нам очень приятно рассмотреть ваш проект, однако, – и далее следовала бла-бла-бла, в итоге все сводилось к одному – нам дико не удобно и жаль вас, но денег не дадим.

Устав выслушивать отказы и лестные пустые отзывы, я судорожно искал решение. В один момент глянув на себя в зер-

кало, я увидел свой талисман. Зверек будто пульсировал, в предвкушении чего-то. Взяв его в ладонь, я ощутил теплый импульс.

Что говорила колдунья? Кажется, визуализируй свою мечту. Что я незамедлительно сделал, сжимая еще сильнее кулон. Представил, как сижу в угловом офисе на двадцатом этаже, как симпатичная секретарша приносит мне кофе, как моя собственная компания входит в топ десять консалтинговых компаний. Я лично открываю представительства в других странах, и пару филиалов в крупнейших городах страны. Покупаю симпатичный коттедж. Моя девочка начинает учиться в престижной частной школе. Как же приятно мечтать.

Как и в прошлый раз, кулон начинает нагреваться и его глаза засверкали красными огоньками. Не знаю, что это было, но буквально на следующий день меня пригласили на встречу. Я уже встречался с представителями этой компании, когда презентовал свой проект, вроде это было на третьем этаже. В этот же раз целая свита вышла меня встречать, человек пять, не меньше. Мы поместились в небольшой лифт и поехали на самый последний этаж.

Пройдя приемную мы вошли в кабинет. Кабинет был размером с небольшое футбольное поле. Дорогой интерьер, массивный стол из красного дерева. За столом сидел седовласый мужчина. Судя по тому уважению, что ему оказывали сотрудники, он был очень влиятельным человеком.

Однако, к моему удивлению, обращаясь ко мне, он был очень дружелюбен:

– Это ты тот умник, что предложил сконцентрироваться на малом бизнесе?

– Да, – я попытался что-то добавить, но замолчал.

– Расслабься, все нормально. Я уже отругал своих балбесов. Как они могли проглядеть такой перспективный проект? Честно сказать, я и сам об этом думал. Но, раз ты уже все распланировал, я готов инвестировать сколько надо.

Я только и мог, что стоять с широко открытым ртом, еще не осознавая, какое счастье мне привалило.

Через месяц я запустил свою собственную компанию, как и мечтал. Уже через полгода въехал в угловой офис на двадцатом этаже, а миловидная секретарша наливала мне свежесваренный кофе. С инвестором мы договорились сразу: работаем пятьдесят на пятьдесят, но у меня было первоочередное право выкупа его доли.

Как я и прогнозировал, моя компания быстро набирала обороты. Мои связи и контакты за последние семь лет сыграли большую роль. Даже некоторые крупные организации стали переходить ко мне.

Я был счастлив, все получалось. Через год появилась возможность приобрести красивый двухуровневый коттедж. Но, как говорится, в каждой бочке меда, есть ложка дегтя. В один из дней мне позвонили из частной больницы. Попросили приехать, так как моего отца госпитализировали туда.

Переложив все важные вопросы на плечи своего заместителя, я пулей вылетел в больницу. Отец был под системой.

На вопрос, что случилось? Доктора только разводили руками:

– Мы не можем понять, что происходит. Ваш отец наблюдается у нас последние двадцать лет. Его показатели всегда были в норме, конечно холестерин немного зашкаливал, но это нормально. А тут буквально месяц назад ему стало плохо. Он обратился раз и исчез. В следующий раз мы везли его на скорой помощи, сам передвигаться он не мог.

Я два месяца находился у его кровати. Каких только лекарей и целителей не приглашал. Приезжали лучшие европейские светила наук, но увы. Он таял на глазах, терял вес, волосы и даже зубы.

За пару месяцев из уже немолодого, но энергичного мужчины, он превратился в дряхлого старика. Хоронили его мы весной. Расцвели первые цветы. На улице потеплело. Как же мне хотелось рассказать о своих успехах, поделиться ими с мамой и папой, но я не мог. Папу похоронили рядом с мамой. Хоть они и разошлись в жизни, на смертном одре они лежали рядом, как и полагается семейной паре.

«Папа, мама, неужели я виноват в вашей смерти?» – промелькнула у меня однажды мысль, но я гнал ее от себя подальше. Они уже были в возрасте, с пожилыми это случается. Ну а мне надо сосредоточиться на настоящем, устроить жизнь своим девочкам.

Мой курс на МСБ оказался верным. Через три года не было компании, где бы не слышали обо мне. Деньги текли рекой, но чего-то не хватало.

– Слушай, а может тебе пойти на государственную службу? – невзначай предложил один знакомый, мы частенько играли с ним в большой теннис в одном закрытом клубе.

– А что мне это даст?

– Как, что? – он чуть не поперхнулся от услышанного.

– У нас как раз открыта вакансия на главу префекта района. Во-первых это доступ к свободным земельным участкам, во-вторых, это бюджет. Знаешь какие там цифры? – и он развел руки, показывая величину.

– Ну даже не знаю... зачем мне это? Бизнес у меня есть.

– Не тупи, дружище, самое сладкое, это ощущение власти.

Власть опьяняет.

«Конечно, она опьяняет разных придурков, вроде тебя» – подумал я, вслух же произнес:

– Пока мне это не интересно.

Я давно забыл о разговоре со своим приятелем. Тот разговор, был словно из параллельной реальности. Где я, а где государственная служба? Из-за госслужбы, я некогда разругался с отцом и не разговаривал целых десять лет. Все забыто и прошло.

Компания моя тем временем уже окрепла, долю у моего инвестора я уже выкупил. Теперь с ним мы были просто друзьями. Он часто приглашал меня на сафари в Африку. Мы

дружили семьями, проводили вместе праздники, дни рождения.

В один из дней в мой головной офис пришли люди в форме. С ними были бойцы спецподразделения. Всех сотрудников положили на пол и устроили обыск. На вопрос: «Что ищите?», ответили просто:

– Вы ведете теневую бухгалтерию, к нам поступил сигнал.

– Ну если у вас есть ордер, делайте, что должны, – что еще я мог сказать? Хотя в душе понимал, что их прислал мой бывший шеф. Он давно на меня зуб точит. Выжидает удобный момент, чтобы уничтожить меня и мою компанию. До сих пор не может простить банкротство своего сына.

Помимо обыска в головном филиале, на работу компании фискалы наложили запрет, мотивировали тем, что надо проверить все мои филиалы и представительства. Компания не работала уже почти две недели, я нес огромные убытки, плюс неисполнение обязательств по контракту. Если так продолжится еще пару недель, то все. «Финита ля комедия, господа присяжные и заседатели». Можно попрощаться со всем, что у меня есть.

Как же не хотелось начинать все с чистого листа. Плюс коллекторы не оставят в покое до конца жизни. Надо было выкручивать ситуацию в свою сторону. Первым делом я заехал в гости к своему бывшему инвестору. Выпив пару чашек, чудесного кофе я узнал очень многое.

Мой бывший шеф попался на утаивании налогов и дал

показания против меня. Сказал, что это я вынудил его оступить. Сразу две крупных компании попали в зону внимания. Министерство финансов тут же возмутилось бездействием местных чиновников. По указке последнего и начались мои неприятности. Сколько раз я пытался доказать свою невиновность, но все зря. Они виновато пожимали плечами и указывали пальцем вверх: «Приказ сверху».

Я даже не раз пытался пробиться к министру на прием, но для меня он всегда был занят. Пытался зайти через других солидных людей, но безуспешно. Тогда я и осознал, что хочу от жизни. Хотя, чего греха таить, я всегда старался держаться подальше от гос аппарата, но ситуация требовала радикальных действий. Меня осенила дикая на первый взгляд идея: «А что, если мне самому стать министром финансов?»

Давайте прикинем плюсы:

- Прекратятся проверки, моя компания начнет работать;
- Со временем, могу переключить многие государственные закупки на свою компанию или открою море мелких компаний, которые ко мне напрямую никак не относятся и попробуй доказать, что я при делах;
- Возрастет мое влияние в стране.

Минусы:

- Я ни фиги не разбираюсь в госслужбе;
- Меня бесит бюрократия;
- Буду меньше времени проводить с семьей.

Прикинув все за и против, я понял, что в целом министер-

ский портфель дает намного больше. А то, что не разбираюсь, так у меня будут заместители, которые введут в курс дела. Финансы я знаю, так что прорвемся. С этими мыслями я в очередной раз вложил зверька в ладонь. Кулон будто предчувствовал и уже вибрировал. Представлял себя в роли министра финансов я почти полчаса. Амулет в очередной раз обжег ладонь. Глаза его горели огнем, запуская новый сценарий моей жизни.

Не буду описывать детально, что после этого со мной происходило – череда невероятных событий. Самое главное, что через две недели я получил свой министерский портфель. Первым поручением я снял все аресты со своей, точнее компании жены. Компания же бывшего шефа наоборот подверглась довольно тщательной фискальной проверке. Жаль, конечно, но такую проверку ей не пережить.

После того, как я разобрался с компаниями, я погрузился в отчетность. Ушло почти два месяца на осознание работы министерства и почти полгода на оптимизацию всех бизнес-процессов. Трансформация министерства проходила тяжело, со скрипом. Но самое главное удалось растормошить – бюрократический застой, и министерство заработало намного эффективней.

За первый год удалось обуздать уровень инфляции. Сделать прозрачными госзакупки. Кстати компания супруги начала довольно часто выигрывать тендера.

В отличии от бизнеса, по здоровью у супруги начались

проблемы. Она перестала нормально спать. По ночам начала видеть кошмары. Временами мне казалось, что она сходит с ума. Я пытался с ней поговорить, она лишь плакала. Я направил ее к лучшим врачам и сосредоточился на своей работе в министерстве.

Супруге становилось хуже день ото дня. Черные круги под глазами. Потеря веса, постоянная мигрень. Что-то мне это напоминает. Неужели ей уготована участь родителей моих родителей? Нет, все это вздор. Я не мог представить себе, что могу потерять свою любимую женщину, мать моей прекрасной дочурки.

Я вспомнил тот день, когда мы с ней познакомились. Был жаркий майский денек, я как раз пообедал с коллегами и вышел прогуляться – растрясти жирок, так сказать. Прогуливаясь в парке увидел пару девушек, они сидели на лавочке и читали книги. Ну прям студентки перед экзаменом. Заметив, что в руках у них учебник по бухгалтерскому учету, я подсел рядом.

У нас завязался разговор. Они до дрожи в коленках боялись этот предмет. Но так как бухгалтерия моя стихия, я предложил свою помощь. Сперва мы встречались втроем, в людных кафе, но через некоторое время подружка отпала. Я объяснял моей суженой все премудрости бухгалтерии. Вскоре она успешно сдала предмет и получила диплом. Через полгода мы поженились.

За время совместной жизни, она практически не измени-

лась. Те же голубые глаза и прелестные ямочки на щеках. Фигура немного округлилась, но от этого стала еще более привлекательной. Как же я ее люблю. Неужели она должна отдать жизнь за мое везение?! Не бывать этому!

Несмотря на свою загруженность, я отменил все встречи и совещания до обеда. Взял служебную машину и поехал по тому злополучному адресу. Каково же было мое удивление, когда на месте старого трехэтажного дома с колоннами я обнаружил котлован.

Решил поинтересоваться, что случилось с домом, у проходившего мимо подростка:

– Парень, не подскажешь, что случилось с домом, он стоял прямо тут?

Парень недоуменно посмотрел на меня и воскликнул:

– Какой дом? – он озирался по сторонам в полном неведении.

Я начинал нервничать:

– Тут стоял дом! – пальцем я ткнул в огромный котлован, что раскинулся между двух пятиэтажных зданий, как выбитый зуб. – Давно его снесли?

– Дяденька, я вообще-то живу на этой улице с рождения, лет двадцать. Тут всегда был котлован.

Я стоял в шоке. Как это возможно? Я же был тут несколько лет назад. На шее, как всегда висел озорной зверек и немного пульсировал.

И тут парень что-то вспомнил:

– Как-то мой дед говорил, что на этом месте был дом. Нехороший дом, там то ли колдовала, то ли жила колдунья. Много людей она погубила. Как-то местные жители собрались и сожгли этот дом. Долго в их ушах еще звучал крик горящих людей. Потом пепелище снесли. Но это было лет сто назад.

И тут уже я почесал голову. Может я схожу с ума?! Короче приехали, вопросов стало еще больше.

Так, если ведьмы нет, то кто поможет мне снять заклятье с жены? Неужели моя вторая половинка обречена и я тому виной? Меня пробил озноб, в висках запульсировало.

Так вот какую страшную цену я должен платить каждый раз. «За все надо платить», я вспомнил слова успешного, а ныне покойного, одноклассника. И эта ведьма сразу ничего не сказала, а я дурак согласился не глядя. Как же все вернуть назад? Не хочу власть! Хочу здоровую супругу.

Но кто бы меня слышал? Как я не старался помочь супруге, ей становилось все хуже. Через три мучительных месяца она покинула этот свет. Я начал пить. Пил почти неделю. Только благодаря мольбам дочери взял себя в руки. Мне есть, ради кого жить.

В министерстве сказали, что я в отпуске после похорон. Постепенно возвращался прежний я. Переговоры, поездки за границу. Плюс уделял время своему бизнесу. В суете прошло два года. Все было хорошо, но что-то надвигалось. Крысы первые бегут с корабля, чувствуют надвигающуюся беду.

Так и у меня, сперва уволился один заместитель, потом второй. Я недоумевал, в чем дело. Пришлось идти в ресторан с помощником и, нормально подвыпивший, он раскололся. Оказывается, наш президент, объявил войну коррупции. Он решил, что рыба гниет с головы и велел проверить всех начальников. Его люди уже внедрились в мои компании и министерство. Разумеется, «мои» дела тут же всплыли на поверхность.

Я потерял бдительность и был занят здоровьем жены, в последнее время все дела переложил на своих подчиненных. Прикрываясь моим именем и должностью, они творили темные делишки и уводили деньги в обшоры. Если бы не проверка, я бы и не заметил, как остался бы без штанов.

Фиг вам, знаете есть такая индейская изба? Не бывать этому. Я не могу потерять все то, что у меня есть: бизнес, политическое влияние. Я справлюсь и со всем разберусь.

Но грянул гром среди ясного неба. Служба национальной безопасности посадила всех причастных. Мне же вменяли измену и дали высшую меру – пожизненное.

Я хотел опустить руки и смириться с ситуацией, но что-то взяло вверх. Скорее всего во мне заговорила жажда власти. Давно уже чувствовал, что министерство для меня маловато, а вот управление страной в самый раз. Решено: я буду новым президентом.

Я уже осознавал всю ту тяжесть, что ляжет мне на плечи. Не проходило и дня, чтобы я не вспоминал о своей дочурке.

Она так была похожа на свою мать. Те же бездонные глаза. Две светлые косички. Она была невинна и прекрасна. А что я хочу сделать? Положить ее на заклание. Кем я в итоге стал? Чудовищем. Надо остановиться, но как?

Зачем мне разрешили оставить этот дурацкий амулет? Лучше бы его не было в моей жизни. Зверек же, будто читал мои мысли. Он начал пульсировать. Ладонь автоматически потянулась обнять его. Тело желало ощутить жар. Разум рисовал видения моего президентства.

Нет! Я не могу на это пойти. Только не моя доченька. Я не переживу ее смерть. Мои руки и так по локоть в крови: мама, папа, жена... Отдать еще и дочь? Н-е-е-т!

Я бился головой об стену, кровь стекала по моему лицу. Я ее стирал тыльной стороной ладони, но она продолжала капать. Нужно остановиться, пока не поздно. Начал нервно ходить по камере. Десять шагов вперед и столько же назад. Бетонные стены, железная кровать и крошечное зарешеченное окошко под потолком. Солнечный свет едва проникал сюда. О боже, что мне делать?

Кулон манил: «Ну что тебе стоит, просто загадай желание, станешь Президентом, либо сгниешь тут».

И мое тело внимало пульсации. Включился инстинкт выживания. Разум орал «не-е-е-ет», а тело пыталось спастись. Боже, дай мне просто умереть. Но бог забыл обо мне, либо просто поставил в бан все мои обращения.

Автоматическим движением правая ладонь сжала про-

клятый кулон. Ладонь обдало жаром и я провалился в темноту. Через несколько дней меня освободили и разрешили участвовать в выборах.

Амулет не подвел. Молодой инергичный президент скоропостижно скончался, сгорел от неизвестной болезни примерно за месяц. Нужное место освободилось.

Для осуществления своего плана я организовал тайную встречу с крупнейшими олигархами страны и лидерами партий. Объяснил ситуацию, что при неправильном политическом курсе страна пойдет в никуда. Это затронет крупный бизнес и их интересы. Завтра могут начаться проблемы с ликвидностью, отток иностранных инвестиций, потеря прибыли. Я же профессиональный финансист – бухгалтер и не допущу этого. Благодаря мне страна будет процветать. Я не скупился на обещания. Олигархи будут получать преференции и уменьшение некоторых налогов, партийцы – места в новом правительстве.

Маховик завертелся. Мы собрали нужные подписи и выдвинули мою кандидатуру в президенты. Моя популярность росла, как на дрожжах. За неделю до выборов мой рейтинг был больше, чем у других кандидатов.

Как я и предполагал, я стал следующим президентом.

Дома меня встретила милая доченька. Она кашляла. На вопрос:

– Что случилось?

Отвечала:

– Просто простуда.

Но я то знал, что это начало конца. Какой же я мерзкий. Поставил жизнь дочери на чашу весов. И ради чего?

Ее не стало в течении двух месяцев. Детский организм боролся, но не смог победить неизвестную хворь.

Я был мрачнее тучи, но оставался президентом. Как президент я был не плох. В страну пришли большие инвестиции. Во всех провинциях открывались фабрики, заводы. Страна, как никогда, нуждалась в большом количестве рабочих рук. Мы увеличили квоту для граждан соседних стран.

Экономика росла, благосостояние страны увеличивалось. Мой бизнес вышел за пределы страны и превратился в глобальную международную корпорацию. Однако мои успехи нравились не всем. Было много завистников, как внутри страны, так и за границей. Если с внутренними деструктивными силами справлялась государственная безопасность, то с внешними было сложнее.

Одна из стран открыто стала проявлять недовольство. Потом другая, третья. Если раньше бюджет наших стран был практически одинаков, то теперь им было далеко до нас. Эта мысль успокаивала меня, но соседи начали перекрывать реки и вынудили нас повысить плату за воду в три раза. Ок, мы начали платить больше. Намного больше...

Расходы на воду быстро проделали дыру в бюджете. Цены в магазинах выросли до небес, поля испепеляло солнце, животные гибли без счета. Люди изнемогали от жажды, пе-

реставали мыться и медленно двинулись в другие страны. В стране могла начаться эпидемия и голод. Деньги не смогли купить все.

На что я потратил жизнь? Загубил моих любимых, а теперь пришел черед страны. Миллионы жителей погибнут, остальные будут беженцами. Разве этого я хотел?

Не так прост оказался талисман. Цена его услуг намного выше, чем я думал раньше. После каждого улучшения наступал неминуемый кризис и мне приходилось делать новый заказ, отдавая близкого человека. Как же я был глуп. Но стали я умнее?

Предчувствия одолевали меня. Что теперь делать? Моя жадность лишила меня всего самого ценного. Если бы я мог исправить ситуацию, то кем я должен стать? Кто выше президента? Если такое возможно, то чем я заплачу?

Я сомневался и впал в депрессию. Советники отводили глаза, в стране усилилась паника. Пришло сообщение, что на окраине вспышки неизвестной болезни. Умирают невинные люди. Я должен что-то сделать.

У меня не осталось выбора, как пожертвовать собой. Снова моя ладонь обнимает кулон, жар и темнота.

Меня растормошили:

– Она пришла! – что есть сил кричал возбужденный помощник.

– Кто пришел? Ты, о чем? – я недоумевал.

– Вода! Целое подземное озеро. Мы все спасены.

«Ну слава богу. Успел сделать хоть что-то стоящее», – подумал я.

Умирал я быстро. Хватило всего двух недель, чтобы мой ослабленный организм одряхлел и я испустил дух.

И вот я очнулся. Все оказалось страшным сном наяву. Я снова стою на той злополучной улице. Меня ждет таксист. Его пальцы нервно стучат по рулю. В моих руках чуть заметно пульсирует маленький черный зверек. Старый дом с колоннами стоит за моей спиной. Что за ерунда?

А может, это божественные силы дали мне второй шанс? Может получится все исправить?

Осознав это, я беру дурацкий кулон и со всей, что есть силы разбиваю его о мостовую. Он вспыхивает зловещим зеленым огнем, шипит и, кажется, я слышу крик тысячи загубленных душ. За спиной что-то происходит. Дом с колоннами тоже объят зеленым пламенем. Он рушится на глазах. Не проходит и двух минут, как от него остается только пепелище. Налетает порывистый ветер и уносит с собой пепел. На месте дома ровный участок земли.

Ошарашенный водитель такси долго не может прийти в себя от увиденного. Я же диктую адрес и еду домой. Дома меня встречают мама, жена и дочка. Они переживают, что меня уволят. На что я весело отвечаю:

– Ерунда. Прорвемся.

В конце концов, можно найти другую работу. Но кто заменит любимых людей?

Р.С. Держитесь подальше от черной магии и колдунов. Возможно, моя история будет уроком для тех, кто хочет все и сразу. Помните, у всего в жизни есть цена. Порой надо платить слишком много. Готовы ли вы на это?

Крушение над Ариин

– Центр, мы падаем, – Ари, из-за всех сил кричал в передатчик. – Вы слышите?! Мы падаем!

Динамик то шипел, то ясно отзывался голосами.

– Твою же мать! – смачно выругался Трок. – Мы сейчас пролетаем над залежами адамантина, он гасит сигналы.

– Это центр, как слышите? – Ари продолжал вызывать базу.

Тш-ш-ш, тишина.

– Центр, это Черный Ястреб. Мы падаем в квадрате 233:879, просим эвакуации.

Тишина.

– Надеюсь они получают наши координаты, – пробасил Трок, после того, как корабль ушёл в неуправляемое пике.

Здоровяк Трок был отличным пилотом, мастерски управлявшим Чёрным Ястребом. Лететь ко второй базе на прямую, было рискованно, он пытался возразить руководству, но кто бы его слушал.

Корабль болтало из стороны в стороны, Ари вырвало обедом на приборную панель. Трок, как заправский игрок на-

жимал на красные, синие и желтые кнопки в надежде, что выпадет бинго и ему удастся плавно посадить пикирующую посудину.

Не повезло!

Черный Ястреб, согласно закону притяжения падал вниз. Внизу сплошной зеленой стеной стояли джунгли. Удары сотрясали корпус корабля. Если бы не ремни безопасности, то экипаж, в составе Ари и Трока, превратился бы в отличные отбивные. Все прекратилось... Последнее, что помнил Ари, это ручеек крови, стекающий по лицу, а дальше темнота...

– Сынок, я тебя не отпущу! – рыдала мать, обнимая своего единственного сына, Ари Лиама. – Глянь, что они сделали с отцом?!

Отец сурово смотрел в глаза сыну, сидя на кресле-каталке. Потомственной военный. Ветеран более трёх конфликтов, в глазах его читались боль, страдание и невыносимая мука. Когда-то он был высоким и статным мужчиной. Это было давно... очень давно.

«А что мне сказать сынок?! Я воевал, твой дед воевал, прадед, тот вообще погиб на войне. У меня есть ордена и медали, военная пенсия, но я потерял всех братьев по оружию, а ночами вижу кошмары и просыпаюсь в поту. Мы с гордостью устанавливали флаги Империи на покорённых планетах, а местное население устраивало триумфальные парады в нашу честь. Огнем и мечом, любил поговаривать наш

седовласый генерал Хартмун. И мы устраивали орбитальные бомбардировки. Миллиарды погибших – вот чудовищная цена, которую платили враги Империи» – подумал старый вояка, а вслух произнес:

– Ари, выбор за тобой.

– Папа, а как же честь семьи и мундира?

Отец задумался, глаза его потускнели, а на душе стало зябко:

– Сын, тебе нечего стыдиться! Я собственной кровью и плотью отбелил честь нашего рода.

– Отец... я верю, что из меня получится хороший военный! Поговаривают, в Имперском флоте хорошо платят, особенно десантникам. Заработаю денег. Куплю вам с мамой большой дом и лучшие титановые протезы для тебя. Отец ты ещё сможешь бегать!

– Армия, это хорошо, но на гражданке тоже можно жить. Могу устроить тебя к другу в доки. Будешь ремонтировать старые жестянки. Зарплата не бог весть какая, но зато чистое небо над головой. Никаких ранений и кантузий.

Ари еще раз взглянул на своих родителей. От отца осталась только половина того прежнего, сильного мужчины. С потерей ног, он потерял веру в себя и уверенность в завтрашнем дне. Он забыл, когда в последний раз улыбался отец.

Мать была одета в простое серое платье, поношенные сандалии. Все такая же стройная, только белоснежные локоны волос предательски выдавали ее возраст. Слезы катились по

ее прекрасному, но обветренному лицу.

Солнце так сильно припекало, что случайные прохожие спешили укрыться в тени ближайших улочек. Всего через месяц небо озарится грозами и начнутся проливные дожди. Они всегда смывали боль и тоску от расставаний с мужем, во время его военных экспедиций во славу Империума, а теперь пришла пора сына.

Ари и его родители стояли на центральной площади города в окружении сотни таких же семей. Кто-то плакал, кто-то смеялся, но не было ни одного равнодушного лица. Провожаящие знали, возможно это последний раз, когда они могли обнять живым своего сына или дочь. Империиум расширился и требовал дань. Алония, родной мир Ари, был беден ресурсами, но поставлял отличных воинов. За все надо платить!

Ари обнял родителей и заскочил в улетающий Имперский фрегат «Надежда Алонии». На центральной планете Урана, Созвездия Рака, ему предстояло год проучиться в Военной Академии. После чего подписать десятилетний контракт на службу в Имперском десантном корпусе.

Ари очнулся от криков на незнакомом языке. Его руки и ноги были связаны жесткими жгутами, а тело было подвешено на длинную палку. Складывалось впечатление, что он был в роли подвешенного поросенка и его хотели приготовить на медленном огне в течении восьми – десяти часов. Ари лю-

бил это блюдо, сам не раз готовил его.

Берешь поросенка, две курицы, лемонграсс, тимьян, чеснок и так далее. Фаршируешь курицы, вкладываешь в поросенка, зашиваешь, насаживаешь на вертел и через десять часов – пальчики оближешь. На самые большие празднества делали это блюдо. Приходили друзья, знакомые, родственники.

Только в этот раз Лиаму было не до шуток. Осмотрев себя со всех сторон он не обнаружил ручного бластера. Зелёная униформа цвета хаки липла к телу. Волосы слиплись от засохшей крови. С правой брови стекали капли крови.

В джунглях смеркалось. Множество звуков раздавалось со всех сторон. Сотни, а может и тысячи глазниц наблюдали из джунглей. Ари, закрепленного на длинном шесте, несли двое. На них не было одежды, только пах и ягодицы были прикрыты тканью. С виду были похоже на людей, только ниже ростом. Тела покрывали татуировки и различные порезы. Захватчики быстро передвигались, постоянно приносиваясь и разговаривая между собой, они были смуглы и невероятно подвижны.

Речь похитителей напоминала гортанные звуки, на крики Ари не обращали внимание. Когда совсем стемнело, они покинули джунгли и приблизились к водопаду. Вода бурлила и разбивалась о скалы. Вся группа, семь туземцев и два связанных пилота, отошли от водопада на двадцать шагов направо и вошли в воду. В этом месте водопад утрачивал силу

и скрывал вход в пещеру.

Пещера представляла собой небольшой проход и постепенно увеличивалась в размерах. Через несколько минут группа стояла посреди огромного зала в скале. С потолка свисали длинные сосульки – сталактиты, соединяющиеся с собратьями, растущими из земли. Метрах в десяти плескалась вода, уходя под скалы. На стенах горели несколько факелов, чадя из последних сил и обдавая запахом паленого жира.

Как только группа вступила в пещеру, Лиам почувствовал запах. Такой знакомый аромат, он не раз в жизни с ним сталкивался, но что-то мешало понять, что это было. Лежа в зале и оглядев пещеру со всех сторон, он понял, чем тут пахло. Со всех сторон по периметру пещеры среди сросшихся гигантских сосулук лежали сотни, а может и тысячи костей. Черепа образовывали аккуратные горки с человеческий рост. Судя по всему, таких горок было не менее десяти. Смерть, все было пропитано ей.

Ари глянул на пол и обомлел, он был багряного цвета. Кровь была повсюду. Рвотный позыв подкатил к горлу, но он сдержался. Необходимо взять себя в руки и оценить ситуацию. Если бы не умение концентрироваться на главном, он давно был бы мёртв.

С одной стороны, его мозг анализировал ситуацию, весьма скверную, в которой он оказался. Их группу обступили со всех сторон. Лиам пытался сосчитать аборигенов, но после

пятидесятого сбился и предположил, что их не менее сотни. Маленькие смугло-чумадые детёныши подбегали к нему и Троку, тыкая острыми палочками. Их отгоняли взрослые воины, преграждая копьями путь детворе.

Полу обнажённые темнолицые женщины и девушки, что-то готовили и резали в дальнем углу пещеры. Словно павлин из преисподней к ним подошёл шаман. Он был как жар-птица: лицо разрисовано красным и черным, выкрашенная в белое, борода. Сквозь перегородку приплюснутого носа торчал клык неизвестного животного. На шее позвякивали бусы из сотни мелких косточек, а плечи и голову украшали птичьи перья.

Инстинктивно Ари попытался вспомнить что-либо о племени дикарей.

– Придурки! – орал полковник. – Ты, повтори, что я сказал?

Палец полковника указал на самого неугомонно из отряда солдат. Отряд был сборный из различных подразделений. Ари до этого потерял почти всех своих сослуживцев и был отправлен на планету Ариин.

– Полковник, вы говорили об особенностях планеты Ариин, – отчеканил субтильный солдатик по кличке Тощий. – И если мы не поймем основы этой планеты, то сдохнем нафиг.

– Молодец, Тощий, садись, – полковник взглядом указал на место солдату и продолжил. – Как вы знаете, планета Ари-

ин уже тридцать лет, как вошла в Империум. На планете три континента, два необитаемы, так, как находятся на полюсах. Если не хотите отморозить задницы, туда вам лучше не лезть. Третий континент, где располагаются две наших базы, Контер, покрыт джунглями.

– Господин полковник, а можно перейти к сути? Географию Ариин мы знаем на зубок.

– Разговорчики, мать вашу, – Полковник указал пальцем на солдата, что осмелился высказаться. – В карцер на три дня. Бегом, марш!

После того, как захлопнулась дверь за несчастным солдатом, полковник пристально оглядел оставшихся солдат на предмет неповиновения. Удостоверившись, что больше не было желающих высказаться, он продолжил.

– Как я уже говорил, Контер очень важен для Империи. На севере, в часе полета от нашей основной базы находится огромное месторождение адамантина. Вблизи залежей проживают различные племена. С племенами Ораго, Усону и Прота у нас были договоренности. Необходимую нам руду мы меняли на медикаменты, продукты, бижутерию и другие предметы. Все было хорошо, но последние два года ситуация изменилась.

– Господин полковник, – гнусаво произнес Тощий. – А что произошло?

– Еще раз перебеешь и тоже в карцер! – Полковник оглядел слушателей. – На чем я остановился?

– На изменениях.

Точно!

Отряд из двадцати бойцов, был направлен на обязательную лекцию. В зале было душно, кондиционеры работали на минимальном уровне. Местное светило было в зените и ласково одаривало своими жаркими лучами. Камуфляжная форма давно облепила тела солдат, по телу стекал пол. Ноги чудовищно потели в военных ботинках. Единственное, о чем мечтали вояки, когда же закончится эта бессмысленная лекция и они смогут окунуться в волны прохладного океана, который омывал базу с двух сторон.

«Какие нафиг местные племена?», – думали солдаты. Если человек в имперском камуфляже свой, а все остальные враги, просто тупо пали. Зачем выслушивать старпёра полковника. Кто-то мужественно боролся со сном, кто-то ковырялся в носу, другие изображали старательных слушателей, а некто даже конспектировал всю информацию.

– Пару лет назад начались проблемы с поставками адамантина. На ряду с этим, местные племена начали селиться к нашей базе. Сперва одна, две палатки, потом десятки, сотни, а теперь вы можете видеть за периметром десятки тысяч беженцев. Нам удалось выяснить, что причиной тому стало племя Укача. До этого оно ничем себя не проявляло. Занималось земледелием, добычей древесины. Но что-то произошло, мы потеряли их координаты. Они исчезли из своих поселений. Затем у других поселений начал пропадать скот:

овцы, бараны, позднее, коровы. Но на этом все не закончилось. Тревогу забили, когда начали пропадать люди. Пропали семьями, а позже и деревнями.

– Господин полковник, а может не надо сгущать краски? – Ляпнул старшина Хакин.

– Может и не надо, – чуть слышно произнёс полковник. – Что вы скажете о десяти тысячах пропавших без вести? Или о высланных трех группах штурмовиков? Мы уже потеряли более ста отличных бойцов. Эти твари действуют в районе залежей, где прерываются наши сигналы. К тому же вокруг сплошные джунгли, сколько мы не пытались их выследить, все безрезультатно. Для передачи сигнала необходимо приблизиться к реке Амара. Пока, это не удалось ни одному имперцу.

– Что мы имеем на данный момент? – не унимался Хакин.

– Только обрывочные слухи и страхи беженцев. Они утверждают, что племя Укача стало каннибалами. Всеми управляет их Шаман, будто бы его поразило зло и он совершает жертвоприношения во имя страшных богов хаоса. Еще говорят, что они поедают врагов и становятся сильнее день ото дня.

– Печалька, – только и произнес Хакин.

После последних слов полковника солдаты оживились, перестали дремать и вслушивались в каждое новое слово.

– Пока не забыл, – произнес полковник. – Укача уважают силу. Те враги, что не показывают свой страх, могут быть

вызваны на ритуальный бой «Качава». Необходимо одолеть трёх врагов и пленник получает свободу. Хотя, если честно мне ещё не доводилось встречать тех, что ушёл бы от Укача живым.

– Наши действия, полковник?

– Об этом я вам скажу позже, а ты, – полковник указал на Ари. – У меня есть для тебя отдельное поручение. Держи посылку, её необходимо доставить генералу на вторую базу. Полетишь вместе с Троком на «Черном Ястребе». Вопросы есть?

– Никак нет, господин полковник, – только и смог вымолвить Ари.

Шаман, что-то сказал ближайшему воину, тот вытащил из ножен кинжал и приблизился к Ари. Тот покраснел, но постарался сдержать крик боли, после того, как воин сделал небольшой надрез в области груди. После чего воин подошел к связанному Троку. Трок уже очнулся. От одного только вида оружия Трок заорал как резаный поросёнок.

– Трок, не ори, – только и успел сказать ему товарищ. – Не показывай страх.

– Да пошёл ты, – огрызнулся Трок.

Дальнейшее было словно в кошмарном сне. Лиам смотрел, как Трока развязали и провели к большому каменному столу, что темной глыбой возвышался посреди пещеры. Со всех сторон стол был украшен замысловатыми узорами. Тро-

ка поместили на стол и крепко связали руки и ноги, также зафиксировали голову. Все отошли от стола на несколько метров, позволив шаману приблизиться вплотную к бедному Троку.

Шаману поднесли кубок, он одним глотком разделался с содержимым. Старый колдун стал громко читать заклинания, после чего достал изящный ритуальный нож и перерезал глотку Троку. Трок пытался кричать, но из перерезанной гортани выходили только пузырьки. Кровь стекала по желобкам вниз. Шаман сделал разрез в области груди и вытащил бьющееся сердце.

Толпа туземцев закричала в экстазе. Шаман откусил от сердца кусок и передал воинам. Через несколько минут от сердца не осталось и следа. Колдун что-то крикнул и туземцы, как заправские мясники, стали орудовать тесаками. Аккуратно сняли кожу, отделили руки, ноги и голову. Какая то часть Трока полетела в большой булькающий котёл. Ари было всё равно, он просто закрыл глаза и стал молиться. Молился об убитом товарище, о том, чтобы эти дикари подавились бы Троком во время трапезы. Самое главное, он взывал к всевышнему о скором окончании кошмара, свидетелем которого он стал.

Ари Лиам, потомственный военный в четвертом поколении, не был трусом. Он не был испуган, когда его отряд попал в засаду на ледниках «Ализии». Мохнатые великаны окружили отряд со всех сторон. Бедный Сержи не успел

увернуться и его просто разорвали на части. Он не испугался, когда пришлось отстреливаться от жутких четырёхлапых тварей из проклятого мира «Даварон». Порождения хаоса плевались кислотой, что разъедала броню, каски, кости и плоть. Ранения были страшны. Обезображенные Кирк и Санел просто молили о быстрой смерти, и он им помог.

Тогда он не боялся, потому что был не один. С ним рядом сражались братья. Братья по оружию. Они прошли много сражений. Не раз получали ранения. Часто теряли друзей. Но он знал, что его спина будет прикрыта. Пока не полетели на «Морроон». Их отряд направили на укрепление цитадели местного правителя. Нападавших было много, целая армада. Отряд держался неделю. Когда пришло подкрепление, в живых был только он.

И вот он снова попал в передрагу: подвешенный в окружении людоедов. Ему было страшно. Страшно, что он совсем один, что нет братьев. Жутко умереть в сотне световых лет от родины. Боязно от одной только мысли, что родителям нечего будет похоронить.

Пленник хотел жить. Ему только недавно исполнилось двадцать семь. За время службы, он скопил хорошую сумму на банковском депозите. Оставалось буквально полгода до окончания контракта. Свобода и долгий путь домой. По его расчетам с пересадками надо лететь минимум три месяца. Что это в сравнении с десятью годами? Всего лишь малая часть.

На Алонии сейчас весна. Расцветают цветы, зеленеют поля. Мама с утра и до вечера возится в саду, да так, что вечером еле разгибается. Отец сидит на крыльце дома в своей коляске и играет в бадд с соседом Вари. Он не любит проигрывать, психует, раскидывает разноцветные фигурки и уезжает в дом. На следующий день Вари приходит к отцу и, в знак примирения, протягивает холодную бутылочку пива. Отец какое-то время бурчит себе под нос, успокаивается, берет пиво и приглашает Вари в дом.

Весной Алония расцветает миллиардами красок. Все живое стремится к свету. Девушки надевают короткие юбки и платья. Мужчины только и успевают крутить шей, подмечая красоту женских ножек. Ари давно мечтал побывать на родине. Влюбиться в одну из красоток и стать примерным семьянином. Порадовать стариков внучкой и внуком. Построить свой собственный дом с видом на горы и лес.

Но увы, не суждено сбыться его мечтам. Завтра, а быть может послезавтра, он может стать обедом местных гурманов. На грустной нотке узник провалился в сон.

Шаман Акачучача проснулся, как обычно, с восходом солнца. Сегодня он был в хорошем настроении. Вчера был неплохой день. Благодаря богам, над джунглями упал транспорт пришельцев. Двоих взяли в плен. Один был крупный, жирненький, его сразу же оприходовали, мяса должно хватить на несколько дней. Другой же был поменьше, жили-

стый, с холодным взглядом, внутреннее чувство подсказывало, что-то в нем есть. Не знаю, что, но он другой. Не похож на тех, кто приходил в такой же одежде.

Вчера был хороший день, но будет ли нам так улыбаться фортуна? В радиусе нескольких дней осталось очень мало племен и потенциальных жертв. Проклятые трусы Ораго, Прота и прочие, все перебежали к пришельцам. Сколько эти звёздные гады пытались нас выследить? Никто из них не ушел. Богиня смерти, Жарана, защищает своих последователей. Не даром мы делаем жертвоприношения в её честь.

«Мы не всегда поедали людей. Раньше мы были слабым племенем земледельцев. Часто наших сыновей, отцов и матерей брали в плен сильные Ораго, хитрые Прота и надменные Усону. Мы теряли близких. Они гибли на рудниках, добывая проклятую руду. Если бы до нас не снизошли боги, мы бы вымерли как племя. Благодаря всемогущей Жаране, мы обрели силу разить врагов. Наводить порчу, сеять страх на врагов. Но мы должны были за это платить – поедать сердца и плоть наших недругов. Много сопротивлялись, но со временем вошли во вкус» – размышлял Шаман о прошлом и настоящем.

Выйдя из пещеры, шаман увидел вождя племени – Вакаку.
– Вождь, – шаман подошел к нему, – что с дозорами?

– Дозоры должны сегодня вернуться, когда солнце будет в самой высокой точке, – буркнул Вакаку. – Надеюсь, они вернуться с добычей. Если не будет добычи, придётся убить

пленника. В последнее время, мало добычи.

Солнце взошло, дозоры вернулись ни с чем.

Шаман приказал казнить пленника. Какука с радостью согласился исполнить волю шамана. Узника переложили на жертвенный стол, он побледнел. Многие на его месте начинают рыдать, молить и помощи. Он же просто молчал. Какука занёс кинжал над сердцем пришельца и тот крикнул:

«Ка-ча-ва», «Ка-ча-ва».

Все, кто были в пещере, от неожиданности повернули голову в его сторону.

Шаман поднял руку вверх и приказал остановиться палачу.

«Откуда это пришелец знает слово – качава?» – недоумевал шаман.

Ритуальный бой или качава – традиция, которой не одна сотня лет. Если кто-то произнес это слово, будь даже чужак, он получал право на последний бой. От племени выходил самый лучший воин. Если побеждал пришлый, ему давали время уйти.

– Какука, возьми пленника и веди в круг смерти.

– Великий Акачучача, – пытался возразить Какука. – Но он же чужак.

– Он сказал «Качава», а это закон.

– Да, шаман!

Когда пленника вели к кругу смерти, все больше и больше воинов присоединялись к процессии. Каждый воин племени

имел право выйти на бой. Дорога до песчаного круга заняла сто ударов сердца. Узнику указали место, куда встать перед началом боя.

После освобождения рук, он начал разминать тело, тянущаясь. Каждое его движение, отдавало животной грацией. Традиционно воины сражались, используя деревянные палки, до тех пор, пока один из них не оставался на ногах. Проигравший же обычно терял сознание или погибал.

Бой начался стремительно. Против узника вышел биться лысый Закакуа. Закакуа обрушил град ударов на соперника. Молодые побеги бамбука, в руках сражающихся превращались в опасное оружие. Они обладали хорошей гибкостью и оставляли болезненные раны на теле.

Закакуа был одним из лучших воинов, его умение биться на бамбуке было известно за пределами племени. Бамбук в его руках извивался будто живая змея. Удар сверху, по центру. Пленник легко парировал все выпады и перешёл в нападение. Совершил мельницу на уровне головы, Закакуа пригнулся и получил следующий удар по ногам. Хватило десяти ударов сердца и один из лучших воинов племени Укача проиграл схватку.

Следующим вышел Харакукау. Щуплый, но смертельно опасный. Некоторые заплатили смертью приняв его вызов и сразившись в кругу смерти. Радовало одно, что умирали они быстро. Однако, против Харакукау был другой противник, не из племени. Они сошлись как опытные фехтоваль-

щики. Выпад справа, слева, справа. Пленник пропустил удар в левое плечо. Щуплый заулыбался, недооценивая врага, о чем сразу же пожалел. Пленник сделал обманный финт вправо, влево и нанес разящую атаку по центру. Харакукау упал, пропустив выпад в солнечное сплетение, у него перехватило дыхание. Он, как рыба на берегу, барахтался и пытался дышать.

Смотря на своих соплеменников, на бой вышел Макаку, сын вождя. Хорошо сложен, силен, дерзок. На фоне своих братьев он сильно выделялся. Вождь уже обучал его, как своего преемника. Макаку вышел в круг смерти. С презрением глянул на палки бамбука и приказал принести ножи.

Нож в руках мастера превращался в смертоносное оружие. Макаку любил ножи, а также выполнять роль палача. Наслаждался страданием обречённых, их последними конвульсиями. Но одно дело, перерезать горло или вонзять холодную сталь в грудь беспомощной жертвы и другое дело выходить на бой с серьезным противником. Уже двое из племени недооценили противника, о чем и пожалели.

Бой на ножах начался с разминки. Противники не спеша сблизилось. Каждый пытался прочувствовать врага, его реакцию, скорость. Пленник то атаковал, то уходил в глухую оборону, перекидывая нож из одной руки в другую. Макаку удалось ранить противника. Алая кровь окропила песок. Бой продолжался с явным преимуществом сына вождя.

Обессиленный чужак отбивался все слабее и слабее. Ска-

зывалось недоедание и потеря крови. Завязался ближний бой, во время которого пленник обронил свой нож. Клинок Мааку завис над чужаком и медленно опускался вниз. Ещё чуть-чуть и с пленником будет покончено. Воины племени радостными криками подбадривали своего соплеменника.

Но что-то пошло не так, пленник резко вывернулся из захвата, перехватил занесенный над ним нож и вонзил его в соперника. Мааку лежал мёртвым на влажном от крови песке. Увидев поверженного сына, вождь взревел:

– Убить, – указав на чужака.

Не зная языка, пленник внутренним чутьем осознал опасность и побежал.

Услышав крик – «А-А-ПП-АА-Ч-АА» – Ари Лиам бросился бежать. От одного только слова волосы вставали дыбом, а душа улетела в пятки. Конечно ему хотелось бы узнать точное значение слова, но, судя по безумным глазам вождя, он понял, что это значит. Так быстро он никогда не бежал. Будучи школьником, он пробегал на время стометровку в школе, но это не шло ни в какие сравнения с тем, как он бежал сейчас.

Каждая его клетка чувствовала прилив адреналина. В висках стучало, сердце билось в груди, как отбойный молоток. Организм работал на пределе своих возможностей. Скорее всего, за это придётся платить, если повезет остаться в живых.

Он бежал, спотыкался о корни деревьев, коряги, падал, вставал и мчался дальше. Самое главное для него было выбежать на открытое пространство. Джунгли были родным домом для туземцев, они знали каждое дерево и кустик. Нападающие в джунглях могли обойти незаметно по флангам, но на открытой местности сделать это невозможно.

Шестое чувство подсказывало ему, что бежать надо прямо на север. Он все больше встречал следы животных. Скорее всего они направлялись к водопою, там должна быть большая река. Если повезет добраться до воды, шансы выжить увеличатся.

Тем временем погоня продолжалась. Более тридцати воинов преследовали убегающего. Многие из них кричали, загоняя свою жертву. Им не впервой преследовать дичь. Азарт погони, предвкушение скорейшей развязки. За убийство любимого сына, вождь племени будет убивать медленно, очень медленно, возможно мучения растянутся на несколько дней.

Ари начал ощущать нахлынувшую усталость, нехватку калорий и потерю крови. Раны давали о себе знать, ничто не проходит бесследно. Пролетающие копья свистели над головой. Он выбежал из джунглей и бежал по равнине. Равнину по пояс покрывала растительность. Ноги начали застревать во влажной почве, что предвещало появление воды.

Он уже потерял счет минутам, казалось, его бег продолжался вечно. Впереди показалась река, широкая и мутная от ила. Самое главное он сумел добежать до равнины. Его бег

постепенно превращался в шаг. Нападающие шли не спеша, полукругом, сводя на нет все попытки бегства.

Внезапно правую, а затем и левую ногу пронзила боль. Осмотрев рану Лиам обнаружил два дротика. Отбросив их, он попытался встать, но не смог. Оставив попытки вернуться в вертикальное положение, он просто начал ползти. Но его хватило всего на десять движений. Быть может дротики обладали отравляющим или останавливающим эффектом. Тело перестало слушаться Ари, единственное что он мог сделать, это перевернуться на спину. Он хотел последний раз насладиться красотой неба.

Ари мечтал лишь об одном – о быстрой смерти. Он был наслышан о зверствах туземцев. Они давно достигли совершенства в искусстве пыток. До трех дней человек мог быть в сознании, пока с него с живого снимали кожу.

Ари взглянул на огромное небо. Небосклон был чистым, за исключением двух маленьких черных точек. Точки постепенно увеличивались. Не прошло и десяти ударов сердца, как можно было распознать абрисы боевых звездолётов, аналогов «Черного Ястреба». Они приближались на огромной скорости. Почти подлетев к Ари, они начали плеваться огнем. Вот один туземец упал, и ещё один. Остальные замедлили шаг, остановились. Подумав несколько секунд приняли решение, что перевес явно не в их сторону и, что было сил, метнулись в джунгли.

Из чрева приземлившихся кораблей появился внушитель-

ный отряд штурмовиков.

– Медика сюда, – указывая на Ари, сказал старый полковник, и добавил: – сынок ты справился.

– Господин полковник, – только и смог вымолвить ошарашенный спасённый.

Спустя несколько дней Ари выписали из лазарета. Он быстро шёл на поправку. После выписки он сразу же направился к полковнику.

Полковник Харвец или просто полковник, как звали его все бойцы, был в своём кабинете. Кабинет был не большой, по центру стоял стол, заваленный бумагами и пару кресел. На стене висела большая карта Контера. Полковник стоял вплотную к карте и изучал разноцветные кнопки-гвоздики, расположенные по всей карте. Некоторые убирал, но вставлял другие.

– Капитан Ари Лиам, – полковник с радостью поприветствовал входящего. – Вас уже выписали? Думал не скоро увижу вас.

– Спасибо, я в порядке.

– Присаживайся. О чем ты хотел спросить?

– Что за идиотский приказ лететь через джунгли? Почему мы потерпели крушение? И как вы меня нашли?

– Я давно думал, как разворошить это осиное гнездо. Посылал несколько отрядов, но их всех перебили. Мне нужен был козырь, чтобы уравнять шансы. После того, как тебя на-

правили к нам, я провел собственное расследование. Твой послужной список меня впечатлил. Более двухсот боевых выходов. Ты единственный, кто выживал в таких клоаках, о существовании которых многие и не подозревали.

– Полковник, – капитан был взбешён. – Меня нельзя было поставить в известность?

– Капитан, на то и был расчёт. Мы сами повредили корабль, чтобы вы попали в плен.

– Это ясно, – произнес успокоившийся Ари. – А как вы планировали нас найти? В том районе много помех.

– Перед полетом тебе и Троку сделали прививки. Это были стандартные нано датчики. Что бы датчик начал передавать сигнал, вам надо было оказаться на открытом пространстве. Что тебе и удалось!

– А как же Трок? – перед внутренним взором спасённого всплыли ужасные воспоминания о пещере. – Он же погиб?

– Идет война, – спокойно ответил полковник. – Смерть Трока была не напрасна. Нам удалось выяснить, где находится логово племени людоедов. Вчера закончилась операция по нейтрализации противника. Беженцы племен Ораго, Усону и Прота начали возвращаться на свои земли. Им больше ничего не угрожает. Разве это не достойная награда за смерть воина?

– И что теперь, полковник?

– Домой Ари... домой, – произнес полковник. – Кстати, за успешное завершение стратегической операции, тебе при-

своено внеочередное звание и полагается премия.

– Почетная грамота?

– Десять миллионов кредитов.

– Это же огромные деньги. За десять лет я заработал всего миллион.

– У меня другая информация.

– Не понимаю?

– За особые заслуги всегда полагается вознаграждение.

Для переводов отдельный счет и капают проценты. Ты не знал?

Ари пытался вспомнить условия контракта, но не смог. Он так стремился в армию, что просто не глядя поставил галочки в нужных местах и расписался. Остальное казалось неважным. Тогда.

– До конца контракта осталось ещё полгода.

– Вот приказ из центра. Его подписал сам командующий.

Ты освобожден от несения дальнейшей службы. Возражения есть?

– Никак нет!

– Вот и хорошо. Бери документы и вали домой. Это приказ, сынок!

Андрей Лоскутов

Призрачный шабаш

(Собрание призраков у гроба мертвеца)

– Итак, начинаем наше сегодняшнее совещание! – провозгласил судья в чёрном, рваном балахоне.

– Че ещё за совещание? – отозвался парень иглами, торчащими из обеих рук. – Мы мёртвые, а мертвецам не нужно ходить на работу.

– Это верно, – отозвался мужчина в белом халате. – Но мы всё равно здесь и это факт.

– А перед нами господа и дамы, обычный офисный клерк, старик, проработавший тридцать лет от звонка до звонка.

– Вы заткнётесь или нет?! – заорал покойник, ворочаясь в гробу. – Дайте попасть задолбали!

– Ты спи, спи, а мы посмотрим, – врач подходит к столу с документами, берёт заключение и громко цокает языком.

– Что ещё?!

– Заключение то, подделка, с такой высоты шея не может сломаться сразу в четырёх местах.

– Похоже ей помогли сломаться, – поддержал полицейский, глядя на покойника из-под фуражки.

– Две квартиры, машина и дача мм, родственникам будет чем поживиться, – замечает юрист, листая между делом со-
вещание.

– А вам то, что?! – взъярился покойник. – Какое вам де-
ло?! И вообще какого хрена вам надо?!

– Нам нужен ты! – во тьме отвечает сразу несколько голо-
сов. – Не хватает как раз тринадцатого.

– Для чего? – негромко спрашивает банкир, прогоняя
остатки сна и приподнимаясь на подушках.

– Навестить твоих родственников, например, – спокойно
отвечает судья. – И всех тех, кто несправедливо обошёлс я
нами.

– Подбирай слюни, вставай и одевайся! Мы за тобой! –
добавил полицейский, громко щелкнув пальцами.

– Вы только посмотрите какой корявый разрез у него на
груди! – негромко захихикал нарик оскалив жёлтые зубы.

– Идиот, – прошипел полицейский, отвесив парню звон-
кую затрещину. – У тебя такой же!

Закончив все приготовления призраки по цепочке напра-
вились к выходу. Гроб банкира опустел ненадолго, вскоре
маленький городок наполнился криками, а затем настала ти-
шина. Прав был юрист, родственникам будет чем поживитьс я.

Дедушкино наследие

Погреб на даче мне запомнился как тёмный, сырой и грязный подвал в который дедушка иногда спускался за картошкой, огурцами и вареньем.

Долгое время я обходил его стороной, пока не свалился, запнувшись о загнутый ковер. Подвернул ступню, ушиб локоть и сломал руку. Дедушке пришлось позвать соседа, чтобы вместе с ним меня вытащить. За те двадцать с лишним минут, что я там просидел, хныча от боли мне казалось, что всё вокруг меня скребется и движется. По картошке вверх и вниз прыгали маленькие тёмные существа. Кроты или может быть крысы.

Разглядеть в темноте было сложно, зато я хорошо слышал все их движения, они ползали, шуршали и грызли всё, что попадалось им на пути. Перед тем зажегся свет и в погреб стал спускаться дедушка я успел услышать негромкое рычание и увидел два больших красных глаза в полуметре от своего лица. Я даже на какое-то время забыл о пронизывающей всё тело боли и не смел шевелиться, глядя перед собой. Но когда свет включился никого в погребке кроме меня не было.

Я никому никогда не рассказывал о своём падении и спасении. А спустя годы вообще о нём позабыл и очень удивился, узнав о том, что тот сырой погреб и дом над ним достались мне в наследство от дедушки.

После смерти родителей в аварии я перестал ездить на дачу. В последние годы своей жизни дедушка частенько звал меня погостить, всё обещал показать нечто. Но мне в колледже было не до того. Пары, учебники, библиотека ну и разумеется друзья, гулянки, вечеринки, девчонки. Всё это разом не очень-то давало мне скучать.

Я был очень удивлён, когда после таинственного исчезновения деда годы спустя нашлось его завещание. Оказалось, что он всё оставил мне.

Дом, который я помнил с детства сейчас как будто осунулся, осёл и покосился от нескончаемых ветров, дождей и времени. Я и позабыл какой он большой. Большие грязные окна, упавший, полусгнивший забор и яблоня за ним. Размашистые ставни, кое-как державшиеся на ржавых петлях с печальным укором, смотрели на меня снизу-вверх будто говоря: "Где же ты был всё это время парень, пока был нужен здесь"?

Земля под фундаментом ходила ходуном и мне с трудом удалось открыть подсевшую входную дверь. Дедушка в своем последнем письме очень просил меня заглянуть в тот самый треклятый погреб. Как будто я не посмотрелся на него в детстве. Но делать нечего, последняя воля умершего. К тому же мне нужны были деньги и с продажи земли я надеялся выручить хоть что-то.

С трудом спустившись вниз я поначалу не обнаружил в погребке ничего интересного. Кругом на полках вдоль стен стояли запыхавшиеся банки с чёрной, мутной жижей внутри. То, что раньше было заготовкой на зиму сейчас плесневело и плескалось внутри окислившихся, почерневших от времени сосудов. Маринованные огурцы, помидоры, сгнившая картошка в пластиковых ящиках и белых, вязанных мешках. Забродившее, давно пропавшее варенье из разных ягод.

Было похоже, что никто сюда не спускался годами и посреди всей этой грязи мой фонарик случайно выхватил из темноты зияющую дыру в одной из стенок погреба. Слегка подрагивающий свет падал в проём и уходил куда-то вглубь гигантского туннеля.

На какой-то момент я обомлел, но всё же сумел совладать с собой и подошёл чуть ближе. Старые доски, служившие в погребке полом, закрипели у меня под ногами и в тот же момент из темноты вытаращились мелкие, красные огоньки. А затем показались ещё и ещё за ними.

– Крысы! – подумал я, поворачиваясь назад к лестнице.

Мелкие зверьки запищали все разом и поползли на свет моего фонарика шурша своими мелкими, когтистыми лапками. Злые и голодные. Они уже давным-давно не видели никого в этом доме, всё, чем они могли поживиться либо, испортилось, либо сбежало. И сейчас единственным съедобным для них объектом был я.

Закричав я кинулся вон и погреба, но ноги не слушались и

старые лестничные прутья ломались подо мной одно за другим. Я пытался подтягиваться на руках, но лестница ходила ходуном и казалось вот-вот развалиться.

Тем временем крысы заполонили погреб. Мелкие, шуршащие, пищащие создания как одна большая река бурным потоком выливались из дыры в стене и барахтались у меня под ногами. Мне оставалось совсем чуть-чуть, чтоб зацепиться за край потолка и выбраться наружу как вдруг лестница, не выдержав моего веса разломилась пополам.

Едва чиркнув пальцами по краю я, закрыв глаза полетел вниз и упал сверху на это бушующее крысиное море. Чувствуя, как они ползают по мне я ждал укусов, надеясь лишь про себя, что всё пройдёт быстро. Они сожрут меня прямо здесь на грязном полу накинувшись все разом. А потом ещё несколько дней будут обглаживать и обсасывать кости.

Но ничего не происходило, открыв глаза я увидел крысу, стоявшую у себя на груди. Она была чуть больше своих сородичей, со слегка вытянутой мордой и длинным хохолком. Обнюхав меня, зверёк удовлетворенно пискнул и остальные как по команде потянули меня к дыре.

Я пытался сопротивляться, но всё было без толку, крысиное море затащило меня в дыру и потянуло в тоннель. Всё глубже и глубже, я потерял счёт времени пока продолжался этот удивительный спуск. Звери двигались подо мной и тянули все как один. Я пытался цепляться за стенки туннеля, но только ободрал и оцарапал пальцы.

Мне было страшно как никогда, уж лучше бы меня съели там в погребке, а не тащили с собой оставив еду про запас. Вскоре впереди забрезжил свет, тоннель привёл меня к маленькой, сырой комнатке. Слегка осмотревшись я понял, что нахожусь на дне старого, высохшего колодца. Свет падал из проема сверху и его едва хватало чтобы что-то разглядеть.

Крысы отпустили меня и отступив назад встали кругом. Похоже они хотели мне что-то показать. С трудом поднявшись на ноги я увидел ту самую крысу с хохолком. Возможно она была у них за главного. Зверёк сидел на спинке огромного кресла в котором восседал человеческий скелет. Подойдя ближе, я наконец, понял, куда пропал дедушка и что мне досталось в наследство.

Проклятое наследство

Семён Павлович-старший заставлял своих детей и внуков плести искусственные венки.

Продаешь петельку и тянешь, – приговаривал он, когда его старший сын зализывал исколотые в кровь пальцы. – Больше венков – больше денег.

По итогу жителям городка пришлось заказывать венки и памятники у Семёна Павловича в кредит. До соседнего городка было триста с лишним вёрст, а вести поклажу, как всегда, не на чем. По разбитым дорогам разве что трактор мог проехать, но использовать его в таких целях местными вла-

стями не разрешалось.

Вообще, в народе поговаривали о заключённой сделке между городским советом и оборзевшим Семёном Павловичем. Дескать, он заполняет объёмные карманы советников, а те прикрывают его от налогов и поставляют новых клиентов.

Так и обирал Семён весь городок, не ведясь на регалии, и скидок никому не делая. Однажды, в аккурат под новый год, пришла к нему женщина с просьбой похоронить мать. Организовать скромные, тихие похороны без помпезных отпеваний и огромного памятника.

На что Семён ответил, что мать всё же одна и скупиться на её похороны явно не стоит. Старик ещё издали заметил норковую шубу и новенькую машину горемыки. Она похоже недавно получила наследство и делиться им явно не собиралась.

В народе тогда поговаривали, что почившая была ведьмой и кое-чему сумела обучить дочь. Ей бы точно не понравилось поведение жадного старика, но других вариантов с похоронами в этом городке всё равно не было. Горемыке пришлось согласиться, ударили по рукам и только в последний миг своей жизни Семён Павлович пожалел, что покусился на проклятое наследство.

Тем же вечером из городского морга в его особенный холодильник в подвале под магазином привезли омытый и подготовленный к погребению труп старухи. Семён, жадно потирая руки снова взял деньги вперёд и остался ночевать в

магазине, всю ночь подгоняя детей и внуков, заставляя их делать грязную работу.

С 12 ударом часов гроб старухи пришёл в движение. Он шатался из стороны в сторону, а изнутри него слышалось бормотание. Мёртвая старуха с закрытыми глазами сосредоточенно шептала заговоры и проклятия на голову незадачливого похоронщика. Умерший мозг вспоминал, а беззубый рот приговаривал.

Она продолжала говорить пока не послышалось шевеление на кладбище. Мертвецы выбирались из тесных могил, откапывали себя и неспешно брели к магазину. Все, кого в своё время обобрал и ограбил Семён Павлович. Почти каждый похороненный жаждал мести и хотел наказать старика за жадность.

В 12:05 магазинчик затрясся под градом ударов. Мертвецы ломали стальные решётки на окнах, крушили стены и толпой лезли внутрь. Охваченный невообразимым ужасом старик всё же нашёл в себе силы и стал защищаться. Схватив из-под прилавка ружьё, он выстрелил несколько раз в приближающихся зомби. На что старуха лишь хрипло засмеялась, лежа в своём гробу.

Когда патроны кончились, трупы схватили старика и поволокли на улицу. Сидевшие у прилавка родственники кинулись в рассыпную. Но мертвецы и не думали их трогать. Старший сын Семёна в своей голове отчётливо слышал хрипловатый шепоток.

– Твоё время ещё не настало.

Вытащив барахтающегося и орущего старика на улицу трупы подхватили его на руки и понесли через всё кладбище в сторону специально приготовленной могилы. Мертвецы бросили старика в грязь лицом и забросав его венками, зарыли руками и затоптали ногами могилу.

Похоронив живого Семёна, они вернулись на свои места, а улыбающаяся в подвале старуха притихла. После её похорон ещё одному человеку суждено было умереть. Транжира дочь поплатилась за продажу икон местной церкви, даже подушки в новенькой машине её не спасли от падения с обрыва.

Благодарственное письмо

Я, как организатор и составитель сборника «Карнавал мистических историй», хочу поблагодарить всех авторов, которые подарили прекрасные истории для его создания.

В этот раз нас стало больше. Есть участники первого сборника и новые авторы. Они старались и хотели порадовать своих читателей. Я багодарна им за помощь и хорошие истории.

Благодарю свою семью за терпение, помощь и любовь ко мне. Извини муж, завтра мне будет стыдно.

Спасибо читателям, которые нашли время прочитать сборник. Надеюсь, он вам понравился.

С любовью Ирина Манкевич